

18+

Александр Черенов

*Мне
отмщение,
и Аз воздам*

Александр Черенов

Мне отмщение, и Аз воздам

«Издательские решения»

Черенов А.

Мне отмщение, и Аз воздам / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989041-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Новоявленные «хозяева жизни» и их челядь из «слуг народа» и «слуг закона» решили, что им принадлежат не только плоды труда миллионов людей, но и их жизни. И как быть тем — другим, не «хозяевам»? Последовать за Христом: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39)? Или предпочесть Оппонента: «Ненавидь врагов своих всем сердцем, и, если кто-то дал тебе пощечину по одной щеке, сокруши обидчика своего в его другую щеку! (Сат. Библия, 3:7)». Каждый делает свой выбор сам...

ISBN 978-5-44-989041-2

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	60
Глава двенадцатая	65
Глава тринадцатая	69
Глава четырнадцатая	75
Глава пятнадцатая	79
Глава шестнадцатая	82
Глава семнадцатая	89
Глава восемнадцатая	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мне отмщение, и Аз воздам

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-4498-9041-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Никто не даст нам избавленья – Ни Бог, ни царь и не герой...»

Глава первая

Жизнь учит. Самой себя. «Даёт жизни». Ну, так, как дают уроки в школе. В школе жизни. Какими способами? Разными. Главное – чтобы дошло. Например, «фасадом» в «это самое». Или тем же, но менее радикально: о предмет кухонного интерьера. Способ – простой и доступный. Позволяет усвоить самые необходимые в демократии вещи. Например, что она есть такое.

Ну, вот, что она такое? Правильно: власть народа. Но мало правильно перевести: надо ещё правильно истолковать. А почему? А потому, что есть власть – и есть народ. Не понятно? Так, на то и учителя, чтобы объяснять. Они и объяснили, что власть народа – это... Ну, вот, говорят: судьба народа. Родительный падеж – не документ на право собственности. Никто ведь в здравом уме не скажет, что судьба – это то, что принадлежит народу. Скорее, наоборот: это – то, чему принадлежит сам народ. Как тому, что не приватизируешь, поскольку сам приватизирован им. Как тому, чем, если и обладаешь, то лишь, как верблюд – горбом.

Вот так и с демократией. Вопрос о соотношении её составляющих – наиважнейший. Правильное его уяснение позволяет избежать неправильных представлений о себе – со всеми вытекающими и вытекающими. Нельзя пытаться истолковать вещи в лоб: шишку набьёшь. На лбу – и уже на своём. Да и то – в лучшем случае.

Спасибо учителям за науку. А то некоторые так далеко отошли от реалий, что заблудились. По причине неправильного истолкования терминов. Ни с того, ни с сего, взяли – и решили, что власть народа – это власть... народа! То есть, право тех, кого больше! И вот – результат: в каждой реке они стали видеть молочную, в каждом берегу – кисельный, а в каждом прохожем – друга, товарища и даже брата! Одно за другим они начали совершать опасные заблуждения. Заблудились, то есть. Ну, вот их и вывели «к свету». Указали на смысловые ошибки.

А как вывели, всё сразу же встало на свои места. А народ – так в первую очередь. Правда, кое-где ему пришлось указывать это место – и даже ставить на него. А иногда даже – в него. Как в стойло. Но это уже нюансы воспитательной работы.

Нет, правильно, что нас «учат жизни». Точнее, научают. Постоянно. Тем самым «доходчивым способом». А как иначе? Иначе ведь мы не понимаем. Например, сами мы не поняли, что власть – это... власть. И, если, она как-то и связана с народом, то лишь как всадник – с лошадей, хомут – с шеей, начальник – с подчинённым. Потому, что власть – сама по себе. Ну, и по нас, разумеется. Как грибок – по грибы.

Странно, конечно. Вроде бы мы избирали её «из себя» и для себя, а получилось то, что получилось. Едва отхватив «мандат доверия», поверенный забыл о доверителе – и превратился в хозяина того, кому был призван служить. И те, кто не понял этого, должны были винить лишь самих себя. За непонимание природы демократии и диалектики бытия.

Ну, а всем остальным «диалектикам поневоле» оставалось лишь благодарить власть за науку. Потому, что власть так прямо и намекала: «Скажите ещё спасибо, что...» Дальше обычно шёл перечень того, за что надо говорить «спасибо». Чаще всего, он был предельно кратким. Обычно фигурировал лишь один предмет благодарности: жизнь. О приложениях к ней «счастливчик» должен был заботиться сам. Потому, что власть свою часть работы сделала. Хотя бы предоставлением выбора. Какого? Станный вопрос: между бременем жизни и возможностями освобождения от него.

И это соответствовало действительности. Тут, уж, не возразишь. Власть была так великодушна, что не только позволяла самим делать этот выбор, но и всячески способствовала его оптимальности. Различными способами. Такими, например, как пропаганда здорового образа жизни посредством урезания рациона ввиду торжества рыночной экономики. Или ориентацией на сбор исключительно «сокровищ небесных» – с возложением на себя тяжких обязанно-

стей по сбору сокровищ земных. Ну, вот, ни дать, ни взять – приносила себя в жертву. И совсем неважно, что Мамоне и золотому тельцу. Главное: освобождала от этого бремени народ. Занималась самопожертвованием, то есть.

И нам бы в ногах валяться у такой власти! Нам бы в пыли перед ней лежать! И хоть мы только этим и занимаемся, но ведь не искренне, не по тому поводу и зачастую не своей волей! Являем чёрную неблагодарность, то есть. Вроде, всё нам объяснили – чтобы не забывали и не забывались. Вроде, отвели подходящее стойло. Вроде, красочно расписали перспективы жизни... в «другой жизни» – а нам всё не так! Чем-то мы, да обязательно недовольны.

А уж, как стараются власти сделать жизнь красивей! И не надо говорить, что – себе: злопыхательство. Не обязательно владеть красотой: это – такое бремя! А вот наслаждаться – вовсе даже нет. Пусть даже со стороны, издалека, из-за забора. Ну, вот – хотя бы на их дворцы на вчера ещё нашей земле. Но нет: вместо того, чтобы радоваться за людей да красотой восторгаться, мы негодуем! Всё нам не так – потому, что не нам.

А, нет бы, понять, что привычный мир сломан, и, как говорится – и поётся – «к старому возврата больше нет». И диалектик так бы и сделал: понял и даже возрадовался. Но мы не диалектики: мы – заскорузлые ретрограды. Мы не понимаем, что ломают не всегда из хулиганских соображений. Иногда – для того, чтобы строить. И не только абстрактный новый мир, но и вполне конкретные дома. И ведь мы имеем уникальную возможность наблюдать этот исторический процесс. Ведь строят не где-то, там, «на руинах»: у нас во дворах. Под самым носом – и даже «на головах». В порядке обустройства «свободных площадей».

И опять мы недовольны. Ну, вот – не диалектики. Не отдаём сознание во власть бытия. А нет бы, вспомнить, что творилось вокруг прежде? Не в «глобальном аспекте»: в плане кругового обзора? Ведь кругом были одни пустыри! А как ещё определить тот продукт расточительства, который произвели архитекторы советских времён?! Детские площадки, придомовые территории, палисады, цветники, скверы, хоккейные корты, футбольные поля, турники! Лавочки в десяти метрах у подъездов! И всё это – во дворах, согласно генплану! Ужас! Кошмар! И, слава Богу – а также зелёному доллару и разноцветному рублю – что это время прошло! Прошло время планового беспредела, когда государство маскировало розариями пустующие «площадя»! И правильно, что восторжествовал новый подход: «Ни метра – зелёным пожирателям! Двумогим – тоже!»

Нет, нужно было спасти положение! А «пипл», если и понимал это — не так, как нужно. А всего-то и требовалось: определиться с новым подходом к красоте. Старый-то был извращён большевиками. С их общей меркой по части коммунальных благосудений. «Что – народу? Всё – народу!» А народ – это ведь люди. А люди – разные. И возможности у них – разные, не говоря уже о потребностях. С чего они такие разные – другой вопрос. Значит, требовалось соответствовать времени. Всем – и красоте тоже.

Отсюда: перемены были обречены на то, чтобы иметь место быть. Они уже не могли не начаться. Поэтому-то в обиход по-хозяйски и вошли незнакомые слова: «инвестиционный климат», «инвестиционные приоритеты», «инвестиционный портфель». И, неважно, что там было первичным: климат, приоритеты или портфель с его содержанием. Важно другое: власть, наконец, встала в ряды строителей светлого будущего – и даже настоящего. В прямом смысле. Образовался союз «меча и орала» на новый лад. Этакое братство столоначальников и капитала. Интересы застрельщиков перемен взаимно переплелись. На благо всех, разумеется. Всех чиновников и бизнесменов.

Не секрет, что перемены в мировоззрении тесно увязаны с личным интересом. Как сказал один товарищ: «Деньги пока ещё не отменили». И вот – результат: то, что было невыгодным вчера, стало выгодным сегодня. Конечно, это произошло не вдруг: каждому овощу – свой срок. «Овощу» первоначального накопления капитала – тоже. Он «созрел», «накопился» – и куда-то его надо было девать. На Канарах были, новинками авто пресытились, икрой едва ли

не блевали. Пора было пристраиваться к серьёзному делу. Капитал ведь существует не для того, чтобы его проедать. На него нужно деньги делать. И делать их обязаны они сами. Это – азы капитализма. Значит, нужно вкладывать. Но по уму: лишь в то, из чего можно извлечь наибольший доход с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки.

Одним из таких наиболее привлекательных источников вложения и стало, как это ни странно, строительство. То самое: «у нас под носом». Тихо и незаметно, строительство по привлекательности – и своей, и капиталов – вышло на одно из первых мест наряду с банками и нефтью. Времена, когда на строительство глядели лишь как на самый надёжный способ «омертвления капитала», ушли в небытие. В дополнение к потребности в шикарном офисе и торговых центрах неожиданно возникла потребность в жилье. В качественном, «элитном», на западный лад. Для подрастающего «среднего класса». С соответствующими, разумеется, ценами на него.

Неправедному капиталу – а другого у нас и не бывает – осталось лишь устремить свои потоки в русло строительной индустрии. Возведение жилья стало не менее доходным и престижным видом бизнеса, чем строительство бесчисленных торговых центров и всевозможных значных мест. Более того: приоритет от возведения «элитных» особняков перешёл к многоэтажным, многоквартирным и многоквартильным объектам. Строить начали – по сравнению с временами абсолютного «бесстроя» – много. Но как-то странно – «по бессистемной системе». «Как Бог на душу положит». Правда, Бог к «положению на душу» не имел никакого отношения: клал не он. Объектом положения выступала душа бездушного чиновника. Предметом – конверт. По причине этого «положения» ни о планировке, ни о привязке, ни о гармонии уже не вспоминали. Тем более, не вспоминали о каких-то, там, жильцах.

Буржуа – не «пипл». Их взгляды на жизнь меняются с изменением конъюнктуры. То, что вчера ещё не имело перспективы удостоиться даже плевка от новых хозяев жизни, сегодня превратилось в «золотую жилу» – и даже «яблоко раздора». «Яблоко раздирали», конечно же, те, кому это полагалось по должности: столоначальники. «Раздирали» так, чтобы хватило всем. В том числе, и столоначальникам. А всё потому, что интерес новоявленных строителей носил специфический характер. В плане географии. Дело в том, что он ограничивался исключительно центром города. Другие площадки застройщиков почему-то не интересовали. Хотя этих, других, было в сотни раз больше – и все «в свободной продаже»: ни конкурса, ни конкурентов. Но – на окраинах города. Там, где в девяносто первом остановились строители «коммунистического завтра». По той причине, что оно вдруг стало «вчера».

А центр – это центр: седмерицей вознаградит! Вот и полезли. Во двory. Под бок к другим многоэтажкам. На спортивные площадки. На детские площадки. На придомовые территории. На тротуары. На пешеходные дорожки. В городские парки, скверы, бульвары. На площадки для контейнеров с мусором. Всюду, куда только могла ступить «нога» башенного крана.

И стала земля объектом взаимоисключающих интересов. Борьба пошла за все свободные участки в центре. Хотя большинству из них ещё предстояло стать свободными. Для этого их требовалось очистить от «наследия проклятого коммунизма». От тех же детских площадок, скверов, палисадов, площадок для выгула собак, площадок под контейнеры для сбора мусора. Даже щели между домами – и те участвовали в конкурентной борьбе.

Возражения несознательных жильцов, «неправильно понимающих политику партии и правительства», немедленно пресекались «крупнокалиберным» доводом: «это – земля города». Читай: столоначальника, приставленного к бумагам. И к столу, от которого можно приобрести. Sapiēti было sat. То есть, умному было достаточно. А вот те, которые остальные, те, кто не понимали этого довода, не понимали его на свою голову. И на свою же задницу. Поэтому число непонимающих, изрядное вначале, быстро сокращалось. После соответствующей разъяснительно-воспитательной работы.

Дураки были архитекторы советских времён: блюли, понимаешь, пространственную перспективу! Геометрией занимались! Отводили, понимаешь, такие большие – пустующие, с точки зрения их «преемников» – площади под зелёные насаждения, цветники, аллеи, скверы, фонтаны!

Зачем?! Зачем, когда всё это можно – и с выгодой для... хм... города – отдать нуждающимся... миллионерам?! И чёрт с ней, с этой пространственной перспективой! И чёрт с ней, с этой геометрией! И чёрт с ними, с этими зелёными насаждениями – пусть даже город, расположенный в полупустыне, задыхается от пыли, промышленных выбросов, смога и жары! И неважно, что эти случайные постройки «не монтируются» с обликом города. Главное, все довольны. Все, кому «положено» быть довольными. Кроме, конечно, этого... как его... э...э... э... народа. Потому, что он – не диалектик.

С того всё и началось. С непонимания диалектики. Как знает даже неграмотный, вначале было слово. В данном случае: слово жалобы. От населения. Думающего, с точки зрения масштабных взяточ... пардон: деятелей – только о своих узкоэгоистических интересах: детки, старички, собачки, здоровье и прочие несущественные мелочи. Несущественные – с точки зрения весьма существенной не мелочи, получаемой столоначальниками «за заботу об облике города».

После активной профилактической работы среди населения оно стало, в общем и целом, «правильно понимать политику партии и правительства». Потому, что власти всё сделали для достижения взаимопонимания... в свою пользу. Ведь кто только не участвовал в разъяснительных мероприятиях. И «отцы города» с уголовным прошлым и ещё более уголовным настоящим. И «лекторы» из ОПГ – ныне ОМОН и прочие «спецподразделения». И «услугодатели» у вентилях с водой, газом и пультов ТЭЦ. При таких обстоятельствах воспитательная работа была обречена на успех. В противном случае её объект был бы обречен на совсем другое.

Конечно, можно говорить о том, что притесняли – и не только в переносном смысле. Притесняли – и даже теснили. Да, это имело место быть... потому, что место имело быть! Хорошее место. В самом центре. А так как земля, как уже выяснено – «города», то местным жителям не оставалось ничего иного, как потесниться. В порядке уплотнения. Ну, или – «рационализации временно неиспользуемых площадей». Бог велел делиться. Городская администрация – тоже. А тот, кто не слушал ни Бога, ни городскую администрацию – тот «не из нашего двора». Пусть даже, согласно прописке, это – его двор. Таких уже не просили тесниться, а теснили – и даже притесняли. Для «лучшей усвояемости материала».

И, потом: к чему все эти разговоры? «Грабят», «унижают», «обманывают»... Кого грабят? Самих себя – город, то есть? (Если кто забыл, то город – это они, а все другие... просто – все другие). Земля-то – не ничейная, а «чейная»! «Ничейной» она была в результате досадного недоразумения, имя которому: Советская власть. Что же – до «унижают»... Ну, унижают! Та ведь не со зла: в силу производственной необходимости. Идём дальше: обманывают? Ну, обманывают! Но ведь для пользы дела! Для всех... кто должен извлекать пользу из этого дела!

И потом: не всех же унижают, обманывают, грабят! Только тех, кому не повезло с местом жительства. Вот, что главное! А всем остальным надо лишь не высовываться – и всё будет хорошо! Лишь бы им повезло жить в бесперспективном районе. В бесперспективном – с точки зрения перспективного застройщика.

Ну, а всем остальным так и хочется пожелать строками песни: «Прежде думай о Родине – а потом о себе!» Что же это мы мешаем благоустраивать город, пусть даже злопыхатели считают это кормушкой для миллионеров? Они же – не для себя... то есть, не только для себя... то есть, для себя, но... красиво же! Не жить – так хоть посмотреть! Да – не в том месте! Да – взамен парка! Да – внаглую и в обход! Да – почти на голову! Но ведь не это – главное! Главное: растём! Вширь и ввысь! И не важно – что там, где уже и повернуться негде!

И, потом: демократическая власть – справедливая власть. И она свято чтит принцип: «Всё – для блага человека... способного оплатить это благо!» То есть, не для абстрактного

человека, не для человека вообще – для человека конкретного. Демократия умеет видеть за массой личность: человека имущего. И, разумеется, идёт ей навстречу. В отличие от ретроградов, цепляющихся за свои двory. Они ещё не поняли того, что «место под солнцем» – это не место под солнцем. Это – товар! А эти сторонники застывших форм упорно не хотят считаться с законным правом человека имущего! Не хотят считаться – и не хотят делиться! Всего лишь кусочком своего двора! Всего лишь краешком «своего» солнца! Всего лишь частью «своего» горизонта!

И неважно, что этот кусочек – во весь двор, а солнце и горизонт они теперь смогут видеть только по телевизору. Важен принцип! Тот самый: «Каждому – по потребностям в его наличных деньгах!» Потому, что, пока неудачники рассуждали о справедливости, люди с новым мышлением заработали право на этот принцип! Потому, что это право оплачено их трудовыми – пусть и нетрудовыми – рублями, долларами и евро! Думаете, не оплачены? Откройте глаза: факт налицо – буквально под носом!

Казалось бы, после таких объяснений – да ещё сделанных такими людьми – всё и всем должно быть ясно. Без дополнительных вопросов и дополнительных ответов. Ан, нет: не перевелись, оказывается, ещё дураки на Руси. И, если по счастью, то только для остальных. Для себя же – совсем даже наоборот. Те самые дураки, которым до всего есть дело. Те самые дураки, которые не могут промолчать там, где среднестатистический обыватель «отработает» за слепоглухонемого так, что слепоглухонемой тут же снимет шляпу и кандидатуру. Те самые дураки, которые не могут равнодушно отвернуться или же испуганно ускорить шаг. Те самые дураки, на которых и держится всё умное. Те самые – «дураки принципиальные», классические. «Совки» – в терминологии новых хозяев жизни.

Только они одни и оставались ещё преградой на пути к светлому будущему... отдельно взятых граждан страны некогда равных возможностей.

Только они одни и мешали становлению рыночных отношений... между людьми. Потому что те, кому по закону положено было служить «преградой», предпочитали служить «карманам». И в отличие от бескорыстных борцов «за справедливость на свою голову», весьма преуспевали в этом служении. И числом они превосходили «дурака принципиального» столь значительно, что чувство зависти к судьбе последнего бежало без оглядки, едва узнав адрес получателя. Вон, сколько их: администраций, правительств, надзирающих органов, милиции, полиции, прокуратуры и прочих «защитников от народа»! И все – на нашу голову, по наши души и карманы!..

Глава вторая

Юрист был не только юристом: он был классным юристом. Даже высокочеловеческим. Такие всегда нарасхват. Особенно в «годину судьбоносных консенсусов». Знания, опыт и аналитический склад ума Юриста, его профессиональная и человеческая порядочность, столь редкая по нынешним временам, были востребованы сразу же, едва начался передел «ничейной» собственности. Предприятие, в котором последние несколько лет работал Юрист, одним из первых в городе преобразовалось в ЗАО – закрытое акционерное общество. Но это не спасло его коллектив от «первого блага демократии»: хронического безденежья. Даже – несмотря на почти символические размеры тарифных ставок, окладов и премий.

Но посыпать голову пеплом Юрист не стал. Не успевал, даже, если бы и захотел. Объяснение – простое до банальности: пепел был на месте, а, вот, голова – нет. Голова работала в режиме хрестоматийного Фигаро. По причине востребованности. Но не вдруг: такие дела «с кондачка» не случаются. «Кондачка» замещал лозунг: «Помоги себе!» Юрист свято чтит этот лозунг. На пару с «демократизирующимся» государством. Давно чтит. Ещё тогда, когда студентом помогал начинающим кооператорам. Теперь настал их черёд помочь: «демократия» уже начинала бить по карману.

Момент был «судьбоносным» – и характер услуг не менялся с переменой клиентов. Речь во всех случаях шла о юридической помощи в отъёме чужой – государственной – собственности, и последующей защите этого «своего права» от посягательств других, таких же «надлежащих» владельцев и претендентов.

Обычно, когда хотят оправдать «деликатные» поступки человека, говорят: «у него не было выбора». Но это не так. Выбор есть всегда. Правда, он невелик: либо деньги – либо безденежье. Деньги – при готовности поступиться «отдельными» несущественными принципами. Безденежье – при обратном «раскладе»: «хоть с голым задом – но с чистой совестью».

Юрист избрал... служение закону. Тем более что на эту стезю встало большинство его «товарищей по цеху». Разумеется, из числа тех, чьи услуги оказались востребованными. Внешне – ничего предосудительного: профессионал зарабатывал тем, что умел и должен был делать. И, если его услуги находили спрос только у «новорусской братии», а порядочным людям они были либо не нужны, либо не по карману, то это уже не его вина. Юрист должен представлять интересы клиента – и надлежащим способом. Какие бы при этом чувства он ни испытывал. Разумеется, далеко в глубине души: эмоции у юриста – признак профессиональной несостоятельности. Не говоря уже о последствиях для мягких частей тела.

Для объяснения «коллорабационизма» имелся ещё один немаловажный фактор: семья. Банальнейшая ситуация, самая распространенная отговорка – и, вместе с тем, как ни странно, правда. Жена его вынуждена была уволиться с предприятия, весь прок от которого заключался в одной лишь печати в трудовой книжке. А детей кормить надо? А самим жить надо? А помогать старикам-пенсионерам? Словом, классика: суровые реалии бытия – против высоких принципов. Результат схватки предсказать несложно. Ввиду различия весовых категорий «поединщиков».

Юрист был от мира сего, поэтому и раздумывал недолго. Если уж совсем откровенно, то вовсе не раздумывал. Несколько удачно проведённых дел способствовали росту его популярности «в специфических кругах». К нему потянулись люди. Денежные люди. Без принципов и «с прошлым». Пошли деньги. И деньги немалые. В конвертах: оставив трудовую книжку в какой-то шарашке, Юрист работал теперь исключительно «по договору».

То есть, это лишь так называется: «юрист по договору». На самом же деле и договора между сторонами не заключалось: всё оформлялось устным, «джентльменским», соглашением.

А для представления интересов в суде и арбитраже Юристу выдавалась доверенность: либо разовая, под конкретное дело, либо на определённый срок. Иногда – даже постоянная.

Конечно, при таких «специфических» взаимоотношениях случались и неприятные сюрпризы, когда выполненная работа оказывалась... благотворительностью. Что поделаешь: «заря капитализма». Все учатся. И не всегда на положительном примере. И не всегда на ошибках других. Даже при наличии такого эксклюзивного желания.

Но это было, скорее, исключением из правил, только доказывающим правило. «Господа» из вчерашних «товарищей» – а многие и даже «граждан» – понимали, что жизнь одним днём не кончается. И что плевать в колодезь, полагая его предметом одноразового пользования, неразумно. По причине «острой нехватки питьевой воды в условиях засушливой степи и резко континентального климата».

Чаще всего Юристу приходилось участвовать в делах, связанных с переделом собственности. Ох, и время было! Как говорится, «лихая им досталась доля». И сейчас, по прошествии нескольких лет, он вспоминал об этом периоде, как единственном, о котором не хотелось вспоминать.

А ведь, казалось бы, какое может быть сравнение между относительно безопасной защитой интересов «кормильцев-поильцев» и тем, что ему довелось испытать в «доюридическую эпоху»: Афганистаном?! Туда будущий Юрист попал по самой заурядной причине: не хватило одного балла для поступления на юридический. Отработав полгода на стройке, он был призван в армию и определён в воздушно-десантные войска.

Этому «везению» – и даже «счастью» – будущий Юрист был обязан тем, что, ещё в школе занимался самбо, и добился неплохих результатов, «дойдя» до «взрослого» первого разряда. Спортсмены такого профиля – всегда в особом почёте у «вербовщиков».

Нет, он, конечно же, не сразу «угодил» в Афганистан. Это первые два года туда «шли» «юность и задор» – сразу же после «карантина». Как итог, «Ограниченный контингент» дополнительно «ограничивался» ещё и по этой причине.

Будущий Юрист попал в «учебку» – учебный полк, где полгода учился «искусству смерти и жизни». Смерти – чужой, жизни – своей. То есть: стрелять из различных видов оружия, метать ножи, устанавливать и обезвреживать мины, прыгать с парашютом, осваивать «десантный набор», совершать бесконечные кроссы через пески и болота, ориентироваться на незнакомой местности.

По причине тягот службы многие считали, что им не повезло с местом. Но они ошибались: им, как раз, повезло. И с тяготами, и с местом. Очень повезло. И именно тем, что учили в полку не формально, а «по-настоящему», создавая условия, максимально приближенные к боевым. Ведь лишь от такой учёбы и мог быть толк. И он был – в точном соответствии с поговоркой: «тяжело в учении – легко в лечении». В полку готовили специалистов по войне, а не по уборке плаца, покраске листьев и умению «тянуть носок». Поэтому, если выпускники и ударяли в грязь лицом, то удивительно вовремя, на мгновение опережая душманскую пулю.

Разумеется, во время учёбы ни о каком Афгане и речи не было: не одним Афганом жив человек! Не только там требовались хорошо подготовленные десантники, ибо «широка страна моя родная». Да и, как сказал поэт: «зачем о Вас – давайте о хорошем!» Ведь были и «меньшие радости» по сравнению с Афганистаном. Зачем же дополнительно «вдохновлять» себя перед «зелёным дембелем» – выпуском из «учебки»?

Слухи о том, что отправить всё-таки могут, были туманными и неоднократно опровергались впоследствии. А к «зелёному дембелю» слухи были преимущественно радужными. В диапазоне от оставления в полку сержантами до «распределения в войска по месту жительства».

Всё произошло – как всегда – неожиданно. Как говорят в армии, «звезда» подкрался незаметно». Ночью подняли по тревоге – и только на аэродроме десантники поняли, как сильно

они обманулись в своих надеждах. Почему так непатриотически? Да потому, что «дураков нет»: никто не горел желанием оказаться «содержанием формы». То есть, грузом формы 200. Таких «беззаветных героев» среди десантуры не было. Это ведь – жизнь, а не бодрые репортажи для передачи «Служу Советскому Союзу!» Прикажут – что ж: выполним приказ. На то он и приказ. И в герои пойдём – если «попросят». Но самим «лезть» – пардон!

Военный билет с соответствующими записями, удостоверения об окончании учебного подразделения и о присвоении «классности» – специалиста второго класса, а также продовольственный аттестат, новоявленный младший сержант получил уже на борту самолёта.

В Афганистане ему «повезло» вторично и сразу же: как отличника учёбы и спортсмена, его определили в роту разведки. Разведывательно-диверсионные подразделения – элита воздушно-десантных войск. Первый кандидат в герои – и первый кандидат на «возвращение домой». «В оригинальной упаковке»...

Полтора года будущий законник провоевал в Афганистане. В отличие от многих других воинов «Ограниченного контингента», он мог сказать об этом без преувеличения. Он действительно не прослужил, а именно провоевал эти полтора года: на то она и разведка ВДВ.

Ему повезло «не стать песней»: он ушёл «на дембель» в установленный срок и своими ногами. И, хоть и его дважды зацепило, но ни разу серьёзно. А ведь восемьдесят шестой и восемьдесят седьмой годы были годами серьёзными: помощь «борцам за независимость» из-за рубежа, а также уровень их подготовки возросли «на порядок».

Вместе с полнокомплектным телом, домой он доставил и менее значимые награды: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». В Афганистане награждали скупой. Официально Советская Армия там не воевала, а «защищала южные рубежи своей страны и помогала революционному правительству в охране стратегических объектов, коммуникаций и караванов с грузом». Поэтому в первые годы, ещё при Леониде Ильиче, любая награда была исключением из правил: «не воевали же, а охраняли». И только после Панджерского ущелья восемьдесят второго стали потихоньку «декорировать» отличившихся.

Домой старший сержант разведподразделения ВДВ вернулся тогда, когда «непопулярная война» и её герои стали популярными темами на телевидении и в газетах. Не было ни одного щелкопёра или бойкого на язык «телезвездуна», которые бы не отметились ритуальным плевром в «оккупантов» и «детоубийц». В стране начинала «свирепствовать» демократия. Один, «шибко осведомлённый» академик, который дальше Горького никуда не выезжал, ужасал «разведанными» о том, что советские вертолётчики «выполняли свой долг» не только по «товарищам с братского Востока», но и по «товарищам солдатам и сержантам».

«Радужный» приём, тем не менее, не помешал «ветерану-афганцу» поступить на юрфак престижного вуза. По окончании учёбы обладатель «красного» диплома ответил решительным «нет» на предложение остаться в университете в качестве преподавателя кафедры криминалистики. Хотя предлагали настойчиво и неоднократно. Служение науке не прельщало Юриста. Да и какая в те годы уже была наука?! Да и науке ли предстояло служить?

Изображать учёного с протянутой рукой и эластичным позвоночником он не пожелал – и, наслушавшись «на дорожку» «добрых» напутствий, подался на производство. Но и здесь, если что его и ждало – так только разочарование и обещание скромной зарплаты... в будущем. «Контора», которой он предложил свои услуги, уже «отдышала своё» – и теперь «дышала на ладан». Несмотря на громкое имя в прошлом и цифирь «закрытого ящика».

Поэтому, ещё «состоя в штате», Юрист начал работать по совместительству. То есть, подрабатывать «на стороне». Благо, что проблем с временем не было. А, если и были, то лишь в плане его «убоя»: «контора решительно «доходила до ручки». И когда дела пошли, Юрист «плюнул» на отсутствующий «патриотизм» окончательно.

Авторитет, который он заслужил у «буржуев» выигранными делами и толковыми советами, позволял ему дистанцироваться от всех предложений о трудоустройстве на постоянной

основе. Это давало возможность чувствовать себя относительно независимым, и не стесняться в суждениях по поводу тех или иных проблем и решений.

Общение с новоявленными буржуа позволило ему быстро прийти к выводу о том, что они с ним – «не две пары в сапоге», как сказал один товарищ. Так же, как и он с ними. Ну, ничего общего. Публика, если чем и блистала, то лишь тем, что можно носить на себе. Из интересов... хм... интеллектуального плана имелся один: деньги. Откуда взять – и куда вложить. Вот и весь «круг», если не считать таковым девиц, модные курорты, «хаты», «тачки» и бывшую государственную собственность. Как говорил уже другой персонаж: «А, вот, так, чтобы – по душам, чтобы – о Штоштоковиче...» – это «увы». Хотя бы – о футболе.

Юрист был диалектик – и в любом плохом умел видеть хорошее. Увидел в и в этом. И небесполезно: результат позволил определиться с местом в жизни, пределами допустимого и ненужными иллюзиями. Сюда же входило и отношение к делам клиентов. Неподдельный интерес к ним Юрист подделывал очень качественно: деньги надо зарабатывать честно. Даже если это – нечестные деньги от нечестного человека.

Такой подход давал возможность не «косить» под «члена команды». И это помогало в работе. Хотя бы тем, что боссы не позволяли себе по отношению к нему «излишеств», нормативных по отношению к своим клеркам. Да и его востребованность у конкурентов тоже помогала формированию правильных взаимоотношений. Партнёрских. На уровне «заказчик – подрядчик». Что-то – на тему песни «На тебе сошёлся клином белый свет». Но уже – с вопросительным знаком в конце предложения. В адрес «забывающегося» клиента, который вскоре забывался уже без кавычек.

«Ничто на Земле не проходит бесследно». Не прошло и для Юриста. По части знакомства с «нравами и обычаями» «новой Руси». Тем паче, что знакомство было не поверхностным, а «изнутри». От первоисточника. Впечатления оказались «незабываемыми». «На всю оставшуюся жизнь». Иногда Юрист даже жалел о своих талантах и востребованности. Редко, правда. В основном – на сытый желудок, после рюмки хорошего коньяка. Ну, как это и заведено у «паршивых интеллигентов», которых он касался лишь «боком» диплома.

Вместе с сожалениями приходили мысли. Правильные. За неправильную жизнь. Мысли были неоригинальные, но, в отличие от фальшивых улыбок – подлинные. Впечатление не портило даже избыток патетики. На тему «откуда вы взялись?» и «что с вами делать?».

Мысли приходили – и уже не уходили. Наверно, за тем и приходили, чтобы не уходить. Конечно, они не всегда солировали. Чаще всего, они возникали по ситуации – но уже, «состоя в штате». Они уже не гостили в мозгах Юриста, а обживались там. И с каждым новым клиентом – всё основательней.

«Сниская хлеб насущный», Юрист выполнял разные задачи. Но все – в контексте сверхзадачи: узаконить беззаконие. Как ни странно, но в этом плане различие между юристом советского производства и демократического не являлось таким уж «коренным». Ведь оба стояли на страже. Имелись, конечно, нюансы «в стоянии». В понимании закона и справедливости, то есть. В форме смещения акцента с «абстрактного» государства на конкретного благодетеля. При этом задача «юриста демократического» одновременно и упрощалась, и усложнялась. Упрощалась тем, что его предтеча «отстаивал» законными способами, а он – всеми доступными. А усложнялась необходимостью представить доступные способы законными. В контексте сверхзадачи.

Лишь такие юристы пользовались спросом у нуворишей. Лишь они имели перспективу удачного трудоустройства и безбедного настоящего и будущего. В этом плане Юрист не задумывался над тем, «что такое хорошо, и что такое плохо». Потому, что не над чем было задумываться: «плохо», как раз, и было «хорошо». То есть, хорош был только юрист, поступающий плохо. Плохо – с точки зрения морали, которая в условиях демократии может быть, конечно же, только абстрактной.

«Все так делают». «Железный» довод и несравненное успокаивающее. Но в Юристе упорно не хотел умирать «хомо советикус». Вопреки статусу и реноме, он являл собой классический пример человека, поступающего неправильно – и сознающего это. То есть, сознательно поступающего неправильно – но с текущим и последующим осуждением самого себя.

А, ведь, казалось, зачем ему эта «достоевщина»? В материальном отношении он был теперь более чем благополучен. Теперь он мог позволить себе то, о чём раньше не мог позволить и мечтать. Он был ценим и уважаем. И неважно, что всего лишь за мозг, а не за деньги и связи. Казалось бы, таким лишь и петь: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног!»

И, потом: не хочешь приобщаться к демократическим ценностям – не надо. Тогда просто живи в своё удовольствие. Требуется всего лишь немножко мимикрии. Ну, или немножко артистических способностей – для того, чтобы выглядеть в глазах окружающих неисправимым рыночником. Тем, которого больше всего на свете занимают проблемы работодателя и цифры биржевых котировок. Тем, которому нет никакого дела до неудачников, не сумевших устроиться в жизни – хотя бы, и по причине неправильной социальной ориентации.

А думать можно о чём только душе угодно. Но только ей, а не уху демократии. Если мысли – «не в тему», то они должны быть надёжно «занавешены». Хотя бы лучезарной улыбкой «по причине счастья жить в эпоху становления рыночных отношений».

Всё это Юрист нередко говорил другим, но сам этим спасительным рецептам следовать не спешил или не мог. Почему? Как ни удивительно: не смог «перековаться» в буржуа. И, если на уровне мимикрии он вполне «соответствовал требованиям», то на генетическом – «ни в одном глазу», то есть, гене. С каждым днём он всё больше проникался этим неправильным мироощущением. Неужели же прав был один миллиардер, когда отказал сыну в наследстве со словами: «Мало иметь миллиарды – надо ещё родиться с душой миллиардера»?!

Глава третья

Ситуация с душой усугубилась у Юриста в те дни, когда начался очередной передел – теперь уже рынка строительства. Некоторые его клиенты, «раздобревшие» на операциях формата «купи-продай», начали обращать свои «благосклонные взоры» на новый доходный бизнес. Благо, финансы уже позволяли делать это. А отсутствие совести и прочих атавизмов, как минимум, не мешало.

Вскоре новый «рынок» стал аренной, рингом и даже полем боя. То есть, совместил все присущие демократии функции. На арену – ринг, поле – вышли представители супертяжёлой весовой категории: обладатели самой тугой мошны и самых весомых амбиций. Пусть – и с поправкой на уровень областного центра.

«Участвуя в соревнованиях», Юрист не мог не вспомнить, как ещё совсем недавно руководители СМУ и РСУ на коленях просились под крыло, в кабалу – и даже в рабство. Но потенциальным «рабовладельцам» тогда было не до потенциальных «рабов». Всё пространство их мозгов занимали «схемы». Не электрические: увода денег из бюджета и от конкурентов. «Купи-продай», «пирамиды», операции с «налом», «безналом» и бартером влекли куда сильнее реального производства. Да и то: производство! Подумать страшно! Это ведь нужно омертвлять капитал – а, какие же мы после этого капиталисты? Вон, оно, производство: «на боку лежит»! Пока ещё – «на боку»...

Но жизнь – штука динамичная: всё меняется, всё течёт. Вот и изменилось, вот и «натекло». По мере накопления капитала реки финансовых потоков стали менять русла. Строительная отрасль стала подпитываться «животворной влагой». И уже – не для «евроремонта» «квартир под офис» на первых этажах «доходящих хрущёб»: для строительства шикарных зданий банков, контор, ресторанов. Не были забыты и «вериги местного бюджета»: кинотеатры, театры и прочие музеи. Всё пошло в дело – «на перековку и переплавку». Так сказать, «мечи – на орала»: кинотеатры – в казино и рестораны, театры – в бордели и боулинги, музеи – в залы игровых автоматов и дансинги. «Наследие тоталитарного режима» превращалось в «учреждения элитного отдыха».

Неожиданно самым привлекательным объектом вложения капитала оказалось строительство жилья: нового, массового, «элитного» и по качеству, и по цене. Творчески организованный рост цен на квадратные метры, словно мух на мёд, манил в строительство новых буржуа, ищущих наиболее выгодные сферы приложения своих «финансовых рук». Да и то: жилье даже на непрестижной окраине всего за год поднялось в цене в пять раз! В пять раз! За год! Может такое произойти в результате «стихийного» изменения конъюнктуры? Ответ, разумеется, очевиден: да... может. Если только «стихию» организовать, как следует.

Однако была и ещё одна причина для интереса бизнеса к строительству: вопрос «трудоустройства» «грязных денег». Бестактные люди называют этот процесс «отмыванием». Но финансисты предпочитают другое определение: «легализация». Простенько – и со вкусом! Да и неинтеллигентно это: деньги, честно заработанные – пусть и бесчестным трудом – называть «грязными»! Так и хочется ткнуть носом этих «ревнителей чистоты» в исторические примеры. Хотя бы – в изречение Веспасиана. Да-да, в то самое: «деньги не пахнут»! Товарищ был прав: нет «грязных» денег – есть просто деньги! Просто деньги – только нуждающиеся в некотором... нет, даже не объяснении: оформлении.

Но стереотипы мышления живучи. Даже на уровне отдельных чиновников, не охваченных ещё сотрудничеством с передовым капиталом. Возможно – по причине отсутствия точек соприкосновения. Отсюда – обиды и недопонимание. Недопонимание того, что надо не только ждать – когда принесут в конверте – но и самим проявлять инициативу! Самим двигаться навстречу... прогрессу! Навстречу передовым веяниям! Навстречу личному счастью, наконец!

Давно уже следовало уяснить библейскую истину: много званых – да мало избранных. В том смысле, что не всякое место красит человека – особенно зелёными бумажками. Некоторые не имеют перспективы. Поэтому надо подходить к вопросу диалектически, а не с надутыми губами: «караул: обнесли!» И уж, тем более, не следует по этой причине «ударяться в закон».

Как бы там ни было, а стереотипы надлежало преодолевать. Вместе с препятствиями. Для этого годилось всё: и налоговая амнистия «специфическим» капиталам, и норма закона. Например, такая: налоговые инспекции не имеют права требовать доказательства «чистоты» происхождения денег, если физическое лицо ведёт строительство собственного жилья. Оно не обязано доказывать источники происхождения денег и материалов: лишь бы уплачивался налог на недвижимость. Оставалось только экстраполировать это «золотое правило» на юридических лиц. И, шурша бумажками, не дрожать пальцами: деловые люди уже подсчитали, что в любом случае, цена метра построенного жилья в разы окажется выше любой «вменяемой» суммы затрат.

Наконец, востребовались и «сдагчики себя в рабы». Началась битва «за приобщение к честному труду». Именно так: за своё приобщение к честному труду других. Более приземлённо: за предприятия тех, от кого вчера ещё на ходу отделялись советским трафаретом «Зайдите на недельке». В борьбе использовались все средства – как незаконные, так и совсем, уж, незаконные. Те, что из арсенала товарища Аль Капоне: свой опыт только нарабатывался.

При этом каждая из сторон активно «работала» с государством в лице его «верных слуг»: прокурорами, судьями, руководящим составом УВД, главами местных и вышестоящих администраций. В этой работе средств для спонсорской помощи «нуждающимся не нуждающимся» не жалели. Руководствуясь классической установкой: «цель оправдывает средства» – пусть и совсем уж в буквальной интерпретации.

В такие моменты Юристу было, как тому пушкинскому дворовому мальчику: «и больно, и смешно». А как иначе реагировать на то, как закупленный «на корню» судья героически корчит из себя «Фемиду с завязанными глазами». Но работа не замыкалась стенами «дворца правосудия»: думающий бизнесмен «шёл в народ». Не следовало брезговать и таким доводом, как «мнение людей». Поэтому каждый из «борцов» старался перетянуть на свою сторону колеблющихся руководителей строительных фирм, их ведущих сотрудников и трудовой коллектив.

Для достижения этих целей каждый миллионер должен был свято исповедовать принцип «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Это – к проблеме выбора средств: проблем быть не должно. И поэтому в ход шло всё: от «материальной помощи» чинам до рисования «блестящих перспектив» «братьям-рабочим» на общих собраниях. С обещаниями, разумеется, устройства «молочных рек с кисельными берегами» уже к концу текущей пятилетки.

Пытались, конечно, договариваться и между собой: у каждого в кармане была своя козырная карта. Все настолько хорошо знали славное «трудовое» прошлое и настоящее друг друга, что всегда имелась возможность заинтересовать контрагента подходящими «отступными».

Наиболее зрелые руководители бывших СМУ и РСУ благоразумно не стали «кочевряжиться» дольше, чем это позволялось «общей экономической ситуацией». Вследствие «понижения момента» они «работали на опережение». То есть, «сами» обращались с просьбой о приёме их в состав того или иного юридического лица. В любой форме: слияние, присоединение, объединение. Ну, так как в своё время заведомо слабое государство, уступая домогательствам сильного, обращалось «с низжайшей просьбой» о принятии в подданство...

После того, как создавалась база – а чаще всего, параллельно с этим – осуществлялась активная работа и в другом направлении: земельные участки под строительство. Здесь неопределима была роль администрации и архитектуры. То есть, это лишь так говорится: «неопределима». На самом же деле всему давалась оценка. В стоимостном выражении. В свободно конвертируемой валюте. В пресловутых «у. е.»: наши чиновники в этом отношении – совсем не патриоты.

Как и во всём остальном. За исключением одного: собственного кармана. Тут уж более «патриотичных» людей и не найти.

В результате «таможня давала добро» на все ещё незастроенные клочки в центре города. Как уже было сказано, другие площади «застройщиков» не интересовали. А здесь, в центре, каждый метр был поистине золотым. И неважно, что метр этот не подлежал застройке.

По самым различным причинам. Ведь в наличии имелось главное: «взаимопонимание» между властями и потенциальными застройщиками. Если выражаться совсем уж недипломатично, «в лоб», то между взяточдателями и взякополучателями. И совсем даже не потенциальными.

Заключал «этап подготовительной работы» уже чисто технический момент. Людям застройщика надлежало быстренько, стахановскими методами, обнести забором площадку – бывшую детскую, а теперь строительную – загнать технику, людей, поставить охрану – и за работу в три смены! И при этом старательно не замечать того обстоятельства, что круглосуточная стройка-то – не у чёрта на куличках, а в нескольких метрах от домов, где обитают живые люди, которым надо хотя бы просто отдохнуть после рабочего дня. А, если и замечать, то в таком контексте: «Погодите – и до вас доберёмся!» В нашем Отечестве, которое, как известно, «славься... свободное», это замечание всегда эффективно воздействует, если не на сознание, то на подсознание.

В связи с упоминанием одной характеристики уместно вспомнить и другую, выданную одним юмористом из нации юмористов: «Страна непуганых идиотов». Хочется сразу же – и решительно – возразить. Нет, не по поводу «идиотов»: в этом плане возражений нет. По поводу «непуганых». Как можно было сказать такое о наших гражданах, испуганных уже одним фактом своего рождения?!

В том числе, и с учётом этого замечательного – для власти – обстоятельства, новоявленные застройщики и полезли во дворы. Пошли под топор «песочницы», «грибки», качели, «горки», лавочки. Туда же пошли и полувековые клёны, вязы, берёзы и сосны. А что делать: не нами ведь сказано: «лес рубят – щепки летят!» Или, идя от обратного: «если щепки летят – значит, лес рубят!»

И, потом: хоть по минимуму, но отдельные застройщики блюли внешние приличия. Жилец, спасавшийся от нескончаемого грохота строительных механизмов, мог хотя бы на бегу ознакомиться с наглядным образчиком милосердия застройщика. В виде щитов с текстом примерно такого содержания: «Уважаемые жильцы! Приносим извинения за временное неудобство!»

И пусть это «временное неудобство», чаще всего, растягивалось на два, а то и три года круглосуточных мучений, никто не мог уже упрекнуть товарищей «господ строителей» в чёрствости и невнимании к страданиям жертв очередного акта строительства.

Хотя, после того, как на отдельных объектах будущие застройщики «получили по рукам» – от неожиданно объединившихся жильцов близлежащих домов – капитал стал осмотрительнее. «Отвага» вынужденно начала сочетаться с другими формами работы, как коллективного, так и индивидуального характера. Такими, например, как коллективная информация посредством дезинформации, «точечное» увещание и «точечное» же оказание материальной помощи нуждающимся... бузотёрам. Работу с населением решено было «диверсифицировать» – как стали говорить люди, которым, видимо, надоело изъясняться на понятном русском языке: так «красивше».

Первой в черед мер всегда стояла разъяснительная – она же политико-воспитательная работа. По причине исключительной дешевизны способа. Нет, речь шла, разумеется, не о взвешивании «пиπλα» на тему значимости объекта для города. Напротив: всем оставшимся «товарищами» доходчиво объясняли, что ни о каком строительстве и речи быть не может. Что здесь не «город будет заложен», а всего лишь намечается прокладка телефонного кабеля. Или труб

отопления. Или производится замена канализации. Одним словом: «для вас же стараемся, господа жильцы!»

Этот метод осуществлялся средствами наглядной агитации. Проще говоря: вразумлением со стендов у забора. И только в исключительных случаях – когда «пипл» не удовлетворялся «наскальными клятвами» – задействовалась устная речь. На «место недоразумения» прибывали «ответственные товарищи». Прибывали не одни – а с запасами «слов правды», больше похожими на любимый продукт итальянцев, у нас обычно – «двойного назначения». Здесь же всё это и сбывалось. При причине невысокого качества – вместе с биением себя в грудь и утыканием ея перстами.

Когда же тайное становилось явным – посредством устройства фундамента – остановить строительство и строителей можно было только в теории. На защиту «потратившихся» миллионеров становились все: от администрации области до санитарно-эпидемиологической службы, которая вовремя получала «спонсорскую помощь на приобретение препаратов и ремонт помещений». Способы «выражения благодарности» последней варьировались от дачи «нужного» заключения до писем «от благодарного населения».

Для формирования у масс правильной ориентации задействовались и отдельные представители местного населения. При этом использовались наработанные методики «рыбы, гниющей с головы» и «самого слабого звена в цепи». Особых затрат тут не предвиделось: народ у нас скромный – много ли ему надо?! Так – по мелочам: одному – дверь поставить, другому – сантехнику заменить, третьему – вручить «подарочный набор от фирмы-производителя», а четвёртому и бутылки хватит. В результате применения обеих методик, «ветхозаветный» принцип «Divide et impera!» – «Разделяй и властвуй!», чаще всего, успешно реализовывался.

Ну, а уж в самых «пиковых случаях» приходилось использовать не только «пряник», но и «парный ему товар». В диапазоне от пресловутого «административного ресурса» до проведения «индивидуальной работы» с неподатливым материалом. В последствиях неподатливости материалу приходилось винить только себя. Если ещё было, кому винить...

Глава четвёртая

...Бабе Мане из квартиры сорок девять, что на третьем этаже в третьем же подъезде пятиэтажной хрущёбы, не спалось: годы. Старость. Болезни. В последнее время и снотворное не помогало. По причине его отсутствия: цены «искусали» не только руки, но и глаза. И баба Маня перешла на народные средства. Такие, как свежий воздух из открытой форточки, да сутки напролёт не выключающийся старенький телевизор. Глядишь, в конце концов, и сморит.

Телевизор работал почти без звука: и особенно смотреть нечего было, и соседей своих баба Маня уважала. Поэтому шум за окном как-то сразу привлёк внимание старушки. Покряхтывая, она встала с постели, и, отдёргнув занавеску, прилипла к окну. Во дворе, на детской площадке, что-то явно происходило.

Чтобы разглядеть, что именно, пришлось надеть очки: «баб Маня к старости слаба глазами стала». Старушка начала пристально вглядываться в черноту ночи – и ей это удалось. И ей удалось не только вглядеться, но и обомлеть от увиденного. Детскую площадку по всему периметру обносили какими-то щитами из отливающего серебром металла.

Баба Маня видела уже такие щиты – и не раз. Например, в сквере – теперь уже бывшем – неподалёку, где возвели очередное «элитное» жильё. Оно – «в точном соответствии» с обещаниями Застройщика – оказалось таким «компактным», что площади сквера не хватило, и «бедным строителям» «пришлось» отхватить ещё и кусок соседнего двора.

А тут ещё – постоянные намёки из разных источников – но на одну тему: «Ждите гостей!» И намёки различного формата – не только словесные. Например, во дворе неоднократно появлялись разные «подозрительные» личности с рулетками и геодезическими приборами. Завидев направляющихся к ним с «приветливыми» лицами жильцов, они всегда поспешно ретировались. Всегда без дачи объяснений. От застенчивости, наверно.

(«Геодезисты» пришли не от геодезистов. Это была работа дружного тандема «власть – капитал». Она являлась не только необходимой стадией подготовительных мероприятий, но и одной из самых действенных форм обработки масс. «Пипл» нужно было «доводить до готовности», чтобы ко «времени «Ч» он уже капитулировал в душе).

«По совокупности» бабушка тут же уразумела, что случилось. Вернее, что пока только «начинало случаться»...

– Люба, извини меня, что разбудила тебя среди ночи!

Голос бабы Мани срывался от волнения.

– Ты выгляни в окно!

Соседка «выглядывала» не больше десяти секунд – судя по тому, что по истечении этого времени из уст её вырвалось... нет, не русское выражение: бабье «Ох!»

– Люба, ты давай поднимай свой подъезд, а я подниму свой!

...Нельзя сказать, что «труженики ночи» были слишком изумлены дружным появлением незваных гостей-хозяев. По вспыхивающим, один за другим, огням в окнах квартир они уже догадались о том, что их «тайное стало явным».

– А, ну-ка, живо разбирайте, сволочи!

Столь «корректное начало» сулило большие перспективы. В части продолжения. И – не обязательно в словесной форме. Вот это было действительно неожиданно и не по сценарию. Ведь жильцы должны были начать с традиционного вопроса: «Что вы делаете в нашем дворе?». А устроители забора, в свою очередь, должны были удариться в подробные объяснения, максимально растянутые по времени. Обычно этого хватало на то, чтобы, как минимум, сориентироваться в обстановке и наметить пути отступления.

– Ты кто такой?

По причине отхода от сценария один из «служителей мглы» – видимо, «старшой» – попытался «отработать не по роли» и «качнуть права». Но ответ – в виде взведённого курка трёхствольного «зауэра» – оказался настолько убедительным, что новых вопросов не последовало. «Зауэр» тоже оказался из числа непредусмотренных «новинок».

– Разбирайте!

Мужчина взвёл ещё один курок, и направил его в грудь «старшому».

– Живо!

Текст и в самом деле «оживил» застывшего визави. Тот дал отмашку работягам, также впечатлённым началом «не под копирку». При данных обстоятельствах демонтаж был обречён на самоё себя.

Через полчаса интенсивной работы, в которой по собственному почину активно поучаствовали и местные жители, статус-кво было восстановлено. Уже по одному виду «оппозиционеров» «старшой» понял, что тянуть с отбытием не стоит.

Поэтому, сразу же после погрузки имущества в тентованный «Камаз» – попытка «случайно забыть» щиты и колья также не прошла – он дал команду на «организованный отход». И только, когда «КавЗик» с работягами, провожаемый улюлюканьем и торжествующими взглядами жильцов, покинул территорию двора, он вынул из кармана сильно «траченный» мобильник.

– Хозяин, это я... Да, как и предполагали... Есть, буду...

Тот, к кому он обращался как к «Хозяину», таковым не был. Человек «на другом конце провода» являлся всего лишь заместителем Хозяина. Точнее, Заместителем Застройщика. ЗЗ. «Старшой» был слишком незначительным человеком для того, чтобы напрямую обращаться к боссу: для этого имелся ЗЗ. Именно он непосредственно контактировал с исполнителями. И именно он докладывал Застройщику о ходе выполнения – или же невыполнения – заданий: с некоторых пор «новые русские» тщательно следили за соблюдением правил субординации.

Выслушав доклад, ЗЗ после непродолжительных раздумий и неуверенных взглядов на трубку осторожно набрал номер.

– Извини, что разбудил... Да, оно самое... Понял: вместе с ним – у тебя в девять... Спокойной ночи... Ещё раз, извини...

ЗЗ «тыкал» Хозяину на правах старого друга. Точнее: как соучастник – соучастнику. Их «дружба» началась ещё тогда, когда будущий Застройщик только набирался опыта «коммерческой деятельности», «снабжая население» импортными джинсами. По «рыночной цене» – пусть и в отсутствие рынка.

Будущий ЗЗ уже тогда «подносил патроны». Речь ещё не шла о «первоначальном накоплении капитала». Что, уж, тут говорить о бизнесе: какой бизнес – в СССР? Бизнес начался потом, когда стараниями последнего советского премьера состоялся «исторический» обмен старых купюр достоинством в пятьдесят и сто рублей на новые. Предполагалось – или же предлагалось кормом «пиплу» – что это нанесёт удар по «теневикам», которые несправедливыми путями накопили миллиарды рублей, и держат их именно в крупных купюрах.

И удар был нанесён. Но не по «теневикам», которые выдерживали и не такие удары. В очередной раз «ошибочно» ударили по своим. По народу, то есть. Ну, а что: на войне – как на войне. И в войну, случалось, авиация разгружалась не над теми, а артиллерия «бодрила» своих же. Даже без приглашений типа «вызываю огонь на себя»...

Это были славные дни для предприимчивых людей: обмен-то производился только по месту работы, и лишь в пределах среднего заработка. То есть, в конфискационном порядке – даже у честных тружеников, никаким боком не касавшихся «теневигов» и их несправедных денег.

Бедный люд – уже во всех смыслах таковой – начал тогда судорожно метаться в поисках источника сбыта. Все нормальные советские люди имели «зачачку» на чёрный день – и именно

в купюрах наивысшего достоинства. Вот тут-то люди типа будущего Застройщика и подсуетились. Очень вовремя. Ведь это только для дураков банки закрывались в установленное правительством время, после чего приём купюр якобы прекращался: в банках ведь тоже работают «живые люди»!

ПротоЗастройщик хорошо нажился на этой операции. У него был не только отменный нюх на подобные дела, но и несомненный талант по этой части. А отсутствие мешающих работе морально-нравственных атавизмов делало его таланты бесценными. Особенно в исключительно благоприятных условиях развала некогда великой страны.

Потом курируемая уже «демократами» экономика «разродилась» купюрами достоинством в пять тысяч рублей. Теми самыми, по поводу которых на железных ставнях монструозных «комков» – коммерческих киосков – постоянно висели объявления: «Пятитысячки не принимаются и не размениваются».

Правда, рядом с «комками» постоянно крутились какие-то бесцветные людишки с бегающими глазами, которые предлагали несостоявшимся покупателям разменять «неходовую» купюру. Не из милосердия, конечно: за «пятитысячку» бедолага получал мелкими купюрами, в лучшем случае, четыре тысячи. Но ведь никого к подобному «неэквивалентному» обмену не принуждали: не хочешь – не бери!

Однако человек брал: вариантов-то не было. И здесь будущий Застройщик не остался внакладе: на этой операции он сколотил себе целое состояние. Разумеется, сам он не стоял у киосков: работали «штатные сотрудники». Да и основной источник дохода располагался не у киосков, а в местах сосредоточения наибольшего количества неходовых купюр: в магазинах. Именно там происходил «массовый» обмен и размен выручки – при непосредственном участии магазинного начальства. И в этой операции Застройщику помогал будущий ЗЗ, в обязанности которого был вменён контроль за «тружениками неэквивалентного обмена».

Затем начался обмен советских рублей на денежные знаки «суверенных» обломков СССР – столь же «честный» и «эквивалентный». И здесь Застройщик не опоздал «к пирогу». Потом были первые валютные обменники с их «плавающими» – всегда в одну сторону – курсами, а также «жёсткой принципиальностью» в вопросе определения купюр, не подлежащих обмену по внешнему виду или году выпуска.

Конечно, всё можно было обменять. И обменивалось. Но уже по другому курсу: ополовиненному. И ведь соглашались! А куда бежать, если бег – по кругу! По замкнутому! По тому самому, который впоследствии будут тактично именовать «рыночной конъюнктурой».

Во всех этих делах и делишках ЗЗ, как верный оруженосец, стоял плечом к плечу со старым товарищем. По причине верности дружбы... с купюрами зелёного цвета. По этой же причине он не брезговал никакой работой. Он даже не обижался на откровенное хамство «друга», традиционно взыскивавшего с него и за свои ошибки тоже.

Но даже в моменты надругательств над верным ЗЗ, Застройщик понимал, что другого такого «друга» он уже не найдёт: преданного, как собака, исполнительного, как робот, точного, как часы. При всей «деликатности» своего положения, ЗЗ отнюдь не был лишён ума и достоинства: в своё время он окончил политехнический институт. Он даже успел поработать по специальности: инженером на заводе. Поэтому нередко, в момент «разноса», учиняемого Хозяином, на его щеках можно было видеть красные пятна: остатки ещё не до конца изжитого чувства собственного достоинства. Так сказать, «пережитки советского прошлого». Хотя все оскорбления он сносил «по-демократически»: с предельным мужеством. То есть, абсолютно безропотно.

И ещё одно, бесценное с точки зрения Застройщика, качество было у него: ЗЗ умел пить, «как лошадь» – и при этом почти не пьянеть. В годы «становления рынка» без водки не решался ни один вопрос. Да и отдыхать иначе «первопроходцы капитализма» ещё не умели. И не потому, что «Канары ещё не подавались»: «подавались». Альтернативы были. И ими

пользовались. Но водке и бане новые буржуа не изменяли даже в «пятизвёздных» «Хилтонах» на лучших курортах Испании и Лазурного берега. Так, уж, устроен русский человек – независимо от содержимого портмоне.

ЗЗ был человеком благородным – и по этой причине он никогда не отказывался пить. Во благо Хозяина – ну, и «рикошетом», своё. Хотя следующий день вынужден был существовать в качестве «никакого» и работать «на автопилоте». И то: как бы хорошо ты ни «держал удар», но количество выпитого обязательно перейдёт в качество самочувствия. И эту самоотверженность в своём Заместителе также очень ценил Хозяин. Ведь дело, ради которого они жертвовали здоровье «немереному литру», делалось. Тут, уж, не скажешь: «за что боролись?»

Кроме того, ЗЗ можно было даже отправить за пивом – в прямом смысле – и тот безропотно отправлялся. Даже лучился счастьем по пути! А кто лучше него мог организовать достойный отдых с приятными собеседницами – пусть даже собеседование с их стороны сводилось к мычанию по причине занятых делом ртов? Ну, где ещё найдёшь такого незаменимого, такого бесценного человека?!..

– Можно?

Голова ЗЗ просочилась в кабинет Застройщика прежде туловища. Глаза быстро и цепко скользнули по «содержимому» кабинета: никого.

Никого лишнего – только сам Хозяин.

– Заходи.

Босс устало показал рукой на кресло.

– Что у тебя?

ЗЗ вздохнул.

– Без лирики, пожалуйста.

– Вспугнули жильцов.

– И?

ЗЗ, как и положено, развёл руками. Но – в меру и деликатно: непродуктивные эмоции здесь не приветствовались.

– И ничего. Мужики наставили ружья на наших – и забор пришлось демонтировать.

Выдав текст, ЗЗ виновато потупил взгляд. В этом кабинета обязанности Заместителя он добросовестно, хоть и не добровольно, совмещал с обязанностями «козла отпущения». На постоянной основе.

И не только по причине должности, но и в силу указанных выше замечательных личных качеств. Тех самых, которые словно вопияли: «Козёл!» Отпущения, разумеется.

Обдав ЗЗ взглядом огненного наполнения, Застройщик «оставил занимаемые позиции». Путь его лежал к другой стене кабинета. По дороге он не забывал «освежать» ЗЗ огнедышащими взглядами. Наконец, израсходовав «боезапас», он с размаху плюхнулся на роскошный кожаный диван.

– Значит, так. Я свяжусь с администрацией, а ты вызвони мне начальника ГУВД. Пора уже ему начать обрабатывать авансы... и не их одних.

Хозяйские интонации в его голосе не оставляли места сомнениям, как о характере авансов, так и о характере отношений власти и капитала.

– Значит, говоришь: мужики с охотничьими ружьями...

Застройщик уже переключился с интонаций на глаза: сузил их и наполнил выражением мстительной решимости.

– Ну, что ж... В таком случае, открываем сезон охоты. На охотников.

ЗЗ понимающе усмехнулся: направление мыслей Хозяина не составляло для него секрета. Давно не составляло...

Глава пятая

– А, герр оберфюрер! Здравия желаю!

Застройщик привстал в кресле и шутливо козырнул двумя пальцами – на манер Йозефа Швейка. Грузный, мордастый, лысеющий милиционер покраснел. Вряд ли от удовольствия или жары. Причиной могли быть лишь тон и жест принимающей стороны: ни тот, ни другой не тянули на уважительный. Ну, вот не соответствовали они ни чину, ни поганам, ни амбициям. А тут ещё – воспоминания. Одна мысль о том, до чего он, начальник ДВД и «целый» полковник, дошёл и «где-то» докатился, обязана была уязвлять его до глубины души – пусть и давно отсутствующей.

«Шекспировские страсти» и сомнительные остатки порядочности были, разумеется, ни при чём. Всё объяснялось значительно проще: Полковник сам был хозяином. За пределами этого кабинета. В рамках вверенного ему учреждения. Он сам принимал ходатаев. И сам диктовал им условия «сотрудничества» в обеспечение «благополучного результата».

Диктовал всеми доступными способами. В том числе – и определением кандидатов в соискатели его милости «на дозаривание». Ну, так, как это делает опытный дачник с недозрелыми помидорами. И, мало, кто умел так «доводить до готовности», как он: с пользой для себя... ну, и попутно – для дела.

Но это – там. «В другой жизни». «На своём огороде». А здесь он был ходатаем и «словником» – как ни прискорбно это было сознавать... иногда. Правда – не в минуты выплаты содержания. Но за это приходилось спешно демонтировать апломб и являться рысью. По первому же звонку. А что поделаешь: «демократия» -с! «Рынок» -с! Принципы – принципами, а кушать-то хочется. И с каждым днём аппетита становятся всё больше и больше: жизнь-то не стоит на месте. Усложняется. Дорожает. Да и насчёт принципов... м-да... Из знакомых ему милиционеров только у троих были замечены признаки «кристальной чистоты»: у героев сериала «Следствие ведут Знатоки».

Сам он был не таким. Точнее, стал не таким. И это случилось сразу же, как только он понял, что «рублей правильных не наживёшь от трудов праведных». Поначалу денюга приходила исключительно в результате «личного досмотра» задержанных. Для того чтобы претендовать на значительные суммы, он сам был ещё слишком незначительным. Человека, ставящего перед собой масштабные цели, это не могло не унижать. И он стал искать другие решения. И нашёл их. Суммы, куда большие тех карманных денег – из карманов задержанных, то есть – можно было получать иным способом: привлечением либо непривлечением к уголовной ответственности. Тут возможностей было «море». Даже – «океан». Главное – не зевай: проводи разъяснительную работу среди клиента! Всеми доступными способами! Чтобы «клиент» сам «дозрел» до нужной мысли и нужной суммы.

Со служебным ростом возможностей становилось больше. Но они не шли ни в какое сравнение с теми, какие появились у него с «отречением от старого мира» и началом строительства нового. «Мусорбв», оказавшихся на пересечении интересов государства и бизнеса, постигло счастье: их начали покупать. Пачками. На корню.

Посчастливилось – без всяких кавычек – и начальнику ГУВД. Только что произведённый в подполковники и определённый в начальники, он был удачно приобретён в собственность Застройщиком. Удачно для обеих сторон: характер услуг и размер их оплаты стоили друг друга.

– Проходи, оберст!

Застройщик панибратски хлопнул милиционера по рыхлому плечу.

– Садись, и чувствуй себя...

– ...Как в гостях? – «догадался» Полковник: несмотря на простоватый вид, он был сообразительный товарищ.

– Именно! – хохотнул Застройщик: нетрадиционное «прочтение» было ему по душе. «Товарищ Полковник» «на пять» уяснил своё место в жизни... ну, и в этом кабинете.

Выказав понимание голосом и мимикой, Полковник решил дополнить это и соответствующим телодвижением. По принципу: «кашу маслом не испортишь». Поэтому он даже частично подтянулся в кресле и подобрал всё, что ещё можно было подобрать. Работы было много: по причине «нездорового образа жизни» некогда стройное тело некогда спортсмена давно уже превратилось в рыхлую, студнеобразную массу.

– Что же это ты, Полковник? А?

Верный своему принципу «не затягивать с бычьими рогами», Застройщик немедленно «засучил рукава».

– Не понял... – не вполне убедительно попытался не понять

Начальник ГУВД, багровея и так уже донельзя багровым лицом.

– Вот и я не понял!

Застройщик погасил насмешку и «включил огнемёт».

– Что же это ты мне не помогаешь?

– Как не помогаю? В чём?

Тактика хозяйского «блицкрига» была не в новинку Полковнику, но от этого не становилось легче. Опыт общения не прибавлял опыта другого свойства – и поэтому он всякий раз терялся. Терялся сам – и «в дороге» терял всё то, что носил на себе в своём кабинете, начиная от чувства собственного достоинства и кончая чувством удовлетворения от лишения указанного достоинства остальных. Трясущейся рукой Полковник вытащил из кармана давно уже несвежий носовой платок, и начал «воплощать кино в жизнь»: очень художественно промокнул бисерины пота на плечи и лбу.

– «В чём»? В наведении порядка на строящихся объектах.

Застройщик редко прибегал к дипломатии. Чаще всего, он сразу «открывал огонь на поражение». И не «резиновыми пулями». Так, как сейчас, например.

– Точнее, на площадях, подлежащих застройке по адресу...

Он заглянул в папку с документами и назвал адрес.

– Так ведь там ещё ничего нет! – удивился Полковник. «По дороге» он даже успел перевести дух. – Буквально третьего дня я выезжал в соседний дом «на труп» – и не видел ничего похожего на стройку!

– Третьего дня там действительно ничего не было.

Исполнив роль «злого следователя», Застройщик решил сменить амплуа. Для контраста. Тем более что «нагнетал» он не совсем оправданно: Начальник ГУВД работал только по заданию, а в этот раз его-то и не было. Так что страшал его «заказчик-плательщик» исключительно «для создания надлежащего психологического микроклимата» – «среди» Полковника. Ну, и для большей оперативности в будущем. Примерно, как тот классический цыган, который, прежде чем отправлять сына за чем-либо, основательно драл его ремнём на дорожку. Оно и верно: постфактум драть уже ни к чему.

– Ты прав: не было. Даже забора. Он появился только сегодняшней ночью. И то ненадолго.

Выразительность его взгляда благотворно воздействовала на мыслительный аппарат Полковника.

– Местное население?

Застройщик молча смежил веки.

– ОМОН?

А это уже был не вопрос, а предложение о характере помощи. Но оно настолько не соответствовало «эстетическим воззрениям» Застройщика, что тот недовольно поморщился.

– Ну, зачем так сразу: ОМОН? Какие же мы после этого интеллигенты?! Полковник, я плачу тебе такие деньги не за такие предложения!

Добившись от полковничьей физиономии очередного помидорного окраса, Застройщик примирительно «обласкал» «друга» кулаком по плечу.

– Ладно, не обижайся: я – без намёков... Но насчёт ОМОНа ты неправ. Сейчас неправ. Потому, что всему – своё время. А пока нужно действовать «тоньше, мягше и деликатнее», как говорил «наш замечательный сатирик Аркадий Райкин». Есть другие предложения?

Полковник задумался. По части «внесения».

– Ну, если бы ты назвал мне главных действующих лиц, то я...

– Вот это – дельная мысль! – энергично вклинился Застройщик. – Вижу, что процесс пошёл. Творческий процесс. Вот таким ты мне больше нравишься. А реквизиты лиц – с нашим удовольствием. Правда, лицо пока одно. Но зато какое: с ружьём! С настоящим!

– Что за ружьё?

– «Зауэр». Трёхстволка.

Полковник оживился. По причине вступления в свою стихию.

– Вот это уже хорошо! Это уже кое-что! Адрес нам известен.

Проверим регистрацию – установим владельца. Ну, а дальше уже будем работать по «объекту». Что же касается ОМОНа...

Он отважился на лёгкую укоризну в голосе и даже взгляде.

– ... то ты напрасно пренебрегаешь этим «старым добрым средством увещевания». Если уж жильцы заставили твоих парней убраться подобру-поздорову – значит, в массах выросло непонимание. И, судя по «зауэру», оно приняло уже нездоровый характер. Наверняка, уже, как тот чирей, назрел и «актив». И наверняка он не останется равнодушным при виде того, как твои ребята начнут орудовать под прикрытием ОМОНа. Ну, а если они не станут шевелиться, то мы расшевелим их. Сподвигнем на большую активность. Потому что нарыв требуется вскрывать. Вот тебе – и нужный результат: сопротивление работнику милиции, сопряжённое с применением насилия или угрозой для жизни!

Со смесью лёгкого удивления и почти невесомого уважения Застройщик обозрел толстяка: Полковник, всё-таки, не зря подьедался крохами с его стола. Правда, ежемесячно эти «крохи» тянули на годовую зарплату шахтёра.

– Ну, а остальных «активистов» вычислят мои «опера́». Походят по квартирам – благо, что есть повод: «мокруха» -то до сих пор – «мокрая». Потолкуются у подъездов. Послушают старушек. На всё, про всё – пара дней, не больше.

– Зер гут, герр оберст!

Подумав, Застройщик решил остаться довольным «планом мероприятий». Несмотря на все нюансы холуяжа, профессионализма у Полковника отнять было нельзя. И Застройщик не стал делать этого.

Хотя, чаще всего, от Полковника требовались только его погоны и табличка на двери. Но и сочетание было к обоюдной пользе. Заказчик получал толковое предложение и лишнее доказательство целевого расходования средств. А Полковник оправдывал высокое доверие – и представлял лишнее доказательство целевого расходования средств Заказчиком. На себя.

– Приступай без промедления.

– Без промедления или «в обычном порядке»?

– «Вначале было слово»?

Застройщик быстро показал «клиенту», что право задавать вопросы в этом кабинете принадлежит только ему. В знак согласия – и с текстом, и с правом – визави махнул каплей пота.

– Да.

– Не возражаю.

Застройщик монументально обронзовел лицом.

– Мы, конечно же, запустим и администрацию, и «архитектуру». Но это не отменяет твоей задачи по отработке населения в духе победившей демократии.

Он лишний раз доказал, что умеет приватизировать не только чужую собственность, но и чужие мысли.

– Надо готовиться к серьёзной работе: люди погрязли в эгоизме! Нужды города уже ничто в сравнении с их мещанским покоем! Воинствующему непониманию со стороны несознательных граждан должен быть положен конец... наконец!

Проникаясь ответственностью за судьбу порученного дела,
Полковник в очередной раз истёк потом.

– Не сомневайся, босс: всё будет исполнено на высоком идейно-художественном уровне.

Он медленно поднялся на ноги. Не от солидности: от лишних тридцати, а то и всех сорока, килограммов.

– Да, кстати...

Застройщик щёлкнул замком несгораемого сейфа.

– Это – тебе. За прошлый месяц.

На стол звучно плюхнулся увесистый конверт. Старательно отводя бегающие глаза в сторону, Начальник ГУВД поспешно схватил «упаковку». Слишком поспешно для своей должности и чина, чем вызвал неделикатную ухмылку на губах хозяина кабинета.

Но Полковник не мог оценить неделикатности этой ухмылки. Целиком сосредоточившись на работе с конвертом, он её не видел. Да и продолжительность ухмылки не превышала секунды. Застройщик умел «дозировать яд»: «ведь жизнь кончается не завтра»...

Едва закрылась дверь за милиционером, как раздался звонок по селектору. Звонил ЗЗ. Застройщик неторопливо поднял трубку.

– «Город» предлагает встретиться сегодня вечером в «очаге культуры».

«Городом» между собой – и для лаконизма, и в целях конспирации – они называли главу городской администрации. А «очагом культуры» именовалось «учреждение элитного отдыха», совмещающее баню с шикарным рестораном и респектабельным публичным домом.

– Он ждёт ответа?

За короткой паузой в трубке послышалось робкое покашливание.

– Вообще-то, я сказал, что ты готов встретиться...

– Ну, и правильно сказал!

Трубка легла на рычаг. Но отдыхать ей пришлось недолго: спустя несколько секунд Застройщик набирал уже другой номер.

– Привет, Зодчий!

Зодчим «по оперативному учёту» проходил Главный Архитектор области. В шутку. На которую последний не обижался. Потому, что шутка была их тех, о которых в Одессе говорят: «Чтоб меня так обижали!»

– Как там наши дела? Документы готовы?.. Да, на этот участок?.. Все?.. Хорошо. Тогда я подошлю к тебе ЗЗ. Кстати, он завезёт тебе зарплату за прошлый месяц... Шучу, конечно... Нет, не насчёт денег: насчёт формулировки. Да, и ещё, вот что...

Застройщик потёр ладонью лоб: трудно удержать в голове все неприятности сразу. Особенно мелкие: так и норовили «выпасть в осадок».

И досаждала эта мелочь изрядно. Хотя бы тем, что заставляла мыслить по-крупному.

– Ты мне можешь понадобиться собственной персоной – и в самое ближайшее время... Да, на объекте... Хотелось бы обойтись без эксцессов: они так утомляют... Вот именно: «за столом переговоров»... Всегда готов? Как тот юный пионер? Ну, вот и молодец. Тогда жди команды. Всё. До связи.

Глава шестая

...Вечером Застройщик и ЗЗ встречались с Главой городской администрации. В «очаге культуры». В одном из многочисленных «учреждений культурного досуга для избранных», принадлежащих Застройщику. Здесь ЗЗ уже не нужно было суетиться: ни насчёт пива, ни насчёт закуски, ни насчёт «десерта» – в виде юных возрастом, но зрелых мастерством работников телесного фронта и тыла. Об этом уже позаботился вышколенный персонал заведения. Как и о том, чтобы никто чужой не смог помешать гостям культурно – и главное, с пользой для дела – провести время.

– Ну, как твои дела? – начал Застройщик сразу же после «разгонной».

Жуя бутерброд с икрой, Градоначальник молча кивнул головой.

– А как – наши?

Градоначальник не стал вносить разнообразие в меню, и в точности продублировал ответ на первый вопрос.

– Проблем не будет?

Застройщик слегка поел взглядом моложавого чиновника.

– Слово джентльмена.

– Как в тот раз?

Намёк был понят: «Город» поперхнулся и покраснел.

– Ладно, ладно – без обид, – якобы примирительно буркнул Застройщик, вместе с тем, явно не собираясь извиняться за прямоту. Что тут же и подтвердил. – Это мне надо обижаться: «подставил» ты меня классно. На высоком идейно-художественном уровне.

– Так вышло, – не поднимая глаз, пробормотал Градоначальник. – Но, я же, в конце концов, исправился...

– Надеюсь, ты не думаешь, что я начну хвалить тебя за двойное усердие – и выдам двойной «оклад»? И не только потому, что сам напортачил – сам и исправляй. Ты ведь, брат, ударил меня не только по репутации, но и по карману. Ведь, пока ты исправлял, дело стояло.

Застройщик был корректен, но это не смягчало общей нелицеприятной оценки. Понимая и даже осознавая, Градоначальник не пытался ни протестовать, ни оправдываться. Потому, что на будущее можно «остаться без сладкого». Потому, что этого будущего может уже и не быть. Потому что, несмотря на высокую должность, здесь он был всего лишь состоящим на довольствии. Даже – не услугодателем. И ему оставалось лишь заверить благодетеля в том, что уроки из прошлого извлечены, а меры к недопущению приняты.

– Можешь не беспокоиться: всё сделано в лучшем виде. Все согласования, все подписи, все обоснования – в наличии. Осталось только от «архитектуры» получить утверждённый проект. Ты, там, напомни ему...

– Бумагу получишь завтра. До обеда.

Градоначальник кивнул головой, и как-то слишком уж основательно начал прочищать горло. Не поднимая глаз.

– Ну? – усмехнулся Застройщик. – «Дозвольте пару слов без протокола?» Так, что ли?

– Ты не боишься осложнений?

Градоначальник отважился не только на прямой вопрос, но и на прямой взгляд.

– Я имею в виду судебную перспективу, отмену решения... всё такое прочее?

– Ты же говорил...

– Нет-нет!

Градоначальник умоляюще сложил руки на груди.

– Там – комар носу не подточит. Я отвечаю и за свои бумаги, и за свои слова. Я – не об этом. Ведь не в одних бумагах дело...

– Ну, если – не по поводу бумаг, то... хрен его знает...

Застройщик был на удивление спокоен. Так, словно «оппоненту» не удалось «поразить» его доводами.

– Макулатурой мы обставились, как щитами: со всех сторон. Правда, есть небольшая закавыка: детская площадка там – одна на три дома... А ты сам знаешь, что есть решение прежних администраций, прямо запрещающее строительство на детских площадках, в рекреационных зонах и так далее...

Градоначальник хмуρο кивнул головой.

– Вот-вот – и я о том же...

– Извини, приятель!

Застройщик одним махом опрокинул в глотку рюмку и наколол вилокoй лайм. Немного пожевав, сплюнул.

– Проклятые буржуи! Даже закусить не умеют по-человечески! Подай мне лучше вон тот селёдочный хвостик и гренок с икрой!

Эти слова были уже адресованы ЗЗ, который отрешённо жевал чёрный сухарь, терпеливо ожидая команды «включиться». Получив её, он не стал тянуть с исполнением: ему и здесь не следовало забывать о совместительстве. Спустя мгновение Застройщик уже обгладывал селёдочный хвост.

– Так вот, Градоначальник: «дико извиняюсь», но ты перепутал роли. Это мне надо хмурить чело и озабоченно вопрошать! Мне! Потому, что это – моя роль! И мой текст! А тебе полагается развеивать мои сомнения. Тоже – по роли! По твоей роли! Ты меня понял?

Градоначальник низко опустил голову, чтобы, не дай Бог, хотя случайно не полыхнуть взглядом. На свою же задницу. Транзитом через хозяйский сапог. Поэтому текст он давал уже «откуда-то снизу», предварив его энергичным потряхиванием головой. Это должно было свидетельствовать о его большом понимании.

– Ты хочешь сказать, что мне... ну, что бы я... ну, продумал варианты по прежним решениям?

– «Хорошо мыслишь, разведка!» Я не ограничиваю тебя в творчестве. Могу лишь подсказать темы. Ну, или направления. Первое: площадка как таковая. Второе: решение. Главное, чтобы наши недруги не смогли апеллировать к ним. Это – твоя задача. И решать её тебе. Ну, а я должен строить. И не только на этой площадке, но и на всех остальных, на которых уже лежит мой глаз.

Застройщик хлопнул приунывшего Градоначальника по плечу.

– «Такова наша дислокация», как сказал один товарищ. Но это – завтра. А сегодня у нас – другая программа.

Он покосился на бутылку.

– Плохо несёшь службу, Заместитель!

Смутившись по должности и характеру, ЗЗ спохватился и принялся разливать остаток содержимого по стаканам. Выпили. Молча. Также молча принялись закусывать. ЗЗ убрал «отработанную» бутылку в сторону и «разместил в эпицентре» новую: все присутствующие знали толк в выпивке, и одной бутылкой ограничиваться не собирались. Тем более, что и сама обстановка располагала к тому. В плане жёсткого разговора, который непременно полагалось смягчить изрядным количеством алкоголя. А тут ещё Застройщик решил внести в процесс «свежую струю». И уже – не водочную.

– Я думаю, брат Градоначальник, что пора тебе активнее вовлекаться в бизнес...

– ???

– Объясню. Хватит уже существовать на «подножном корме». Ну, то есть, на подношениях от благодарного населения. Входи в дело! «Морального вреда», по моим данным, тебе, «кристальному честняге», нанесли изрядно. Нечего держать его под

матрацем! А если мало, то я добавлю. Короче: я могу выделить тебе долю в одном из своих предприятий. Станешь полноправным участником ООО. Участником с солидной долей. Процентом, этак, в тридцать!

Внося предложение, Застройщик и не предполагал, что осмеиваемый им «едок подножного корма» давно уже «вошёл деньгами» в несколько выгодных проектов. Недостатка не было ни в «благодарном населении», ни в его проблемах, ни в средствах их разрешения. Разумеется, «удачливыми предпринимателями» стали его близкие и дальние родственники. Точнее, их паспорта. И если люди Застройщика не смогли узнать об этом, то исключительно благодаря искусству мимикрии, которым мастерски овладел этот ветеран рыночных отношений в органах власти.

– Сделку оформим самым, что ни на есть, законным способом: через нотариат. А в случае надобности, то и через бюро регистрации сделок с недвижимостью. Кредит вернёшь из прибыли.

Несмотря на «занятость» в других проектах, Градоначальник мгновенно заинтересовался предложением Застройщика. Одно дело – уже имеющиеся в наличии его «соучредители», и совсем другое – Застройщик! Сам Застройщик! Нет, даже не так: САМИ Застройщик! Если бы его сейчас поставили перед выбором: или они, или Застройщик – он бы оскорбился.

И правильно: о каком выборе может идти речь?! Только Застройщик! А почему? А потому, что Градоначальник зрел в перспективу. В ней этот человек представлялся ему безраздельным хозяином города, области – и не их одних. А будущее Застройщика – это и будущее всех связанных с ним людей. То есть, он ставит на них – а они ставят на него.

– Ну, как: вкупаешься?

– Вкупаюсь!

Градоначальник даже не стал делать театральной паузы: не в театре. И после стольких неприличий соблюдать внешние приличия даже не смешно.

– Хоть сейчас! И от кредита не откажусь. Будь уверен: отработаю всё сполна.

– А я в этом и не сомневаюсь!

Застройщик обнял чиновника за плечи и ласково заглянул ему в глаза. У неподготовленного человека от такой ласки обычно случается приступ, но Градоначальник был подготовленным человеком.

– Я, брат, покупаю тебя с дальним прицелом. Ты мне нужен там, наверху.

Судя по тому, как визави судорожно проглотил слюну, он не был готов к такой порции счастья. Наверняка, это превосходило его ожидания. Конечно, как и всякий здравомыслящий чиновник, Градоначальник «метил в кресло», но только в перспективе. И не по причине застенчивости или заниженных оценок собственных талантов: этими пороками он не страдал. Вся проблема заключалась в его сегодняшней неготовности к «захвату» областного «Белого дома». Не было у него ещё своей команды, которая могла бы устоять перед челюстями сегодняшних держателей кормила и кормушки.

– Да-да: мне нужен свой человек в «области». И не просто наверху: на самом верху. И я готов помочь тебе забраться на этот самый верх и удержаться там. Не сегодня – так завтра. Но при условии, что наше сотрудничество будет, как говорят бюрократы, иметь тенденцию к неуклонному развитию. Тем более что мои дела уже будут не только моими, но и отчасти нашими.

– Можешь располагать мной. Полностью.

Не медля ни секунды, Градоначальник «пал ниц и облобызал туфлю благодетеля». С этого момента использование капиталом «административного ресурса», прежде имевшее место от случая к случаю, переводилось на постоянную основу. Ни одну из сторон не смущало то, что заключённое джентльменское соглашение – пусть таковое лишь по форме, а не между джентльменами – являлось аналогом договора Мефистофеля с Фаустом.

Вдоволь насладившись зрелищем «лобызаемой туфли», Застройщик «погладил» Градоначальника одобрительным взглядом.

– Приятно, что мы так быстро достигли взаимопонимания. А теперь – что ж: десерт!

Ещё не было указующего взгляда – а ЗЗ уже исчезал за дверью «трапезной». Вскоре он вернулся – и не один: с «десертом». Таковым сегодня подавалась группа молоденьких красавиц в «условных» бикини.

Масляно блестя протрезвевшими глазами, Застройщик с вожделием потёр ладонью о ладонь.

– «К столу», господа!

Глава седьмая

Тщательно изучив «данные разведки», Застройщик не стал форсировать развитие событий. Уже изрядно потёршийся в жизни, он понимал: «плод должен созреть». Тут и ботанику знать не обязательно. Поэтому он и распорядился ждать, на площадку не соваться, а только отслеживать происходящее и готовиться к работе.

Ничего особенного на объекте не происходило. Жильцы, после ночного визита «нежданных гостей» учредившие круглосуточное дежурство, увидели, что новых вторжений не предпринимается – и успокоились.

По прошествии трёх суток дежурства были отменены. Довольный проявленной решительностью и тем, что неприятности хотя бы откладываются, народ разошёлся по домам.

Тем временем Начальник ГУВД, получивший «зарплату» за истекший месяц, принялся активно «зарабатывать» её и в месяце текущем. Первым делом его люди установили личность владельца «зауэра». Личность оказалась занятной и непростой. Известный геолог. Специалист высокой квалификации. И не только – в прошлом, но и в настоящем: услуги его – нарасхват. Недавно вернулся из очередной экспедиции куда-то в Восточную Сибирь. Заядлый охотник. Отменный стрелок. Регистрация – в порядке. Членские взносы платит исправно. По причине оперативного тупика пришлось доложить всё, как есть.

– Геолог, значит?

Выслушав Полковника, искренне расстроенного порядочностью «объекта», Застройщик ненадолго ушёл в себя. Вернулся уже с вопросом.

– А удалось выяснить, на чём он специализируется? Ну, что он там ищет?

Полковник раскрыл блокнот: по «совковой» привычке он до сих пор предпочитал бумагу. Как-то не доверял электронике.

– Да, кое-что есть. Во-о-т...

Он перевернул несколько страниц.

– «Разведка месторождений рудного золота, имеющих промышленное значение». Не знаю, правильно ли это с точки зрения геологии, но у меня записано так.

– «Рудного золота...»

Глаза Застройщика ожили, а лицевые мускулы энергично заходили под кожей. Спустя несколько секунд они вылепили из кожи ироническую усмешку. Похоже было, что он уже нащупал какое-то решение проблемы.

– Слушай, Полковник... Кровь из носу – установи мне точный район его поисковых работ! Ты меня понял?

Этот вопрос уже можно было не задавать. Тем более, полковнику милиции. И не потому, что – такой умный: потому, что – такой опытный. План Застройщика, ещё не только не высказанный, но и не сформулированный, входил в стандартный набор любого оперативника.

Как схема, разумеется, «плюс-минус» нюансы. С поправкой на специфику каждого дела.

– Будет сделано. Я сегодня же свяжусь с нужными людьми.

Застройщик энергично прошёлся по кабинету, на ходу хрустя суставами пальцев рук.

– А что – по остальным?

Полковник склонился над блокнотом.

– Та-а-к... Удалось выяснить, кто был инициатором «шухера».

– И кто же этот «бдительный товарищ»?

Милиционер усмехнулся.

– Представь себе: старушка. Старушка «Божий одуванчик». Бдительности её явилась следствием хронической бессонницы и нескончаемых «мыльных опер» по телевизору.

– Что удалось узнать о ней?

Полковник опять заглянул в «шпаргалку».

– Бывшая учительница младших классов. Педучилище. Правдолюб неисправимый, безнадёжный. Коммуняка с довоенным стажем. Терять нечего, кроме цепей: обстановка в квартире балансирует на тонкой грани между бедностью и нищетой. Правительственных наград не имеет. Зато имеет много почётных грамот «за доблестный труд». Вот и всё её имущество.

Застройщик не удержался и хмыкнул: Полковник неожиданно демонстрировал наличие чувства юмора. Нормального, не милицейского – от «демократизатора» и полиэтиленового пакета.

– Живёт на скромную пенсию. Муж давно умер. Сын... Местонахождение и прочее сейчас устанавливаем. Страдает всем набором «старушечьих» заболеваний: от традиционного радикулита и повышенного давления до ишемической болезни сердца. Состоит на учёте в районной поликлинике.

– Ишемическая болезнь сердца?

Застройщик прищурил глаза. Любитель Гёте не преминул бы заметить: в манере классического Мефистофеля. Другой определил бы это словами попроще. Но смысл был бы один: «товарищ» уже не только надумал, но и задумал.

– Плохо дело. И – очень даже неплохо. Ты, Полковник, выясни всё о её сыне – и поскорее.

– Слушаюсь. Можно продолжать? Так, что тут у нас ещё? Ага: есть ещё пара бывших учительниц с высшим образованием, один действующий коммунист и один работник независимого профсоюза. Пара «челноков» – ну, эти вряд ли будут соваться «в политику». Ну, и несколько – точнее, четверо – пожизненных горлопанов. Так сказать, «несгибаемых борцов за правду». Все четверо – пенсионеры.

– А «молодёжь» не старше семидесяти имеется?

Полковник снова «нырнул» взглядом в записную книжку.

– Виноват: оплошал. Не все четверо горлопанов – пенсионеры, а только трое. Один – среднего возраста. Все остальные из категории «моложе шестидесяти» – молодые мамы. Ну, и разумеется, их мужья. Таковых всего набирается две дюжины. Эти представляют некоторую проблему. Во-первых, кто-нибудь из них всё время торчит во дворе. А во-вторых, площадка-то, всё-таки – детская. Значит, есть личная заинтересованность.

Получив информацию, Застройщик озабочился видом – и вместе с ним прошёлся по кабинету. Возле окна он остановился, и некоторое время разглядывал скучный пейзаж за стеклом. К милиционеру, застывшему с выражением почтительного ожидания на лице, он поворачивался уже явно не потому, что наскучил пейзаж.

– Какова доля пенсионеров в общей массе жильцов, и что они из себя представляют?

Несколько удивлённый возвратом темы, милиционер пожал плечами.

– Ну, в среднем – по пенсионеру на этаж. То есть, больше сотни набирается.

– «Актив» установлен?

– А я о чём говорил?!

Под недовольным взглядом Застройщика он тут же поправился:

– Установлен. Общее число – чуть больше дюжины. Точнее – пятнадцать человек. Самые «застрельщики». Двенадцать из них – пенсионеры. Трое – относительная «молодёжь». Из этих троих – один, уже известный нам Геолог, другой – спортсмен, и третий – молодая мама.

– А установлено, у кого какие проблемы?

– Так точно. Ну, у пенсионеров – какие проблемы? Одна: денег не хватает! На каждый подъезд – по два-три должника по платежам за коммунальные услуги.

– А среди «актива»? – мгновенно заинтересовался информацией Застройщик. – Среди «актива» есть должники?

Милиционер поводил глазами по рукописным строкам – и с сожалением развёл руками.

– Увы, нет. Платят, как говорится, «из последних сил». По принципу: «с голой жопой – но с чистой совестью!»

– Ты хочешь сказать, что эта публика задаст нам работы?

– Ну, задаст – не задаст, – деликатно откашлялся Полковник, – но работать придётся тоньше, чем обычно. Придётся нащупывать другие «болевы точки».

– Та-а-к...

Застройщик вернулся в кресло и забарабанил пальцами по столу, выстукивая какой-то бравурный марш. «Барабанную дробь» сопровождал лёгкий посвист. Почтительно застыв у стола, Полковник ожидал инструкций.

Он уже достаточно изучил Хозяина для того, чтобы не чувствовать момента инструктажа. И тот не замедлил воспоследовать.

– В общем, не мне тебя учить, как действовать, – легонько опалил его взглядом Застройщик, – но противник должен быть обезврежен. И в кратчайшие сроки! Как – решай сам. Тебе – и карты в руки. Заодно – и деньги.

Сосредоточенно засовывая блокнот – вместе с неожиданным авансом – в нагрудный карман кителя, Полковник молча кивнул головой.

– А мы приступаем к работе на объекте...

– Готов?

Застройщик прижал к уху мобильник: связь была отвратительной.

– Готов, – послышалось в трубке.

– Мы будем неподалёку, у въезда на объект. Верю в тебя и в удачу. До встречи.

Опустив мобильник в карман белоснежной сорочки, Застройщик обернулся к ЗЗ.

– Зодчий выезжает. Где «Старшой»?

– Уже на подходе.

– А Градоначальник?

– Его Представитель ждёт сигнала.

– Ну, значит, и нам пора в засаду.

Застройщик удовлетворённо откинулся на подголовник.

– С Богом!..

...Народ, как всегда, оказался «не готов». Тем более что сегодня кавалькада строителей прибыла в час «послеобеденной сиесты», когда во дворе никого не было. Быстренько и стараясь не шуметь, строители приступили к возведению забора. Работа спорилась: периметр и география двора были изучены досконально, и затверждены, как «Отче наш». Да и сам «штурм» был отрепетирован ещё на макетах – как штурм Измаила у Суворова. Поэтому, когда первая мамаша-«колясковод» показалась во дворе, объём уже «переваливал за экватор».

Дальше последовало то, что и должно было последовать: мамаша «подняла по тревоге» «личный состав». Вскоре двор был запружен людьми, своим гудением соответствуя классике. Потревоженному улью, то есть.

Тут же началось «выяснение отношений», сопровождаемое выдёргиванием кольев, опор и крушением металлических щитов. До «обмена доводами по физиономиям» дело пока не доходило.

Удивительно, но строители не очень-то и возражали против актов «вандализма». Во всяком случае, никто из них в «непосредственный контакт» с жильцами не входил, и входить явно не собирався. Работяги лениво и вполне добродушно переругивались с разъярёнными гражданами, объясняя последним, что их, строителей – «дело петушиное: прокукарекал – а там, хоть не рассветай»!

Ничего удивительного в «миролюбии» «захватчиков» не было: они лишь выполняли установку Хозяина. Всё шло в соответствии с планом, рассчитанным на постепенную, не за один день, реализацию.

После того, как «захватчиков» остановили, один из пенсионеров – самый горластый мужик – предложил немедленно позвонить в городскую администрацию, и вызвать сюда их представителя, чтобы на месте зафиксировать вопиющий факт нарушения закона и прав трудящихся. Решение было принято единогласно, а звонить поручили самому автору предложения.

В администрации «с пониманием» отнеслись к «сигналу от населения», и сообщили, что представитель выезжает «на место происшествия» незамедлительно. Довольный собой и своей инициативой, пенсионер-активист радостно доложил «коллективу» об исполнении поручения.

Ему, конечно, было невдомёк, что после доклада о его звонке, Глава администрации тут же перезвонил уже находившемуся в дороге Застройщику. События развивались в точном соответствии с планом.

«Старшой», на руке которого буквально повис другой «правдоискатель», требуя вызвать ему «самого их хозяина», набрал номер мобильного ЗЗ.

– Требуют Вас! – выдал он заранее оговоренную, условную фразу.

– Нас требуют.

ЗЗ с усмешкой продублировал его слова Застройщику.

– Требуют – будем! – миролюбиво отозвался тот. – Если потребуется.

Каламбур был вполне уместным. В работу уже включались такие силы, что вмешательство Застройщика и ЗЗ перешло на уровень ненаучной фантастики. А личное вмешательство Застройщика, предполагавшееся из расчёта «самого крайнего случая» – так и вовсе перешло этот уровень.

– Уже выехали! – торжественно объявил «Старшой», после чего рукав его спецовки, наконец, «получил вольную».

Первым на место прибыл, как и предусматривалось сценарием, Представитель гор-администрации. После того, как он предъявил документы, подтверждающие его полномочия, жильцы приступили к изложению жалобы, которая незаметно перешла в допрос. К неприятному изумлению Представителя, оказалось, что они знают много лишнего. Например, то, что здесь строить не положено. При этом назывались даже точные реквизиты соответствующего документа. Это осложняло задачу: Представитель был явно не готов к предметному разговору. Ведь изначально предполагалось, что он выступит «с политическим докладом». «О текущем моменте».

В надежде выиграть время «до подхода подкрепления» или же свежей оригинальной мысли – последнее было менее вероятным – «товарищ из города» пошёл испытанной дорогой. Он решил отработать за дурачка и выступить в маске. Он и не подозревал, что работать придётся с лицом, а форма будет соответствовать содержанию.

– А почему вы так уверены в том, что здесь вообще что-то хотят... э... э... э... затевать? – старательно улыбаясь, спросил он. – Может, ни о чём таком и речи нет, и вы только напрасно беспокоитесь? Давайте, спросим у самих, так сказать, стр... э... э... э... исполнителей!

Он подозвал «Старшого».

– Товарищ, скажите, что вы тут собираетесь... э... э... э... делать?

Во исполнение полученной установки, Представитель тактично избегал употребления глагола «строить».

«Старшой», как можно натуральнее сделал «морду кирпичом» – и соответствовал текстом:

– А мы почём знаем, что тут будет? Нам велено обнести забором этот участок – и всё! А зачем, для чего – про то нам не ведомо!

– Ну, вот видите, товарищи! – энергично подхватил Представитель. – Возможно, что здесь будет проложен новый телефонный кабель. Или сооружена новая подстанция. Это же всё – для вас, товарищи! Я пока не вижу никаких оснований для беспокойства!

– Когда станут видны основания, поздно уже будет беспокоиться! – «обухом прошёлся по голове Представителя» мрачный тип «по ту сторону баррикад», оказавшийся Правдоискателем Ивановым. – Приедет архитектор – тогда и узнаем, что тут затевается. Может, тогда Вы увидите основания для беспокойства. А пока мы просим Вас оставаться на месте.

Оглядев уплотнившуюся вокруг него толпу, Представитель решил про себя, что ему и в самом деле лучше дождаться архитектора. Ни оригинальные, ни хотя бы свежие мысли так и не пришли в его голову. Вероятнее всего, и не собирались этого делать. Хорошо ещё, что долго ждать не пришлось: машина с архитектором «на борту» въехала во двор буквально через минуту после того, как кольцо окружения замкнулось.

Главный Архитектор – вальяжный, грузный, с демократически надменной физиономией – медленно подошёл к собравшимся.

– Ну, в чём дело?

Верный себе последних лет, он забыл текст – и вышел со своим. Хотя его заранее наставляли разговаривать с бунтовщиками ласково и не хамить. Потому, что знали, как усердно «товарищ» дистанцируется от народа и позиционирует себя потомственным дворянином. И это – несмотря на то, что папа его был горнорабочим очистного забоя, сыном крестьянина, а мама – швей-мотористкой, дочкой неизвестных родителей. Последний факт и давал возможность этому градостроителю истязать генеалогическое древо в поисках хоть какой-нибудь «веточки».

Такое поведение было чревато всегда, а сейчас – тем более. И, прежде всего – недопониманием со стороны аудитории. С далеко идущими последствиями – уже для «источника недопонимания».

– Представьтесь, товарищ!

Правдоискатель Петров уже «сосредоточился в районе» Архитектора. Как и все правдоискатели, настроен он был решительно. Представитель, лишь глянув на физиономию Архитектора, побледнел: ничего хорошего на ней не было. Ни для «автора запроса», ни для дела, ни для личных перспектив. Для «полного взаимопонимания» не хватало ещё фразы на тему отношений правдоискателя и тамбовского волка. В таком случае, встречу можно было бы закрывать, и не открывая. Как и рот.

Но Представитель, по счастью, ошибся. Каким-то образом – скорее всего, вспомнив об инструкциях и последствиях их несоблюдения – Архитектор сумел превозмочь себя и неприязнь. Поэтому ожидавшейся гневной тирады с требованием «обращаться по уставу» не последовало. Вместо этого, он спокойно извлёк из кармана пиджака служебное удостоверение, и протянул его автору «запроса». Лицо его при этом даже расщедрилось на некое подобие улыбки.

Петров раскрыл «корочку», медленно поелозил глазами по тексту и фотографии – и изобличил документ в принадлежности к подателю.

– Товарищ – действительно Главный Архитектор области!

Обозванный «товарищем» в очередной раз, Архитектор молча проглотил «оскорбление». Он даже не снял с лица улыбки.

– Так что случилось... товарищи?

Сейчас Архитектор совершал подвиг. Самопожертвовал, можно сказать. Наступал на горло собственной песне. И то: один из самых ревностных «господ» области снисходил до того, что зачислял в «товарищи» «этих товарищей»... ну, или сам примыкал к ним «товарищем».

«Вот, что значит личная материальная заинтересованность!» Такой была фраза, с уважением к личной материальной заинтересованности живописавшаяся на лице Представителя. Сам он тоже был «лично материально заинтересован». И весьма недурственно.

– Уважаемый товарищ Главный Архитектор...

Правдоискатель Петров, как ни в чём не бывало, продолжил истязание ушей и души «господина» Архитектора.

– Мы просим Вас ответить только на один вопрос: что здесь затевается? Только – честно и прямо: с «вариациями на тему» мы уже ознакомлены.

Предваряя ответ, Архитектор постарался улыбнуться максимально широко, добродушно и где-то даже «по-товарищески».

– А Вы разве не знаете? По телевидению же передавали!

– А что? Что такое? Когда? – растерялась толпа. Тут её только и брать: тёпленькой, беззащитной, «спросонья».

Главный Архитектор совсем уже собрался так и сделать. То есть, обвести торжествующим взглядом лица «товарищей», умело выдержать эффектную паузу – и «дослать патрон в патронник». Но в последний момент он передумал: оглашение в рабочем порядке могло дать больший эффект.

– Детский садик, конечно.

Так и сказал: «садик». Не «сад», а именно «садик»: к уменьшительно-ласкательной форме у нас всегда больше доверия, особенно применительно к дошкольным учреждениям.

– Детский садик?!

Народ был явно не готов к такому «удару». И то: дошкольные учреждения у нас теперь лишь закрывались – и в массовом порядке, по причине «нерентабельности». А тут затеяли новый! Такого ещё не было

за все годы строительства «светлого будущего номер два».

– Да, детский садик.

Главный Архитектор был сама простота. Ну – настоящий «товарищ»! Надо быть объективным: он выбрал наиболее эффективный способ, чтобы достучаться до сердец разъярённых людей, давно уже никому и ничему не верящих. Он мог пуститься в пространные рассуждения с экономическими выкладками и ссылками на статьи закона. Но вместе этого он «пошёл другим путём»: был лаконичен и прост. Доступен, то есть. А народ у нас любит, чтобы его – «не против шерсти». Чтобы с ним – как с равным. На понятном ему языке. К такому умельцу он навсегда – с открытой душой.

– Да неужто же – детский садик?!

– Да! И не просто детский садик...

Главный Архитектор всё больше притяжал на лавры ученика библейского змия.

– ...а садик для жителей вашего района. Точнее даже: микрорайона. Ваших и ещё нескольких соседних домов!

– А хоть бы и садик!

Диссонансом с нарастающим мажором прозвучал голос Правдоискателя Иванова.

– Хоть бы и садик! Здесь не должно быть никакого строительства! Даже детского садика! И потом: даже если здесь будет построен именно садик – в чём я лично сомневаюсь – разве все наши дети попадут в него? Нет, не все: садик-то – не безразмерный! А остальные дети – не детсадовского возраста? Им-то где играть? А ведь их у нас – большинство!

Главный Архитектор уже готов был частично ступешаваться, но тут пришла помощь. И совсем даже не неожиданно: Зодчий сам подготовил её приход. Потому что «работал» он не «по площадям». «Принципиальное» неприятие «пипла» не мешало ему точно выбирать наиболее перспективные цели. Потому что Архитектор работал с народом и знал его. Генетическое родство дополнительно способствовало пониманию.

– Да у тебя ведь, старый, и детей сроду не было!

Бойкая молодуха «кудланула бокра» хорошо разработанной грудью.

– Всю жизнь бобылём прожил! А у меня – двое! Ясельного возраста! А когда закончится строительство – как раз будут детсадовского! Так что ты не расписывайся за грамотных!

Молодую решительно поддержали ещё несколько мамаш. Раскол в некогда дружные «ряды оппозиции» был внесён. Представителю оставалось лишь в очередной раз «склонить голову» перед талантом Застройщика, являвшегося автором сценария этого действия. Ну, а попутно – и похвалить исполнительское мастерство Главного Архитектора.

– Какие будут вопросы, товарищи?

«На последнем дыхании» Главный Архитектор излучал доброжелательность и щедросердие. Можно сказать, дочерпывал последние остатки.

– Один.

Задавая свой «один» вопрос, Правдоискатель Иванов был по-прежнему хмур и насторожен. Чувствовалось, что его не убедили разъяснения «товарища Главного Архитектора». Хотя афронт мамаш отчасти поколебал и его решимость.

– Хотелось бы взглянуть на план застройки. А также любопытно узнать, почему товарищ из городской администрации не в курсе этих планов?

Представитель из последних сил постарался не побледнеть: этот Правдоискатель, к несчастью, оказался не дураком. И тут, вопреки принципам, Главный Архитектор прикрыл грудью коллегу. В любой другой обстановке он отдал бы «городского» «на съедение», не задумываясь. Но сейчас от комплектности Представителя напрямую зависела и его собственная комплектность.

– Ну, Вы же знаете, товарищ, как это у нас делается. Как говорится: Ванька дома – Маньки нет!

Поскольку «ласковое слово и кошке приятно», народ обмяк – и потерял бдительность. Чем не преминул воспользоваться Архитектор, тут же добавивший энтузиазма:

– Налицо то, что у нас называется «ведомственной несогласованностью»: мы свою работу сделали, а в администрации затянули с оформлением решения. Я подчёркиваю, товарищи: только с оформлением! Принципиальное решение о строительстве есть! Оно принято «на самом верху»! Но до исполнителей ещё не дошло. Поэтому товарищ и не в курсе. А дезинформаторы, как водится, «бросили человека под танк».

В толпе хохотнули на тему «хороший, всё-таки, мужик, этот Архитектор! Свойский! Полюдски – к людям! Попросту – без всяких, там, этих...».

– Что же касается Вашего вопроса о плане...

Архитектор приблизился к Правдоискателю и бережно взял его под локоток.

– ... то я готов предоставить его Вам для ознакомления лично. Вот Вам моя карточка.

И он протянул растерявшемуся старику «визитку».

– Обращайтесь в любое время. Мой кабинет всегда доступен для народа. Я ведь и сам, как говорится – не «голубых кровей»...

Зодчий до крови закусил губу: ведь приходилось уже не просто наступать собственной песне на горло, а топтаться на нём сапогами!

– ... И отец мой, и дед мой были простыми трудящимися людьми. И сам я работал рядовым каменщиком – правда, только в студенческом стройотряде, но работал! И не один год!

И это пришлось по душе «пиплу». Ну, как же: такой ответственный дядька – и не заносится своим высоким положением! Не чиновник, а наглядное воплощение лозунга «Вышли мы все из народа...»

– Ну, что, товарищи: какое будет мнение?

Правдоискатель Иванов растерянно оглянулся на народ. Но мнения не было – по причине отсутствия народа. В наличии имелись лишь отдельные его представители, не успевшие ещё рассредоточиться. Даже не высказанное, мнение было ясно.

Вскоре на площадке остались только строители, Архитектор, Представитель и люди «Старшого».

– Продолжаем, мужики! – подал команду «Старшой», и чем-то щёлкнул в кармане. Представитель вздрогнул и внимательно посмотрел на него. Тот улыбнулся и вытащил небольшое карманное устройство.

– «Не лаптем щи хлебаем!» – с усмешкой пояснил он. – Должен же шеф быть в курсе. Ну, чтобы подключиться в случае необходимости.

– В контору! – усаживаясь на заднем кресле авто, Зодчий раздражённо бросил водителю. – И дай мне из «бардачка» «спрей»: я весь провонял псиной! Скоты! Быдло! Хамы! «Товарищи»!

Он тщательно протёр носовым платком ладонь, которую только что пожимала рука Правдоискателя Иванова, а затем выбросил платок из окна. И всё это – не снимая с лица брезгливой мины. Заметив, что Представитель растерянно оглядывается по сторонам, махнул ему рукой.

– Садитесь, коллега: Ваш шбфэр...

Он так именно и сказал: «шбфэр». С ударением на «о».

– ... как мне доложили, укатил по звонку в администрацию. Поедьте ко мне. Продезинфицируемся коньячком – а то это «единение с народом» чревато, если не СПИДом, то кишечными палочками!

– Как Вы их, однако...

Кривая усмешка дёрнула лицо Представителя. Вопрос на тему «Вышли мы все из народа – как нам вернуться в него?» не стоял перед ним так остро, как перед его компаньоном по «работе с людьми». «Выходя», он не забыл оставить дверь открытой. Как говорится, «на всякий пожарный случай». «Живём, сами знаете, как на вулкане».

– А ведь это – наш с вами народ. Русский. Тот самый, из которого – и Вы сами, и Ваши отец с дедом, «простые трудящиеся люди»...

– Угу: народ!

Если лицо Представителя только «дёрнуло» усмешкой, то аналогичную часть тела Главного Архитектора полноценно деформировало – и куда более выразительной мимикой.

– Если и народ, то лишь тот самый – из сказки Филатова «Про Федота-стрельца»! Помните, как воевода докладывает царю: «Там толпится у ворот этот... как его... народ!» «Этот... как его?» – вот ему имя!

На этот раз Представитель благоразумно остался без реплики. Углубление темы было чревато излишней остротой. Уж больно нещутейно брезговал Главный Архитектор теми, кому он лишь пять минут тому назад позволял обзывать себя «товарищем». Да и о последствиях не мешало помнить. «В связи со связью» Архитектора с «самими» Застройщиком...

Глава восьмая

Ох, уж эти правдоискатели! Ох, наивняки! И за всё-то они борются! И за всё-то они страдают! И за всё-то переживают! Всё им не сидится спокойно! До всего им есть дело! Всё им – в гушу и в бучу! И как всегда, на свою же голову! А через неё – на свою же задницу! Воистину, ищущий да обрящет. Приключения на свои филеи.

Который уже день Правдоискатель Иванов обивал пороги управления архитектуры: ведь Главный Архитектор сам, лично приглашал его на ознакомление с документом! Вероятно, убаюканный «товарищескими манерами» чиновника от архитектуры, забыл Правдоискатель одну простую истину: «Приглашалі на дорозі, щоб не було на порозі!»

А поскольку Главный Архитектор «грозились» ознакомить с документом лично, обращаться к третьим лицам не имело смысла. Хотя в порыве отчаяния Иванов и предпринял несколько безуспешных попыток достучаться до дверей и сердец архитектур-чиновников ниже рангом. «Сами» Главный Архитектор почему-то систематически отсутствовали на рабочем месте: то «у них» – выездное заседание, то – комиссия, то – срочная командировка, то «они» – на объекте, то – на встрече особо важных гостей. Прямо – Фигаро. С одной небольшой поправкой: Фигаро, как известно, был «там и здесь». Этот же «Фигаро» был «Фигаро» однонаправленного действия. «Фигаро» наполовину: только «там». Где-то. И, всегда неизвестно, где.

А тем временем, пока товарищ Иванов обивал негостеприимные пороги кабинета «гостеприимного» Зодчего, стройка развернулась во всю мощь «громадья планов» и материально-технических возможностей. Самым оперативным образом был выкопан котлован. В кратчайшие сроки забиты сваи и устроен фундамент. В итоге нулевой цикл был завершён едва ли не с побитием рекордов – пусть даже всего лишь областных.

Но пока, в общем и целом, у народа не было оснований для беспокойства. А и в самом деле: фундамент как фундамент! Правда, несколько смущали размеры: уж, очень они превосходили то, к чему привыкли за годы Советской власти. Однако в ответ на тревожные вопросы им так и объясняли: не советское время-то! Сейчас строят-то – ого-го: «по-демократически»! Нечего мелочиться! Тем более что стройка осуществляется за счёт бюджетных средств. У нас ведь как бывает: не освоили выделенные средства – и боятся, как бы не урезали фонды. Вот и разворачиваются во всю мощь неосвоенных капиталов!

Куда более серьёзные подозрения стали рождаться в головах людей уже после того, как глазам их предстал первый этаж новостройки. Он почему-то «не совсем» походил на типовой детсадовский. От него за версту несло дорогостоящей «элитой» – и отнюдь не детсадовского типа...

– Вас самих надо отправлять в детсад!

Укоризненно глядя на Иванова, уже капитулировавшего от лица товарищей, Геолог покачал головой. Он только что узнал о событиях последнего времени. Незадолго до «исторической встречи» с Главным Архитектором, совершенно вне графика, его вызвали в управление. В Восточную Сибирь. Несмотря на то, что вопрос оказался на удивление пустяковым, легко решаемым силами «наличных умов» и не требовавшим его присутствия, ему пришлось «отбыть» в конторе почти месяц. Правда, оплата была неожиданно щедрой – на уровне «работы в поле». И даже оплачиваемый отпуск ему позволили догулять.

Вернувшись домой, он уже застал самый разгар стройки. В отличие от соседей, Геолог «не смог уверовать». Удивляло другое: почему «смогли» остальные? Ладно – основная масса: обыватель – он и в Африке обыватель. Потом что ведёт преимущественно животную жизнь. В основном – травоядную. Но ведь даже Правдоискатель Иванов – мужик грамотный и дотошный, прошедший, «и Крым, и Рым» – и тот «купился» на «демократические погрешности».

– Неужели Вы, хотя бы по характеру фундамента не могли отличить детсад от многоэтажки? Не думаю, чтобы Вам «напели» про «детсад на первом этаже» – так сказать, в рамках «комбината бытовых услуг»? Вы же сами – строитель, пусть и бывший? Я понимаю: и на старуху бывает непраха – но не такая же!

– Меня это тоже удивило, – отвёл глаза Иванов, – но строители ответили, что я отстал от жизни. Ну, и я...

– Ну, и Вы отстали от строителей. Поскольку «отстали от жизни». Иванов перестал убеждать глазами, и молча «уронил» их на пол. «Напутствовав его на дорожку», Геолог задумался. Ненадолго.

– Ну, что было, то было. Назад уже не отыграть: оно уже есть. Значит, из этого и будем исходить. «Отталкиваться от достигнутого», то есть.

– ???

– «Элементарно, Ватсон»: нужно хотя бы воспрепятствовать продолжению стройки. Немедленно. Во что бы то ни стало. Пока они «не расширили ассортимент услуг» – в части башенного крана. Действовать будем по всем направлениям сразу. Сегодня же ночью берём объект под контроль. Дежурство – круглосуточное.

Геолог говорил отрывистым голосом, короткими фразами, своей конкретностью и лаконичностью напоминающими строки армейского приказа. Это помогало лучшему усвоению материала.

– Охрана – по всему периметру. Никого на объект не пускать: «живой щит». А полезут внаглую – отгонять «подручными средствами» вплоть до выстрелов в воздух. Чтобы ни у кого не было иллюзий на наш счёт.

За каждой точкой в конце каждого предложения Иванов согласно кивал головой. Императив вернул его к жизни.

– Дальше: надо сформировать инициативную группу. Потому, что предстоят долгие хождения «по кабинетам» – и не только здесь, но и «этажами повыше». Во всяком случае, уровнем областной администрации мы вряд ли ограничимся. И не по своему хотению: обстоятельства заставят.

– Может, подключим телевидение?

Иванов оторвал взгляд от блокнота, куда поспешно заносил распоряжения. А, что, тут, такого: не на секретной же службе.

– Телевидение?

Геолог с сомнением покачал головой: «ценность» местного телевидения была ему хорошо известна. Вместе с ценой. Грошовые подачки вкупе с надеждами на рублёвые сделали руководство ТВ «правильно понимающим политику партии и правительства». Частные же компании не имели ни мощностей, ни квалификации для того, чтобы воспринимать их комментарии «без комментариев». Максимум, на что они были способны – это критика «острых углов» без «острых углов» в адрес «анонимных злодеев». Да и та – перемежаемая «бегущей строкой» с платными объявлениями и демонстрацией «музыки под сиськи».

– Хотя, кажется, есть один...

Геолог вспомнил, что недавно на областное ТВ пришёл молодой журналист. Впервые за долгие годы тому удалось привлечь внимание к своей программе даже зрителей кабельного и спутникового телевидения. И – не откровениями сутенёров с иллюстрациями «натурой». Программа его называлась «оригинально»: «Человек и закон». Несмотря на то, что программа с таким названием имела на ТВ задолго до его прихода, нынешний «Человек и закон» родился с предшественником только названием.

До прихода ЧиЗ – как вскоре по аббревиатуре названия окрестили новичка в области – программа боялась даже касаться острых проблем. Вместе с «правилами техники безопасности» она неукоснительно исповедовала принцип «Руку дающую не кусают!» Потому, что «това-

рищи правильно понимали политику партии и правительства». Потому, что «никто не хотел умирать». Поэтому все «страшные разоблачения» касались исключительно вопросов бытового пьянства и мелких краж.

– Пожалуй, только его и можно подключить...

– ЧиЗ? – догадался Иванов. Хотя бы потому, что не догадаться было ещё сложнее. При причине «отсутствия конкурсантов».

– Да. Им я займусь лично сам. Как-то раз судьба нас уже сводила вместе: я консультировал его, когда он готовил передачу о бесславной кончине славного месторождения хризопраза. Геолог решительно тряхнул головой – как приговорил свои сомнения.

– Пожалуй, от него будет толк. Кроме того, надо «поднять»...

– Массы?

– Нет: ещё одного человека.

– Депутат? – вторично «блеснул» Иванов.

– Да. Единственный человек, в котором форма соответствует содержанию.

И если форма соответствовала содержанию, то оценка соответствовала действительности. Хотя бы – потому, что Депутат оказался единственным, кто был избран на выборах, а не в кабинетах за закрытыми дверями. «На конкурсной основе», где в незапечатанных конвертах предлагаются билеты – только не экзаменационные, а казначейские. И предлагаются они не «конкурсантам», а «приёмной комиссии».

Упомянутого народного избранника и в самом деле величали не иначе, как Депутат. С заглавной буквы. В отличие от остальных, идентифицируемых либо по паспортным данным, либо по принадлежности тому или иному «благодетелю».

– И ещё...

Иванов дополнительно подобрался.

– Нам, кровь из носу, нужно раздобыть настоящий план и настоящее решение.

– Как? – неподдельно удручился Правдоискатель. – Можно подумать, чиновники уже в очередь выстраиваются, чтобы оказать нам любезность!

– Подумаем, – экономно плеснул оптимизмом Геолог. – Поищем выходы на конторы, нужных людей. У меня есть кое-какие знакомые, которые могут помочь...

Нахмурившись, он поправился:

– Вернее, имеют возможность помочь...

Уточнение было существенным: между «могут» и «имеют возможность» – дистанция огромного размера. Даже во взаимоотношениях хороших знакомых.

– Но, при всех надеждах на Бога, мы не должны забывать и о второй «составляющей». Более того: она, увы – главная. Так что, не плошать всё же придётся. Если мы выполним установку, то вынудим неприятеля «перейти к обороне». «По всему фронту». Как минимум, такой шанс у нас есть. Небольшой, но есть. Правда, на получение результата таким способом уйдёт очень много времени и сил... А народ у нас, хоть и двужильный, но... Поэтому действовать нужно быстро и решительно. Да и контрагент не даст нам «заснуть на работе». Думаю, что в ближайшее время он «потревожит наши первые эшелоны».

Применение оперативно-штабной терминологии было уместно и допустимо, но Иванов предпочитал «русский гражданский». Что он и дал понять.

– ???

– Ну, предпримет определённые меры, – «снизошёл» Геолог.

– «Определённые»?

Иванов тактично предложил определиться с понятием. И Геолог не мог не оценить такта.

– Превентивного характера.

– А точнее? – в очередной раз доказал Иванов то, что работал не в эмпиреях, а на грешной земле.

– «Охват населения». Или Вы думаете, что они позволят нам сопротивляться, как спарринг-партнёры? Нет, уважаемый Правдоискатель: наши оппоненты – люди серьёзные. Они всё делают основательно. В том числе – и «профилактику непонимания».

Правдоискатель в очередной раз упал духом, не успев ещё, как следует, и подняться. Но Геолог, видимо, посчитав его минор недостаточным, добавил ещё «оптимизма».

– Думаю, скоро они займутся нами «по полной программе». С одной стороны – это плохо...

– То есть, как «с одной»?!

– Потому, что есть и другая.

– ???

– Меры противника – очень эффективное средство для лечения иллюзий. А знание перспектив – наших собственных – нам совсем даже не повредит. Вспомните хотя бы Оуэна Агаты Кристи: «Предостережён – значит, вооружён».

«Предостережено-вооружённый» Иванов «оптимистично» поскрёб затылок.

– А что делать с Главным Архитектором? То есть, я хотел спросить: что мне делать? Идти к нему снова, или как?

– «Или как»!

Геолог «вышел» на Иванова уже с лицом Главнокомандующего.

– Даже если Вы каким-то чудом прорвётесь к нему, всё, что Вы там сможете получить – это очередная порция заверений. В любви и дружбе к народу и к Вам, как его представителю.

– А план?

– А за план я вообще молчу. За настоящий план, разумеется... Нет, Владимир Ильич прав: мы пойдём другим путём.

– То есть?

– Мы не будем истребовать от него план: он сам обнаружит его. Не совсем добровольно, конечно.

– Вашими бы устами... – не понадеялся на свои Иванов. Он уже «дошёл до готовности» в части минора. Нет, он не был капитулянтом: он был рационалистом. После вала «бодрящей» информации и «радужных» выводов оптимизм Геолога казался ему нездоровым. Особенно на фоне его собственного здорового пессимизма. Походив по кабинетам, он уже не рассчитывал на готовность их обитателей ни к сотрудничеству, ни к испугу, ни, тем более, к капитуляции.

Хотя, как обладатель большого количества шишек на лбу, он не мог предложить ничего другого, кроме эмпирического пути. Того самого, исконно русского: методом проб и ошибок. Поэтому к установке на работу он отнёсся как... к установке на работу. Отсутствие энтузиазма в отношении перспектив не мешало ему в момент получения приказа «отработать по уставу» и сказать: «Есть!». Хотя бы про себя...

Глава девятая

Застройщик с рождения не был наивным человеком. Демократия и рынок лишили это качество последних шансов прорваться к его душе. Поэтому он и не считал, что все проблемы уже разрешены, а новых не предвидится. И, как бы ни был он занят другими делами – а ни на один день не упускал из виду «Объект «Дети». И не по причине срыва куша, хотя тот и предполагался кушем. Главное заключалось в осознании Застройщиком проблемы «гидры социализма» и необходимости срочного усекновения её голов. Потому что при обратном раскладе её головы заместили бы головы «лучших людей города»: такова диалектика бытия.

Неожиданная командировка Геолога была делом его рук. По привычке, ставшей уже частью натуры, он не стал откладывать решение вопроса «на потом». Уже в день получения информации о Геологе он связался со своими знакомыми в Восточной Сибири: настоящий «олигарх» должен быть настоящим... олигархом. Во всём. В части обширных связей – тоже. Этим самым знакомым он попросил устроить досрочный отзыв из отпуска «ценного работника». Выбор предлога благоразумно оставлялся на усмотрение работодателей Геолога.

И хотя всё это было проделано ещё до момента «исторической встречи населения» с Представителем администрации и Главным Архитектором, меньше всего Застройщик тогда думал о том, чтобы предотвратить явку на собрание Геолога. Конечно, и это было кстати, но главное всё же заключалось в другом: он уже начал «осваивать» и даже «усваивать» перспективного врага.

Однако тактический выигрыш от командировки превратить в стратегический не удалось. Это стало ясно уже на следующий день после разговора Геолога с Ивановым. Когда строители прибыли к месту работы, от их рабочего настроения не осталось и следа. Оказалось, что «до подвига не допускают»: по всему периметру объект был окружён жильцами. И не абы, какими, а жильцами вооружёнными. И не только «оружием пролетариата», но и охотничьими «стволами», заряжёнными явно не солью.

Отношение этих людей к строителям было нездоровым – и не только визуально. Отдельным нетерпеливым труженикам лопаты и мастерка довелось испытать его на собственной шкуре. В прямом смысле: посредством её порчи. Масса как-то не оценила их «творческого горения во имя капитализма».

Когда отдельные «элементы» с кулаками и инструментом наперевес решились прорвать «оборону», то их для начала встретил... нет, не транспарант «Добро пожаловать!», а совсем даже напротив: град камней, палки, металлические прутья и кулаки «протестантов». Атака была отбита с большим ущербом для нападавших. Настолько большим, что новых попыток штурма уже не предпринималось.

Убедившись в том, что события развиваются не по плану, «Старшой» вынул из кармана мобильник. Он ведь не знал, что развитие событий не по плану как раз и составляло план Застройщика. Не знал, потому что не должен был знать. Если, что он и должен был – так это отработать с достоверностью в сто процентов. Соответствовать роли, то есть.

– Это я. «Пожар», начальник.

«Начальник», роль которого «исполнял» ЗЗ, долго молчал, собираясь, то ли с мыслями, то ли с духом. Наконец, он отважился на ответ, самый разумный для него в такой ситуации:

– Жди инструкций.

Во исполнение приказа «Старшой» «протрубил отход». Несколько десятков человек расположились «бивуаком» неподалёку от пропускного пункта, и стали ждать, ничего пока не предпринимая. Образовался непредвиденный затяжной «перекур», который совсем не радовал «курцов поневоле»: время – деньги. Оплата-то – сделная.

Ничего пока не предпринимали и участники блокады. Даже – обмена «дружественными приветствиями». Это «неправильное поведение» угнетало строителей больше всего. И не потому, что «люди больше всего боятся непонятного». (Цитата). Напротив: здесь всё было понятно. И, прежде всего то, что настрой противника – до неприличия «критический». «Товарищи» не поддавались «товарищеским» уговорам. Теперь уже совершенно не исключалась вероятность пролития юшки. И не только – помидорной...

– Ну, господа, что будем делать?

Застройщик требовательным взглядом обвёл лица ЗЗ и Полковника. ЗЗ тут же переадресовал вопрос Полковнику: сейчас он предпочитал работать всего лишь «третьим из трёх». Для подачи себя в качестве Заместителя хватало и других поводов.

Уклоняться от ответа Полковник не стал по чисто «техническим причинам»: он был «замыкающим в цепи». И где-то даже – «младшеньким». По чину. Как минимум, в представлении остальных «звеньев цепи».

– Ну, ты же знаешь: мой девиз: «Всегда!» Приказывай – «наше дело – петушиное».

– Принято, – усмехнулся Застройщик. – Ну, а идеи, какие-нибудь? В порядке, так сказать, инициативы?

Полковник хотел благородно задуматься, но наморщить лоб не получилось: сало так «разбарабанило» физиономию, что возможностей для работы над имиджем уже не осталось. Тут и чучельник бы не помог. Пришлось работать со своим лицом.

– Думаю, что надо попробовать вариант с ОМОНОм. Архитектора и Представителя администрации ты ведь уже не зашлешь: побьют. И сильно побьют. И сам ты не можешь там показаться – по тем же самым причинам. Остаётся только одно: «обнажить бицепс». Для этого мне потребуются твоё письменное заявление и присутствие ЗЗ. Ну, как твоего полномочного Зама, которого я смогу с чистой совестью отдать на съедение «пиплу».

В очередной раз Застройщик одобрительно хмыкнул: его визави демонстрировал не только наличие умственных способностей. Однако Полковник не только «юморил»: он «возвращал портрет» ЗЗ. За характер переадресовки. Безропотно принимая хозяйский тон Застройщика, Полковник не собирался терпеть того же от его Заместителя, которого считал всего лишь толковым рабом. Правда, считал исключительно про себя. На всякий случай: «ведь жизнь кончается не завтра».

– Ладно.

Опираясь ладонью о роскошную столешницу, Застройщик навис своими шестью футами над тучным и низкорослым Полковником.

– Так и быть: отдаю тебе своего «мусорка» «на съедение»...

«Мусор» получил «мусорка» – и даже на съедение. Но шутку с претензиями на каламбур оценил только первый из них. Полковник, то есть. Не без удовольствия Застройщик увидел, что ЗЗ встретил «приговор» с куда меньшим энтузиазмом, чем «остальные» участники совещания.

Ну, вот, характер у Застройщика был такой: не мог он «не порадоваться за других». Но, надо отдать ему должное: топтаться на «верном оруженосце» сверх норматива он не стал.

– Не бойсь, Заместитель: бойцы не дадут тебя в обиду. Не дадут ведь, Полковник?

– Ну-у... Во всяком случае, в некрологе можно будет написать: «пал смертью храбрых».

– Годится, – ухмыльнулся Застройщик под очередное падение духом ЗЗ. – Значит, на том и порешим.

Последние следы веселья уже покинули его лицо.

– Итак, начинаем операцию «Мокрые штаны». Посмотрим, как эта публика отреагирует на зрелище «наших бицепсов».

Судя по мстительному прищурю глаз Застройщика, «экономить на патронах» он явно не собирался. Гипотетические ссылки на то, что «это же – твои соплеменники!» не работали: не иностранцы же мешали его бизнесу!

– Ты ничего не забыл?

Взгляд Застройщика, уже свободный от эмоций – что значит, талант! – переключал на лицо Полковника.

– Заявление и ЗЗ? Больше ничего?

– А всё остальное должно быть у ЗЗ. Иначе я не ручаюсь за его комплектность.

– Что «остальное»? – не выдержал ЗЗ. А как иначе, если от неизвестного «остального», получается, зависела его комплектность!

Милицонер нарочито медленно повернул голову в его сторону. Так, словно это не голова была, а орудийная башня танка.

– Документы из администрации и архитектуры. В противном случае у нас не будет оснований делать «страшные глаза» и пугать население своими «побрякушками».

Кивнув головой в знак согласия, Застройщик переключился на кнопки телефона.

– Привет, Градоначальник. О здоровье не спрашиваю: не хочу оскорблять спортсмена... Да – о делах. Как, там, они у нас?.. Готово?.. Настоящее?.. А по детсаду?.. Тоже?.. Молодец! Тогда я подожду к тебе человечка за товаром... Ну, а кого ещё?.. Ну, бывай.

Не тратя времени на создание отрешённого вида, который полагался ему по сценарию, Застройщик тут же набрал другой номер.

– Господин Наиглавнейший Зодчий? Я так полагаю, что ты хочешь меня обрадовать?.. Правда?.. По полной программе?.. Ну, молодец! Значит, ЗЗ одной ногой уже у тебя! Бывай здоров!

Опустив трубку на рычаги, он уставил на Заместителя «без промаха бьющий глаз».

– Ты ещё здесь?!..

...Вид десантирующихся из автобусов омовцев не слишком впечатлил «защитников коллективной собственности». Это Полковник определил сразу же, намётанным глазом профессионального «работника с телом и духом». Но он пока и не собирался пускать в дело своих «молодцов». Сегодня им отводилась роль «подручных» ЗЗ. Второстепенная роль: массовки или кордебалета. Потому, что бенефициантом сегодня являлся Заместитель Застройщика.

Сам ЗЗ прибыл в роскошном авто Застройщика. Для большей внушительности, которой ему явно недоставало ввиду небольших габаритов и «неавторитетной» внешности. Выбравшись из автомобиля, ЗЗ неспешно и лишь слегка подрагивая в коленях, подошёл к оцеплению.

– Здравствуйте: я – первый заместитель Застройщика.

– А почему Сам не приехал? – «дружелюбно поздоровались» с ним из оцепления. Особенное «дружелюбие» выказывал помахивающий лесиной здоровенный мужик.

– Потому что практическое руководство строительством возложено на меня, – отважился ЗЗ на прямой взгляд в глаза. – И не только по этому объекту, но и по всем остальным.

– То есть, Вы – что-то вроде премьер-министра при президенте?

Слегка розовый от напряжения, ЗЗ прибавил в окрасе за счёт удовольствия: аналогия прозвучала комплиментом. «Пиплу» ведь не обязательно знать о том, что «премьер» исполняет не только «премьерские» обязанности.

– Ну, что-то вроде того... Поэтому давайте сразу перейдём к делу.

– Валяй! – подобрел мужик с лесиной. – Переходи!

– Тогда слушаю вас.

– Нет, это мы хотели бы послушать тебя, мил человек.

Оттеснив мужика в сторону, на позицию выдвинулся Правдоискатель Иванов. Наперевес с «тулкой» в руках.

– Для начала объясните нам, что это значит?

И он указал стволом на ОМОН, пусть и в положении «Вольно», но уже выстроившийся в цепь.

– Это – для чего? Для оживления пейзажа? Или для того чтобы мы лучше поняли Вас?

Розовый ЗЗ стал красным. Не в смысле политических убеждений: только лицом.

– Я был против... Я – не сторонник... э...э...э... Я – за мир...

– «Но наш бронепоезд...»? – хмыкнул Иванов. – Так, что ли?

– Нет... но – таков порядок. Ну... для устранения беспорядка... Но я думаю, что это не понадобится...

– Тогда – другой вопрос.

«Тулка» Иванова сделала разворот в сторону объекта.

– А это – что такое? Что это такое? Где тут детский сад, о котором нам «заливал» Главный Архитектор, этот «выходец из народа»?

Не обращая внимания на subtilность хозяина и незначительное количество градусов, лоб ЗЗ немедленно покрылся испариной. И было, отчего: ведь ЗЗ едва не уговорил Зодчего составить ему компанию. Вопреки рекомендациям Застройщика и желанию самого Зодчего. Хорошо ещё, что Полковник вовремя подоспел со своей оппозицией. Не то Архитектор «составил бы ему компанию». А он – Архитектору.

– Я не знаю, что вам говорил «этот выходец из народа», – не моргнув глазом, соврал ЗЗ. – Отвечать за него я не собираюсь: пусть «каждый платит за свои тарелки». Но от себя лично скажу, что здесь действительно планировали строить детский сад.

– «Планировали»?! – раздались возмущённые голоса. – Ах, уже только «планировали»?! Теперь уже не «планируют»?!

Но обстановка не успела накалиться: ЗЗ своевременно вышел с текстом. Потому что любая пауза играла сейчас на руку «бунтовщикам». Брать их следовало энергично, в один приём – и тёплыми, а не горячими. Не разгорячёнными, то есть.

– Да, планировали! – забрался он октавой повыше. – Изначально. И документы были подготовлены именно на детский сад.

– Может быть, Вы даже покажете их нам?

ЗЗ и не заметил, как перед ним выросла спортивная фигура мужчины средних лет, на фоне которой сразу же потерялся «человек с ружьём».

«Геолог!» – мужественно вздрогнул ЗЗ: Полковник уже ознакомил его с досье на главного «бунтовщика». – Опасный тип: ишь, как подкрался!»

– Да, разумеется.

Стараясь «не гулять» пальцами, ЗЗ щёлкнул замком портфеля и извлёк из него несколько скрепленных между собой листков бумаги.

– Я могу снять с них копии?

Геолог бросил лишь мимолётный взгляд на бумаги.

– Вы можете взять их себе, – дал радушие ЗЗ. Точнее, попытался дать – и не слишком убедительно. – Это – копии. Лично для вас... Ну, не для Вас лично, конечно, а для господ жильцов.

– Предусмотрительно, – иронически усмехнулся Геолог. – Даже – слишком...

ЗЗ изо всех сил постарался не побледнеть. О том, чтобы вступить в пререкания, и речи быть не могло: на свою же голову – и ниже.

– Я могу продолжать?

– Да, мы Вас слушаем.

Геолог сопроводил текст приглашающим жестом.

– Благодарю Вас. Итак, как я уже сказал, первоначально было принято решение о строительстве здесь детского сада для жителей вашего микрорайона. Так что, как минимум, в этом отношении представитель архитектуры вас не обманывал. Заказчиком выступал город, подрядчиком – фирма, которую я имею честь представлять.

Он коротко, но с видимым достоинством, «боднул» головой.

– Мы заказали в архитектуре проект, получили его, утвердили и согласовали во всех инстанциях – вот, товарищ мог сам в этом убедиться.

Апелляция к Геологу осталась без ответа. Товарищ почему-то не захотел быть «товарищем», который «смог убедиться». ЗЗ, в свою очередь, мужественно постарался этого не заметить.

– После оформления всех бумаг мы сразу же приступили к работе. И тут выяснилось, что у города нет денег: ему «зарезали» фонды. И он не может рассчитаться с нами даже за «нулевой цикл». То есть, мы, попросту говоря, «омертвили» капитал. А ведь мы заключали все договоры со смежниками, с поставщиками, с субподрядчиками, исходя из потребностей строительства именно этого объекта. То есть, мало того, что мы понесли затраты, мало того, что нам предстояло отвечать перед поставщиками – так ещё нам нужно было срочно пересматривать свои планы. А это – новые проблемы и новые убытки.

ЗЗ очень правдоподобно вздохнул, старательно подчёркивая исключительную затруднительность положения, в которое его «доблестная» фирма попала по вине нерадивых чиновников.

– Мы начали готовить иск к городу о возмещении убытков и упущенной выгоды. И тогда они предложили нам вариант замены. Точнее, вариант продолжения строительства, но уже не детского сада, а жилого дома с комплексом бытовых услуг для населения на первом этаже. Ну, разумеется, средства должны были уже изыскивать мы сами. И строить, как говорится, на свой страх и риск.

– Да, вы прямо – беззаветные герои! – среди безмолвия толпы раздался насмешливый голос. Голос этот принадлежал Правдоискателю Петрову: и с его «портретом» ЗЗ был предварительно ознакомлен Начальником ГУВД. По причине скудных данных о нём Петров считался врагом непонятным – и оттого, ещё более опасным. – Прямо – страдальцы за бедный люд! Даже «комплекс бытовых услуг» предусмотрели! Только – вряд ли для населения!

Обстановка вновь стала накаляться: ЗЗ слишком рано уверовал в прочность доводов. Он уже был готов растеряться и начать оглядываться на Полковника, но вовремя передумал. До Полковника было далеко, а до неприятностей – рукой подать: от них – к нему. И – не только рукой.

– Могу я взглянуть на решение городской администрации, которым оно признало свою несостоятельность и предложило «вариант замены»?

Это был снова Геолог – и снова на голову ЗЗ. И без того не избыточное, мужество покинуло ЗЗ. Он и предположить не мог, что потребует именно это решение. На лысеющем его лбу выступили капли пота: они, предатели – всегда некстати.

– К сожалению, я не захватил с собой этот документ... Но уверяю Вас, он есть. И не только «в природе», но и у нас в конторе... тоже.

– Не сомневаюсь в этом, – усмехнулся Геолог. – И даже если его не существует в природе в настоящий момент, то после Вашего возвращения он немедленно появится.

– Вы не вери...

– Да, «не ве». Имею к тому основания. Например, вызывает сомнения искренность Ваших слов о «нулевом» цикле» именно под детсад. На таком фундаменте – небоскрёб строить, а не двухэтажный детсад на сотню ребятишек! Да и почему мы должны верить вам на слово? Ваше слово – чьё оно? Ваше ли? А, если Ваше, то какова его ценность?

Вопрос уничижал и лишал мужества. Да и взгляд Геолога перестал «излучать дружелюбие».

– Кстати, может, Вы поделитесь с нами теми соображениями, которыми руководствовался город, отводя Вам участок под строительство жилого дома? Участок, на котором никакого строительства быть не должно – даже детского сада?

ЗЗ, как потерял лицо – так и не мог его найти. И это – в самый неподходящий момент! Он уже был готов позорно бежать с поля боя, как вдруг пришло спасение. Как всегда, неожиданно. В виде толковой мысли.

– Конечно, поделюсь. Только Вы, уважаемый товарищ, заблуждаетесь насчёт правовой природы этого участка.

– То есть? – насторожился Геолог.

ЗЗ помедлил с ответом. Нет, не для усиления эффекта: дорабатывая текст. «Играть» было ни к чему и чревато: толпа не оценила бы мастерства. Со всеми вытекающими последствиями на лице и прочих мягких тканях.

– Вы напрасно полагаете этот участок запретной зоной. У вас неверные сведения, товарищ.

– Что?! Уж не хотите ли Вы сказать, что изменили статус земли?!

– Не изменили: уточнили. И не мы, а те, кому положено.

ЗЗ с трудом удержался от вздоха облегчения: кажется, он переломил ситуацию.

– Подняли старые документы, времён отвода земель под строительство ваших домов, и выяснили, что территория, занимаемая прежде детской площадкой, на самом деле являлась свободной территорией. То есть землёй, которой по собственному усмотрению распоряжаются городские власти.

– Вы намекаете на то, что...

– Нет, не намекаю, а прямо говорю: жители самовольно заняли городские земли под детскую площадку! Размером с футбольное поле. И она находилась за чертой придомовых участков, на которых можно было сооружать такие площадки. Положение о запрете на них жилищного строительства действительно существует – но только не в отношении этой площадки.

Звучно щёлкнули замки роскошного кожаного портфеля ЗЗ.

– Так, что, весьма сожалею, но это – земля города! А он посчитал, что здесь целесообразно построить жилой дом. И ничего с этим уже не поделать.

ЗЗ уже раскрыл рот, чтобы на дорожку выдать назидание типа «Надо думать не только о своих интересах, но и об интересах людей», но тут же закрыл его. И правильно сделал: за выданное назидание ему вполне могли выдать по шее. Тоже – на дорожку. Те самые люди, «печением об интересах» которых он хотел «низложить» Геолога.

Геолог временно растерялся: противник сделал неглупый ход. Но замешательство его длилось недолго – и вскоре уступило место на лице восхищению.

– Лихо! Я бы даже сказал: талантливо. Такая нахрапистость! Не зря говорится, что лучшая защита – это нападение!

– Не понимаю Вас.

В голосе ЗЗ, наконец, смогло прозвучать снисхождение. Он уже считал свою миссию выполненной, и мог теперь спокойно «умыть руки». То есть, «поручить заботу о людях» «рыцарям дубинки и слезоточивого газа».

– Объясняю: ничего у вас не выйдет. Даже, если вы успеете сфабриковать этот, с позволения сказать, документ.

– Не понял... – побледнел ЗЗ. Потому, что, как раз, понял. Он уже почти не слушал оппонента, полагая его слова всего лишь традиционным «размахиванием кулаков после драки» – и вдруг на, тебе! Беззаботность, ещё не успевшая, как следует, обжиться в душе, немедленно заместилась тревогой. В словах Геолога ему послышалась не просто угроза: для этого ЗЗ слишком основательно потёрся в жизни. Как результат: глаза его, помимо желания хозяина, выдали наверх всё содержимое нутра.

– В своё время, – понимающе усмехнулся Геолог. – А сейчас я хотел бы задать Вам на посошок всего один вопрос.

– Да, слушаю Вас... товарищ.

ЗЗ поискал мужества – и не нашёл его. В наличии имелись только нехорошие предчувствия и неограниченное количество пота. Поту уже было тесно на небольшом овале головы – и он начал заливать лицо. Но пот – не кровь: это не так эстетично. И, если о чём и свидетельствует, то явно – не о мужестве источника. Уже нисколько не думая о том, какое это производит впечатление, ЗЗ смахнул ладонью с лица обильные натёки.

– Вам нехорошо? – «полез в душу» Геолог, немножко перебирая с «сочувствием». ЗЗ затряс головой, разбрасывая во все стороны капли пота.

– Ну, раз Вам хорошо, тогда слушайте. Вопрос – такой: зачем нужно было «городить огород» с вариантом «строительства детского садика», если можно было сразу заготовить документы «о свободных площадях»? Недоработка? Или думали, что и так сойдёт? Или, как говорится, «хорошая мысль приходит опосля»? Нашли подходящий вариант традиционным для Руси методом проб и ошибок?

Засыпанный вопросами, ЗЗ молчал. И от подавленности, и от отсутствия доводов. Обычно о человеке в таком положении говорят: «он не знал, куда девать глаза». Но ЗЗ знал, куда: в землю. Себе под ноги. В сторону. Набок. Куда угодно – только бы не встречаться ими с этим типом. Не зря Хозяин предупреждал его, чтобы он держал ухо востро. Так ведь он и держал – а что толку?!

Мысли не приходили: неоткуда, некуда – да и незачем. Всё пространство, оставшееся свободным от страха, было уже занято решением. Метод убеждения, на который ЗЗ не очень-то и рассчитывал, не сработал. Больше говорить было не о чем. Да и настроение масс изменилось. Народ даже не роптал: он молчал. Красноречиво молчал. Красноречивее всяких слов.

Голова ЗЗ сделала пол-оборота в сторону Полковника. Тот, уже изнемогший от бездействия, неспешно приблизился к нему и встал рядом.

– Ну?

ЗЗ «уронил глаза на пол».

– Как сказал один умный человек: я сделал всё, что мог – пусть другой сделает больше.

– Сделает, – ухмыльнулся Полковник и, не оборачиваясь, махнул рукой. Когда цепь растянулась за его спиной, он «взошёл на трибуну».

– Как вы теперь поняли, граждане жильцы, у вас нет никаких законных оснований для воспрепятствования строительству. Законному строительству. А, раз у вас нет законных оснований – значит, вы поступаете незаконно. Но я не хочу... этих... как их... эксцессов. И поэтому «делаю шаг навстречу». В порядке «жеста доброй воли». Как Начальник Главного Управления внутренних дел города, я даю вам ровно сутки для того, чтобы снять «осаду».

Он сделал паузу – и «дал сожаления».

– В противном случае у нас не останется другого выхода, кроме восстановления порядка силой. Силой вот этих товарищей.

И он выразительно покосился на цепь у себя за спиной.

– Вы, Полковник, не имеете права вмешиваться в такие дела. Тем более, руками ОМОНа. Это – компетенция суда.

Геолог смотрел прямо в глаза коротконотому толстяку. Их разделало сейчас не больше двух метров. Не считая, разумеется, двустволки в руках Геолога и «макарова» в кобуре Полковника.

– И «эти... как их... эксцессы» будут на Вашей совести. При условии, что она у Вас есть.

И без того багровое лицо Полковника изыскало резервы для дополнительного окраса. Натуральная злость помогла ему воспламенить сонный взгляд – и он тут же полыхнул им по лицу Геолога.

– Не советую Вам противопоставлять себя закону... гражданин...

Глава десятая

Геолог хорошо представлял себе первоочередную задачу. Равно как и задачи всех остальных очередей. Поскольку времени было в обрез, все они – и первоочередные, и третьеочередные – становились внеочередными и одновременными. Но для начала следовало, кровь из носу, найти документы на строительство их домов. Нужен был проект. Нужен был генплан. Нужно было решение об отводе земли под строительство. Нужен был акт о сдаче домов в эксплуатацию.

Вопроса о том, где искать всё это, не возникало: конечно же, в областном архиве. Геолог начал вспоминать, кто у него есть там: когда-то и ему приходилось заниматься «бумажными делами», связанными с передачей документов «родного» управления на хранение «в область».

Вспомнил: есть. Однокашница. Однокашница, пожертвовавшая специальностью ради трудоустройства по месту жительства: география распределения геологов была обширной – весь Союз. А вот дома, под боком у родителей, на обжитом месте – ничего. Ни одного достойного месторождения в черте города. А очень хотелось остаться дома. Очень хотелось продолжения цивилизации.

В итоге, как-то – а точнее, используя обширные связи родни – ей удалось получить «открепительный талон». А потом и устроиться на непыльном – хотя и очень пыльном – местечке: в архиве.

Геолог тогда и не подивился этому обстоятельству: помешал личный момент. Лирический. Пусть и не получивший должного развития, хотя и вполне ожидаемого. Однокашница была не только однокашницей. И – не один день. Их отношения даже зашли так далеко, что едва не довели до дверей ЗАГСа. Помешало распределение и отношение сторон к нему, похоронившее все другие отношения.

Потом судьба разбросала их в разные стороны. Она дважды побывала замужем. Он женился – и развёлся: единственный сын жил у матери. Не у своей матери, бывшей жены Геолога, а у матери отца. У бабушки, то есть.

Та встреча в архиве не повлекла за собой никаких «последствий». Вопреки обязательной в романах вспышки чувств, ничего «не вспыхнуло». Всё давным-давно прошло – и поросло быльём. Тем самым: «классическим».

Но в деловом отношении бывшая пассия оказалась весьма полезной. Она не только помогла Геологу с «трудоустройством» архива управления, но и гарантировала оказание подобных услуг в будущем. Согласно правилу «между своими»: «можешь обращаться в любое время и по любому вопросу!»

Сейчас такой момент наступил. Самое время было воспользоваться приглашением. И, не мешкая, Геолог направился в областной архив.

По счастью, «невеста» не только ещё работала там, но уже и «доросла» до заместителя начальника. Так что исполнить просьбу старого друга ей было вполне по силам. Дело оставалось за малым: лишь бы искомые документы сдавались в архив. Проверили. Повезло: сдавались. Дальнейшее было уже «делом техники». Электронной: и в архиве учёт давно уже поставили на современную основу. Компьютеризировали, то есть. Теперь оставалось лишь дать соответствующую команду.

Но Геолог упредил экс-подругу.

– Будет лучше, если ты сделаешь это сама. Чем меньше людей будет знать о том, что именно я искал в архиве – тем лучше. А если никто об этом не узнает – вообще будет прекрасно.

По причине жизненного опыта «невеста» не побледнела бы. Но по причине женского пола всё же пришлось.

– Поняла... Но ведь тебя всё равно видели здесь...

– А на этот счёт у меня есть официальный запрос из управления.

По другому поводу и другому вопросу. Вот его исполнение ты не только можешь, но и обязана поручить сотрудникам. Пусть об этом знает, как можно больше народу. И этот факт ты можешь не скрывать не только от своего непосредственного начальства.

– Мы с тобой – прямо два шпиона...

Архивариус нашла в себе силы усмехнуться.

– Ох, чую: втравишь ты меня в историю... Ну, да ладно: выполню, раз уж обещала.

И своё обещание она выполнила. Через полчаса на руках у Геолога имелись копии всех документов, касавшихся строительства интересующих его жилых домов. Заверять копии он благоразумно не стал: незачем «подставлять» человека, который и так многим рискует. Тех же, кто захочет удостовериться в соответствии копий подлиннику – милости просим в областной государственный архив.

Документы были «те самые». Те, которые и искал Геолог. Самое главное: детская площадка была предусмотрена и в проекте, и в генплане. И именно на том самом месте, на котором она и находилась до недавнего времени. И устраивали её не жильцы, а строители.

Уже потом, в ходе «эксплуатации», она благоустраивалась и видоизменялась, но всегда в пределах отведённого ей участка. Да и расширяться особенно было некуда: со всех сторон её подпирали другие «объекты». А именно: гаражи, дорожное полотно, небольшой магазинчик – бывший пункт приёма стеклотары, а также площадка под контейнеры для сбора мусора.

Теперь на руках у Геолога имелся документ требуемой «убойной» силы. Но этого всё равно было недостаточно для победы: требовался ещё и документ из городской администрации. Тот самый, который позволил бы доказать факт подмены. Подмены исходного документа, которым территория детской площадки сразу же отводилась Застройщику – последующим, «обосновывающим» версию «о намерении» построить детский сад.

По твёрдому убеждению Геолога, следы должны были остаться наверняка. Весь ход развития событий наглядно свидетельствовал о том, что «отцы города» не сразу пришли к окончательному варианту. Вначале они думали обойтись стандартным нахрапом, поэтому и готовили «прямой» отвод участка. Только потом, под влиянием обстоятельств, они вынуждены были начать фабрикацию документов. А документы регистрируются – и в бумажном, и в электронном порядке. Надо было искать следы регистрации. А первоначальное решение об отводе земли под строительство именно жилого дома – кровь из носу.

У Геолога никого в администрации не было – как ни вспоминай. Никогда ни с теперешней администрацией, ни с его предшественником – горисполкомом – он не имел никаких дел. Но такой человек нашёлся у одного из членов инициативной группы. Соседка из квартиры номер пятнадцать длительное время работала инспектором отдела народного образования бывшего исполкома. И, несмотря на то, что с момента преобразования исполкома в администрацию утекло много воды, и штат основательно поменялся, шанс оставался. Кто-то из прежних её сослуживцев должен был задержаться на прежнем месте. Хотя бы потому, что кто-то ведь должен был «тянуть ляжку» за «сынков», «дочек» и прочих «своих».

Соседка №15 активно включалась в работу. И небезрезультатно. В самой горадминистрации, правда, никого из её прежних знакомых не оказалось. Известно ведь, что «новая метла» не просто метёт, но и выметает. Расчищает площадку. Для своих. Но остались люди в «наробразе» – теперь уже «департаменте народного образования». И у них оказались выходы на администрацию.

Правда, уровень этих людей был невысок: в лучшем случае, мелкие клерки. По большей же части – и того ниже: секретари. Но, как известно: «мал золотник – да дорог!». Ибо нет человека, знающего секретов больше, чем секретарь. Хотя бы – в порядке оправдания

«титула». Именно такой человек сейчас и требовался. Человек, имеющий доступ к хранению документов.

Труды Геолога и Соседки №15 не пропали втуне. Вскоре в их руках оказались ксерокопии подлинных документов по интересующему их вопросу. Здесь была не только регистрационная запись с названием и датой принятия решения о выделении земельного участка Застройщику под строительного многоэтажного жилого дома, но даже и копия самого этого решения.

Этими документами неопровержимо доказывался не только факт предоставления Застройщику земли в нарушение закона, но и факт последующей фальсификации доказательств.

– Самое время подключать юристов, – заявил Геолог членам Инициативной Группы. Вместе с ним таковых насчитывалось пять человек: Правдоискатель Иванов, Правдоискатель Петров, Правдоискатель Сидоров и Соседка №15. Бабу Маню – Марь Иванну из квартиры №49 – решили пожалеть. И правильно: несмотря на всю свою активность и абсолютную надёжность, в чисто физическом плане старушка была «небоееспособна».

А ведь предстояли длительные «походы» по кабинетам, суды, крики, перебранки, получение и раздача угроз. Словом – творческая обстановка, для работы в которой требуются силы не только духовные, но и физические.

– Нужен не просто юрист...

Правдоискатель Иванов – заместитель Геолога в ИГ – с сожалением вздохнул.

– А где найдёшь такого в нынешнее время? Кругом – одни продажные сволочи...

Геолог рассмеялся.

– Ну, так уж и «кругом»! Не беспокойся, сосед: не перевелись ещё на Руси «дураки», то есть, люди честные и порядочные. Вот к одному из таких я и намерен обратиться.

– Если не секрет?

– Извини, брат. И не потому, что прав «киношный» Мюллер: «Что знают двое – то знает и свинья!» Вспомним лучше Екклесиаста: «... во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Чем не рецепт? О недоверии и речи не идёт. Но я хочу, что вы спали спокойно. Работа ведь ещё толком и не началась. Неизвестно, с чем нам придётся столкнуться.

– Правильно мыслишь, – поддержал Геолога Правдоискатель Петров. – И никакой обиды тут и быть не может. Напротив: надо ещё «спасибо» сказать тебе за то, что избавляешь нас от груза небезопасных знаний. Не исключено, что оппонент «попросит» нас поделиться сведениями. И я ни в чём не уверен...

– Здорово, Юрист!

– О-о-о, кого я вижу: «Держись, геолог, крепись, геолог...!»

Из-за стола поднялся интеллигентного вида мужчина средних лет в дорогом костюме от солидной «конторы», в белоснежной сорочке с модным галстуком «в полоску» и при часах в золотом корпусе на тонком кожаном ремешке.

– Как говорится, «сколько лет, сколько зим!» Ну, проходи, брат.

Удивлённый «дорогостоящим» обликом хозяина кабинета, Геолог иронически хмыкнул и покачал головой.

– Ну, ты – буржуй!

– Да не буржуй я!

Почему-то не приняв шутки, хозяин кабинета болезненно поморщился.

– Не буржуй, а всего лишь наёмный работник. Правда, высокооплачиваемый. – А это...

Он щёлкнул пальцем по лацкану пиджака, как бы сбивая пылинку.

– ... Noblesse oblige. Ну, «униформа» такая.

– Высокооплачиваемый – здесь?! – недоверчиво хмыкнул Геолог. – Здесь, в консультации?!

– Ну, зачем?

Юрист недурственно изобразил лицемерную скромность.

– Это – так... Крыша... для нетрудовых доходов.

– Подрабатываешь?

Юрист засмеялся.

– Здесь. А зарабатываю в других местах... У новых хозяев жизни...

– Торгуешь собой?

– Представляю интересы, – нарочито вежливо поправил Юрист.

– А я к тебе – как раз по теме.

– Да? И кто же «наш благодетель»?

Оба как-то обходились без цепи рассуждений: сразу же «отрабатывали выводами».

– Застройщик. Слышал о таком?

– Застройщик?!

Ответный взгляд Юриста генерировал почти сочувствие в адрес Геолога.

– Как это тебя угораздило, брат?

– То есть?

Геолог не растерялся: догадался.

– Хочешь, дам совет? Бесплатный?

– Не хочу. Бесплатные советы дорого обходятся.

– А я, всё-таки, дам. Так, вот: забудь.

– Даже так?

– Да. Этот господин – один из моих клиентов. Из постоянных и самых щедрых. Можно сказать: кормилец-поилец.

Геолог усмехнулся. Уже невесело.

– Значит... «дохлый номер»?

Юрист деликатно ушёл глазами.

– Значит, ты – на той стороне?

– Ну, зачем ты так...

– Извини.

Геолог примирительно хлопнул Юриста по плечу.

– Я хотел тебя обидеть – и мне это удалось.

– Спасибо на добром слове за слово злое, – усмехнулся Юрист.

– Ладно, давай о деле. Только – в двух словах.

– В двух словах?

Геолог с усмешкой покачал головой.

– Ох, уж, эти, мне, юристы! Самим на язык не наступишь... Ладно. Но в двух словах не получится: дюжина.

– Давай.

– Твой «кормилец» нагло влез в наш двор, занял детскую площадку.

– Чем занял?

– Элитным небоскрёбом. Мелочь, конечно, но...

– Уже строит?

– Да. Уже закончен первый этаж. Вижу, вижу в твоих глазах вопрос: почему мы – так «оперативно»? Нет, «русские медленно запрягают» – это не про наш случай. Дело в том, что сам я «при зачатии» отсутствовал. Какого-то хрена меня срочно вызвали в управление. Хотя, как оказалось, никакой срочности в этом не было. И этой никакой срочности хватило на целый месяц. А жильцов, тем временем, «довели до готовности». На тему детсада для их детей. В наших дворах – полно мамаш с детьми подходящего возраста: вот тебе и раскол в дружных рядах «оппозиции».

Он сделал паузу для усмешки.

– А потом, когда народ понял, как его «облагодетельствовали», во двор нагрянул представитель Застройщика – ЗЗ...

– Знаю такого.

– ... в компании с Начальником ГУВД и взводом ОМОНа. И этот ЗЗ на месте объявил нам, что никаких прав на участок под детскую площадку мы не имели, земля эта – ничейная, то есть, принадлежит городской администрации. Потом он предложил выбирать между принципиальностью и тем, что полагается за принципиальность. Выбрать надо до завтрашнего утра.

– Да разве вы – одни такие? – вздохнул Юрист. – Вон, посмотри, что творится в исторических районах обеих столиц... Под топор идут столетние деревья старинных парков, по которым гуляли ещё классики. Даже проспект, воспетый Пушкиным – и тот «охватили работой»!

Юрист обречённо махнул рукой.

– Довелось мне недавно побывать по делам на юге. Какой красивый был городок! Другого такого зелёного во всём Союзе было не найти!

– И что?

– И всё! Зато теперь и искать не надо: ни другого, не этого. Даже урочища с реликтовыми елями и соснами вырубаются! Да как: ускоренными темпами! И то: такие земли «пустуют»! Достойным – достойное жильё!

– А закон? – «пошёл неверной дорогой» Геолог.

– «Закон»! – хмыкнул Юрист. – Закон у нас – демократический. Стоит на страже демократии, то есть.

– И как стоит?

– Хорошо стоит! Как положено! Сотни строек признаны судом незаконными – и ни на одном строительстве не прекратилось ни на минуту!

Юрист облегчал душу – а Геолог внимательно контролировал этот процесс. Когда Юрист замолчал, он одобрительно кивнул головой. Так, словно подвёл итог.

– Знаешь, брат, я рад, что «не ошибся дверью». А то ведь некоторые «наши» – уже не наши.

Это не было аллегорией – потому, что Геолог был «афганцем». «Афганцем» первого призыва. Того самого, который в канун нового, восьмидесятого, года, вступил на землю Афганистана в составе так называемого «Ограниченного контингента советских войск», имеющего целью своей «защиту южных рубежей СССР, а также оказание помощи правительству ДРА в охране стратегически важных объектов и сопровождении караванов с грузами».

Будущему Геологу было тогда двадцать лет. Он уже успел закончить на «отлично» два курса горного института и перейти на третий, как случилось... то, что случилось. Преподаватель за сдачу экзамена на «отлично» потребовал от однокашницы Геолога вступить с ним в связь – и не в телефонную.

С позиций дня сегодняшнего тут и говорить не о чем. Сегодня такая «форма» сдачи экзамена или зачёта – норма. Сегодня претендентки на сдачу сами помогают их обеих – формы и нормы. Потому, что это девственниц сегодня надо искать «днём с огнём». И тот «старорежимный» Диоген посчитал бы эту задачу ещё более трудной, чем поиски Человека. Даже не трудной: невыполнимой.

А тогда нравы были другие. Неправильные. Близкие к пуританским. В отдельных случаях. Как в этом, например. Геолог – староста группы – узнал о факте «уже постфактум». После «сдачи экзамена» «в постели». Человек он был тогда горячий, степенности – никакой. Поэтому он и не вошёл в помещение кафедры, а ворвался. И не просто ворвался, а изловил там «охальника», и одним ударом кулака боксёра-перворазрядника «уложил» его на месте. При этом «немного» не рассчитал: сломал «педагогу» челюсть. Сразу в двух местах. Мало того: позволил себе ещё и «неспортивное поведение». Посредством удара ниже пояса.

Даже последующее установление истины и «признательные показания» однокашницы не спасали от «воздаяния». Правда, в институте скандал решили не раздувать: зачем накликать беду на свою репутацию – она же задница. Но и «спускать дело на тормозах» также не пожелали. В итоге «борцу за справедливость» предложили взять академический отпуск. На два года. Хорошо ещё, что так обошлось: запросто могли и исключить. Поступить, так сказать, принципиально. Пойти на принцип, то есть.

Так будущий геолог осенью семьдесят восьмого оказался в армии. В воздушно-десантных войсках: здесь исключительно ценили борцов и боксёров. Особенно разрядников.

К тому времени, когда Союз решил протянуть Афганистану «руку помощи» – ногами «Ограниченного контингента» – Геолог уже отслужил год. Их полк оказался первым под Баграмом. Некоторое время после устранения Амина было относительное затишье. Но продолжалось оно недолго: уже весной советские войска вынуждены были от «защиты коммуникаций» перейти к более «товарищеским отношениям» на стороне кабульского режима.

И хотя это уже была настоящая война, с настоящими потерями и настоящими подвигами, награждали в ту пору скудно. «Наверху» решили, что незачем «выпячивать братскую помощь». Однако, пусть и не своим хотением, но начальственным соизволением, Геолог сумел заработать пару наград. Пару вполне традиционных наград, которыми потом только и награждали солдат: медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Правда, иногда награждали ещё и медалью «За боевые заслуги» – для «эстетического разнообразия».

«Красную Звезду» будущий Геолог получил через пару месяцев после прибытия в Афганистан – как один из участников операции «по достойным проводам» режима Амина. Ну, а медаль заслужил уже за сентябрьские бои восьмидесятого года.

Так что оба гвардейца – и Юрист, и Геолог – имели не только одинаковое боевое прошлое, не только одинаковое звание старший сержант, но и одинаковые награды. Различие было только во времени службы: Геолог в ноябре восьмидесятого уже восстановился в институте – правда, на вечернем отделении, а Юрист только в восемьдесят седьмом ушёл «на дембель». Но «афганец» «афганцу» – брат. Согласно записи в военном билете.

– Ну, и с чем же ты «не ошибся адресом»?

– Честно?

– ???

– С тем, что мне больше идти не к кому.

С этими словами Геолог извлёк из папки несколько ксерокопий, скрепленных между собой простой металлической скрепкой. Юрист вздохнул – и принялся за чтение. Закончив читать, он вздохнул ещё раз.

– Да-а, брат... Тяжкий крест ты взваливаешь себе на плечи... Да и мои под него подтягиваешь...

Геолог нахмурился.

– Что-то не так?

– Да нет: всё так.

Юрист бросил «подшивку» на стол. Гулко стукнулась о шестимиллиметровое стекло металлическая скрепка.

– Как говорил персонаж одной комедии, «всё так, всё это верно, бумаги составлены правильно. Но – только с одной стороны». Помнишь? Так, вот: документы – в порядке. Хорошие документы, солидные. И правоту вашу они доказывают неопровержимо... Вот только это ничего не меняет в вашем положении.

– Как это не меняет?! – вскипел Геолог. – Как это не...

– Кто из нас двоих – проситель?

– Виноват...

– Принято. Итак, есть две противоречащие друг другу позиции сторон. Можно сказать: две взаимоисключающие позиции. Значит, предстоит суд – в ином порядке такие вопросы не решаются.

Он устало посмотрел Геолога. Пока тот спокойно воспринимал его информацию: похоже, ничего другого и не ожидал.

– И суд будет долгий. Имей это в виду, брат. Долгий – несмотря на наличие у вас документов «убойной силы».

– Почему долгий? Сам же говоришь, что документы – «убойной силы»?

– Ну, хотя бы потому, что всегда есть возможность поставить их под сомнение. Заявить, например, ходатайство о проведении экспертизы с целью установления подлинности того или иного документа. Или заявить ходатайство о вызове свидетелей, которые «под присягой»...

Юрист иронически хмыкнул.

– ... заявят о том, что в своё время они были участниками «исторического» заседания горисполкома, на котором это решение было аннулировано и заменено другим. Тем самым, на которое ссылается ответчик в доказательство своей правоты. Да мало ли ещё, что!

Он махнул рукой.

– Начнётся «судебное следствие по-русски»...

– То есть?

– Ну, традиционная волокита с вызовом свидетелей... А у нас при желании можно «вызывать» их «до морковкина заговенья»! Начнётся исследование бесконечных «письменных документов», которые станут появляться, как цыплята из шляпы фокусника. И так далее, и тому подобное...

– А стройка? – не выдержал Геолог.

– А стройка будет продолжаться.

– Но ведь есть эти...

Пытаясь вспомнить, Геолог защёлкал пальцами.

– ... Ну, как их?.. Ходатайства об обеспечении иска – вот! О том, чтобы запретить ответчику совершать определённые действия до вынесения решения. Есть такое в законе?

– Есть, – без энтузиазма подтвердил Юрист. – Только прежде чем возлагать надежды на такое решение, сравни потенциалы сторон. И, по возможности – трезво: кто – вы, и кто – он. И что весомее: ваши надежды – или их сила?

Лицо Геолога убавило в оптимизме.

– Вот и судья тоже будет сравнивать, – поддержал его (лицо) Юрист. – И окажется, что у Застройщика больше оснований надеяться на отклонение ходатайства, чем у тебя – на удовлетворение.

– Но почему? – продолжал «нагрев» Геолог. – Ведь судья должен же будет как-то обосновать решение? Даже, если у него из кармана будет торчать конверт с купюрами? Даже, если ему «позвонят» прямо в зал заседаний? Не может же он обосновать свой отказ тем, что Застройщик – это «сами» Застройщик, а Геолог – это всего лишь Геолог? Должны быть и другие юридические доводы?

По причине несостоятельности уже собственных доводов Геолог начал «выходить из берегов»: верный признак сдачи позиций.

– Почему?

Юрист взглядом посочувствовал доводам-не жильцам.

– Ну, я не знаю, как они будут действовать в конкретном случае, но вариантов – море. Например, можно сослаться на имущественный ущерб, который якобы нанесёт это решение – и не только Застройщику, но и дольщикам, будущим владельцам квартир. Можно заручиться «железными» доводами в виде «ходатайств» из городской и областной администраций. Можно – пусть и не вполне «по делу» – сослаться на презумпцию невиновности. В конце кон-

цов, можно просто заявить, что, если суд вынесет решение в пользу истца, то ответчик «торжественно обязуется» за свой счёт восстановить статус-кво.

Доводы «крючкотвора» окончательно подорвали доверие Геолога к отечественной судебной системе. Правда, откуда оно в нём взялось – непонятно. Хотя, нет: понятно – от «совка». Как пережиток прошлого. Как атавизм. Потому, что в «демократическом обществе» искать справедливость в стенах суда – это шаг безумного, патология. Потому, что в демократическом обществе к вопросам судопроизводства подходят... демократически. С иными доводами – более компактными и более действенными. С теми, с которыми «совок» почему-то не подходит.

– А кто и когда сносил у нас элитные дома, хоть и построенные «внаглую»? Известен тебе хотя бы один такой случай? А ведь таких домов по стране – не одна тысяча! А?

Продолжения алфавита не последовало.

– Вот то-то и оно! Так что, брат, не питай иллюзий: пусть выживают сами. Это я – об иллюзиях.

В разговоре наступила пауза. Долгая пауза, которую никто не спешил прерывать: Юристу было незначительно, а Геологу нечем. Наконец, «адресуясь полу», Геолог озвучил приговор самому себе.

– Значит, если я правильно понял, ты отказываешься помочь?

Геолог выказывал явную приверженность дедуктивному методу Холмса: давалось только заключение, а ход рассуждений опускался. Вместе «с ненужной лирикой».

Юрист ответил не сразу. Некоторое время «поработав Сталиным в движении», он медленно вернулся за стол, и опустился в кресло. Ещё немного посидел с отрешённым видом, постукивая карандашом по стеклу.

Занятым собственным упадничеством, Геолог не мешал другу принимать мужественное решение. Единственно разумное – с точки зрения самого Геолога: об отказе в помощи.

Наконец, карандаш отлетел в сторону, где, перекатываясь с ребра на ребро, уткнулся в базу телефонного аппарата.

– Ладно... Кидаешь ты меня под танк...

Геолог немедленно выказал себя «временно исполняющим обязанности» Осириса. По части воскрешения.

– Но мне потребуется время для того, чтобы подготовиться к делу.

– Бери: не жалко!

Геолог мужественно пожертвовал временем.

– Бери: мне ведь нужно прояснить ситуацию у клиента. Хотя бы попытаться. Вряд ли Застройщик уже подумывает о подключении меня к работе. Ещё не время. Меня подтягивают лишь тогда, когда не срабатывают оперативные методы. Но Застройщик частенько рисует перспективу ещё до подключения. Настраивает, так сказать, на работу. На днях я загляну к нему.

– То есть, как «загляну»? – удивился Геолог. – «Выкroiшь свободную минутку»?

– Узнаю «совка»! – хмыкнул Юрист. – Ты только не обижайся, но у тебя какие-то архаичные представления о работе. Даю справку: клиент звонит мне лишь тогда, когда в этом есть необходимость. Ну, то есть, когда «пахнет жареным» – от него. Иногда – чуть ли не каждый день. Иногда – раз в неделю. А иногда по целому месяцу не звонит. Но гонорар платит исправно. Независимо от того, появлялся я там хоть раз за месяц, или нет. Отмечать приход и уход мне не требуется. Потому, что для него этот гонорар – тьфу, а ценный человек – на привязи и в постоянной готовности. Слова – автора, не мои.

– А как же – рядовые бумажки?

– А рядовые бумажки пишут рядовые юристы. Их у Застройщика – аж, целых два.

Геолог действительно был человеком «советского производства», которого тайга лишь «законсервировала» в его исходном состоянии. Отсюда – и вся достоверность его удивления. Но от замечаний он благоразумно воздержался. По причине их явной архаичности.

– Что от меня требуется?

– Что требуется?

Юрист «задумался» пятернёй: мимика была «на подхвате».

– Ну, основу ты уже раздобыл... Желательно ещё раздобыть старые исполкомовские решения по благоустройству и ремонту детских площадок.

С актами сдачи-приёмки выполненных работ, конечно. Наверняка, такие документы были. А, если были, то где-то и сохранились...

– Отличная мысль, дружище! – оживился Геолог. – Что значит – профессионал! Эти не лишние бумаги лишний раз докажут нашу правоту! Ну, а где их раздобыть – это уже моя забота. Что ещё?

– Нужно подготовить свидетелей. И числа старожиллов, которые смогут подкрепить своими показаниями наши документы. Люди должны быть абсолютно надёжными – из тех, кого трудно подкупить или запугать... с первого раза.

– «С первого раза»...

«Совок» в очередной раз проснулся в Геологе.

– Всё-таки, сказывается общение с «господами»... Значит, ты считаешь, что со второго раза – можно?

– Не можно, а так и будет.

– И тех, других – нет?

– Да! В смысле: нет!

Лаконизм и категоричность Юриста впечатляли. Впечатлили бы они и Геолога, но он уже «вышел из окопа».

– Есть такие люди!

Владимир Ильич на пару со своим знаменитым «Есть такая партия!» мог бы сейчас гордиться таким учеником.

– Есть, говоришь?

– Ты мне веришь?!

– Ну...

«Заявляя о вере», Юрист недоверчиво хмыкнул – и Геолог решил не настаивать на расширении ответа. Секунд пять длилась пауза.

– Значит, есть, говоришь...

Юрист «оптимистично» вздохнул.

– Ладно, покажешь... как-нибудь...

– И?

Вместо того чтобы, как положено, культурно замереть в ожидании ответа, Геолог бес тактно уставился на Юриста прямо перпендикулярным взглядом.

– Начинаю готовить иск и ходатайство о его обеспечении...

– Уф! – вторично «воскрес» Геолог.

– А ты...

– ...А я обеспечиваю круглосуточную охрану объекта и привлекаю телевидение!

– Годится. Ну, что ж... Как говорится, «Бог не выдаст – свинью съедим!»...

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Юрист дал слово, и ничуть не сомневался в том, что оно отзовется. Гадать «на тему» не стоило: «отзыв» предполагался «звучным». Юрист не знал ещё всех проблем. Он всего лишь чувствовал их потенциал. «Печёнкой» чувствовал. Отсюда – и многоточие в конце предложения, которое он поставил голосом. Оснований для восклицательного знака не нашлось...

Глава одиннадцатая

– Разработка Геолога закончена?

Застройщик требовательно посмотрел на Начальника ГУВД: тот теперь «отрабатывал авансы» ежедневно. При неизменной периодичности самих «авансов».

– Да, всё готово.

– Учти, Полковник, что это – не клиент вырезвителя. Всё должно быть сделано так, чтобы «комар носа не подточил».

– Не подточит!

– Почему так уверен?

– Потому что нечего будет точить!

– С носом оставите?

– Без носа!

– Годится, – смягчился Застройщик. – Теперь – предметно: установили, чем он занимался последнее время?

– «Наружка»? А на кой хрен? Он же не шпион и не террорист!

По причине ранее одобренной редакции ответа, Полковник отважился на ироническое хмыканье. Но, заметив, что «работодатель» не спешит подключаться к веселью, мгновенно подобрался. Насколько смог.

– Ну, ты ведь не говорил... А я подумал, что...

– А ты подумал, что он – не террорист! И по этой причине нам ничего о нём знать не нужно! Ни к чему: не террорист ведь!

Полковник виновато молчал, погрузив лысеющую голову в рыхлые плечи.

– А такую обнадеживающую редакцию выдал! Ни дать, ни взять – «шапками закидал»! А ведь это он организовал круглосуточное дежурство жильцов! Он! Да ещё – с оружием! Или у тебя есть другие кандидатуры в вожди? Нет? Так, какого же хрена, ты не «уважил» его «хвостом»? Или думаешь, что он ограничится дежурством? Нет, приятель: не ограничится! Он уже наверняка готовит людей. Наверняка ищет документы... те самые, которые не должен найти!

Разгорячившись, Застройщик откупорил бутылку минералки и налил полстакана. Себе. Милиционеру не предложил – в порядке взыскания и воспитательной меры.

– Ну, и портрет ты нарисовал!

Полковник или ещё не «осознал», или, напротив, захотел взять реванш.

– Не Геолог – а резидент вражеской разведки! А, между тем, он – обычный мужик. Рядовой правдоискатель. Каких миллионы... ну, тысячи.

Оторвавшись от стакана, Застройщик сострадательно посмотрел на милиционера. Так, словно прикидывал необходимость новых «выстрелов» с одновременным сожалением об уже сделанных.

– Да-а, Полковник... Ладно. Слушай приказ: операция должна быть закончена сегодня.

– И начата?

– Гениально! – ухмыльнулся Застройщик.

Полковник не был новичком «уставных взаимоотношений»: «приём» был окончен, а «усугублять» явно не рекомендовалось. Поэтому он медленно извлёк себя из кресла – чересчур «лаконичного» для его плоти – и немедленно ретировался...

... – Кто там?

– Откройте: милиция!

По одному характеру представления Геолог должен был понять, что «товарищи не ошиблись дверью». Он так и сделал: понял. Более того: он не стал препятствовать холодку бежать

по телу. Потому что так положено. Потому что холодок – «из ассортимента». «По совокупности» дверь Геолог открыл без возражений.

В следующее мгновение он уже был «дружески» припечатан к стене прихожей дюжими молодцами в омоновской «униформе».

– Руки за голову! – раздался за его спиной зычный голос.

– Я бы с радостью, но я и пошевелить ими не могу.

Холодок убежал – и освободившуюся площадку уже осваивало чувство юмора. Это возымело действие. «Товарищи» осознали несоответствие между командой и возможностью её исполнения – и исправились. Это сразу же позволило им тщательно «просканировать» тело Геолога.

– Не перетрудитесь, ребята.

Геолог уже окончательно взял себя в руки – несмотря на то, что находился в руках других.

– Фильмов про Америку посмотрелся? – «доброжелательно» откликнулся человек в штатском: видимо, старший среди «интервентов». – Так ведь мы – в России.

– Но я ведь и в России могу задать вопрос: по какому праву?

Вместо ответа человек в штатском махнул в воздухе листом бумаги. Геолог успел лишь прочитать название: «Постановление о производстве обыска», и в правом верхнем углу заметить подпись и оттиск круглой печати.

– Читать кандидаты наук умеют?

В голосе «штатского» звучала начальственная издёвка. Та, которая бывает только у людей, наделённых властными полномочиями. Пусть – небольшими, пусть – символическими, пусть – временными, но – властными. Геолог промолчал. Он уже понял, что милиция появилась в его квартире не своим хотением: явно просматривалось «целеуказание» Заказчика.

И ещё он понял, что сейчас милиция обязательно что-нибудь «найдёт»: отправляясь на поиски, наша милиция не рассчитывает на удачу, а готовит её заранее.

Он не ошибся. Да и милиция не позволила бы ему сделать это.

– Понятые – сюда!

Бомжегато выглядящие «понятые» опасливо покосились на затылок хозяина квартиры. «Ароматы» «загородного места жительства» и «плодово-ягодное» амбре наглядно свидетельствовали об их профессии и социальном статусе. Краем глаза Геолог умудрился даже разглядеть их. Этим людям он, разумеется, не знал. И даже ни разу не видел: в их доме тоже «водились» алкаши, то таких колоритных не было. Они могли быть либо «однократного использования», либо «состоять в резерве».

– И ты иди тоже.

«Штатский» кивнул омовцу – и тот стволом «калаша» «попросил» Геолога проследовать за понятыми. Чуть раньше него в спальню проскочил человек с видеокамерой в руках. По инструкции ему надлежало уже давно быть там, но что-то случилось с аппаратом – и он «застрял» у двери.

Войдя в спальню, Геолог усмехнулся.

– Что-то уж слишком быстро нашли... Заранее оборудовали «тайник» или с собой привезли «находку»?

Не обращая внимания на его слова, один из «пришельцев» – по виду явно не милиционер – рукой подозвал понятых.

– Понятые, ближе! Камера – на меня! Сейчас в вашем присутствии мы изымаем из тайника...

– Из-под дивана, – насмешливо уточнил Геолог.

– ... свёрток.

«Явно не милиционер» сделал вид, что не замечает иронии Геолога.

– В вашем же присутствии мы вскрываем его.

– Я тоже могу подойти?

Геолог обернулся к «штатскому». Тот молча кивнул головой.

Подойдя вплотную к понятым, Геолог стал наблюдать за манипуляцией «старшего поисковой команды». Тот старательно перерезал ножом бечеву, которой был перевязан свёрток. Затем снял полиэтиленовый пакет, под которым оказалась обыкновенная газета. Нарочито медленно – почти картинно, как в кино – развернул её. В газете находилось что-то похожее на песок, но крупной фракции, с большим числом вкраплений чего-то блестящего и явно металлического.

– Факт находки заносится в протокол.

«Поисковик» раскрыл папку.

– В ходе обыска в спальне, точнее – в диване...

– Под диваном, – ещё раз уточнил Геолог.

– ... обнаружен тайник. Найденный предмет представляет собой свёрток весом примерно...

Свёрток несколько раз подёргался на ладони сыщика.

– ...примерно два килограмма. Предмет...

– Почему «примерно»? Забыли точный вес?

– ... Предмет обёрнут полиэтиленом и перевязан бечевой. Свёрток вскрывается в присутствии понятых. Под полиэтиленом и газетой обнаружен... э-э-э... завёрнутый в газету металл жёлтого цвета в виде крупинок, по форме и размеру напоминающих крупный песок.

«Поисковик» – следователь «из органов», как догадался Геолог – поднял взгляд на понятых.

– Всё видели?

Те молча закивали головами.

– Вопросов нет?

Вопрос о вопросах был даже не лишним: смешным. Но «понятые» не смеялись. И не потому, что не положено, а потому, что смеялись бы они предпоследними. В точном соответствии с поговоркой. Даже, если и хорошо смеялись бы.

– Тогда подпишите.

После того, как «понятые» с трудом исполнили свою «гражданскую обязанность» – давно, видимо, «не держали в руках шашки» – следователь повернул голову к Геологу.

– Подпишите протокол.

– Только вместе с замечанием.

– Каким ещё замечанием?

– «Каким замечанием»? Ну, хотя бы о том, что понятые были приглашены в комнату уже после «находки», а до этого находились в прихожей. С руками за спиной. Это – раз. О том, что свёрток в момент, когда мы входили в спальню, уже находился на диване. Это – два.

Геолог усмехнулся, теперь уже глядя прямо в объектив работающей видеокамеры.

– И ещё: под диваном и в самом диване у меня – годичного стажа пыль. Ровненькая, такая, сплошная пыль. Даже – под тем местом, куда вы забыли положить свёрток. Который у вас, кстати – в первозданно чистом, совершенно новом полиэтилене.

Следователь раздражённо махнул рукой оператору. Тот щёлкнул кнопкой и испуганно отпрянул лицом от видеоискателя.

– В протокол вносится запись о том, что на предложение подписать протокол гражданин такой-то ответил отказом. Понятые, удостоверьте своими подписями этот факт.

Не поднимая глаз, следователь раздражённо кивнул головой понятым. Стрельнув в Геолога испуганными взглядами, те снова припали непослушными руками к следовательскому «паркеру».

– В протокол вносится запись о том, что видеосъёмка в этот момент прервана по техническим причинам. Этот факт также удостоверяется подписями понятых.

Усмехнувшись, Геолог покачал головой.

– А ты думал, что ты – самый умный? – раздался за его спиной голос.

Насмешливый голос. Голос «человека в штатском».

– Рано радуешься, начальник... – тихо сказал Геолог. Но «начальник» услышал.

– Не ерепенься и не комбинируй, сволочь, – «доброжелательно» посоветовал он, наклонившись к самому уху Геолога. – «Проколов» не будет.

– Они уже есть, – так же тихо, и в той же самой манере – едва ли не прильнув губами к уху – парировал Геолог. – И – не в единственном числе. А ты думал, ты – самый умный... сволочь?

«Портрет» был «возвращён» в целости и сохранности. Предъявлять какие-либо претензии в этом плане не было оснований. Если, конечно, не ставить перед собой цели непременно потерять лицо. Но у «штатского» такой цели, видимо, не было. Более того: он даже не смог утаить озабоченности на лице. Вероятно, понял, что «подопечный» не блефует.

– Сворачиваемся, – бросил он, встретившись глазами со следователем. Потом кивнул головой на Геолога.

– Уводите этого. В наручниках.

На руках Геолога защёлкнулись браслеты. В спину ему уткнулся ствол автомата.

– Ведите, ведите! – поморщившись, как от зубной боли, поторопил омовцев «штатский». Не оборачиваясь на понятых, он почти брезгливо добавил: – Понятые... тоже свободны... дышать же нечем!.. Все свободны... А мы тут со следователем пока опечатаем квартиру.

Когда все вышли, «штатский» нервно заходил по скрипящим половицам.

– Ты чего мечешься? Что-то не так?

Закруглившись с протоколом, следователь, наконец, обратил внимание на душевный непокой «соратника по шмону».

– Тебе не кажется, что мы чего-то не учли? Где-то недоработали?

– «Недоработали»?

Откровенно недоумевая, следователь пожал плечами и дополнительно отвесил губы.

– С чего ты взял? Если ты имеешь в виду этот кусок записи – так мы его сейчас же сотрём.

А понятые и не вякнут: ты же знаешь, что это – «наши» понятые.

Разъяснение почему-то не успокоило «штатского».

– Не-е-ет, – медленно протянул он, неожиданно остановившись на середине комнаты и скользя озабоченным взглядом по углам. – Что-то мы сделали не так. И этот гад заметил. Печёнкой чувствую, что заметил. Да он и сам намекнул... открытым текстом! Но вот, где мы «прокололись» – убей, Бог, не пойму...

Следователь пожал плечами.

– По-моему, убивать Богу тебя не нужно. Мы сделали то, ради чего сюда и пришли? Сделали. Искомое обнаружено? Обнаружено. Факт находки удостоверен? Удостоверен. Оснований для дальнейшей работы – более чем достаточно.

– Мне бы твою уверенность...

В голосе «штатского» ирония смешивалась с сомнением. Последнее явно преобладало.

– Ну, ладно...

«Штатский» шумно вдохнул и выдохнул.

– Сейчас всё равно ничего не надумывается: Муза ушла. Но к вечеру я её зазову. Вместе подумаем. Надо будет припомнить каждый эпизод. Просмотреть всю запись – и не по одному разу. Надо искать «прокол».

И надо обязательно его найти. Иначе – сами же себя накажем... по карману.

- Наклеивая на дверь бумажку с фиолетовой печатью, следовательно подмигнул коллеге:
- Кстати, никому из твоих родственников или знакомых не нужна квартира? Хоть и «хрущёба», но, как видишь – неплохая. Две комнаты. И даже санузел – отдельный.
  - «Штатский» мрачно покосился на него.
  - Торопись с выводами, приятель... Кстати, не слишком усердствуй с клеем...
  - А что?
  - Я хочу заглянуть сюда вечером, после работы... Осмотрю в спокойной обстановке...

Глава двенадцатая

– Ну, и чем порадуете?

Требовательный взгляд Застройщика «проехался» по лицам Начальника ГУВД и «штатского».

Полковник тут же переадресовал взгляд «штатскому».

– Мой зам по оперативной работе был на месте – ему и карты в руки.

– Слушаю Вас, Майор.

Застройщик грузно опустился в кресло. В последнее время, несмотря на гири и бассейн, он стал быстро набирать вес, и уже приближался к отметке в сто килограммов. Наверно, потому, что бассейн шёл вторым номером программы – после водки и пива. А о гири он чаще спотыкался, чем брал их в руки.

«Штатский», он же – Майор, он же – Зам по оперативной работе, начал вставать.

– Вот этого не надо, – недовольно поморщился Застройщик. – Мне нужна работа, а не демонстрация верноподданности.

Зам водворил зад на место.

– Я буду краток. Вечером я вернулся в квартиру Геолога. Обшарил все углы, все закоулки... Но ничего не нашёл. Никаких документов – даже по работе. Только паспорт. Никаких писем. Никаких черновиков. Проверил память компьютера – и там пусто. То есть, вообще ничего.

– Стёр? Заранее готовился?

Застройщик выглядел на удивление спокойным. Похоже, что он был не просто готов именно к такому результату. Вероятно, его куда больше удивил бы результат прямо противоположный.

Майор неопределённо пожал плечами.

– Это мне неизвестно. Не хочу гадать – я привык работать только с фактами...

– Всё?

Взгляд Застройщика с лица Майора переключался на лицо Полковника.

– Ну, если Майору нечего добавить – тогда всё.

– Нечего, Майор?

– Мне показалось, что Геолог обнаружил какой-то прокол в операции... Какую-то нашу недоработку...

Застройщик поморщился.

– Нельзя ли точнее?

– Виноват. По-моему, мы напортачили с выемкой. А, может – ещё раньше.

– А Вы не слишком самокритичны, Майор? – усмехнулся Застройщик. – Обычно все заверяют меня в прямо противоположном. Даже, если для этого нет никаких оснований. Думают о последствиях... для кармана. А Вы так вот запросто признаётесь в своих ошибках? А если я возьму – и взыщу с Вас?

Майор почему-то не увёл лица в сторону.

– Лучше уж я займусь саморазоблачением, чем стану дожидаться, когда мной займутся другие.

– Логично.

Застройщик надумал прогуляться по кабинету, но, не сумев встать с первой попытки, оставил эту затею.

– И чем это обернётся для нас? В перспективе? Мы можем «проколоться» в суде из-за допущенного брака? И что это за брак? Когда он допущен: на стадии подготовки, или на стадии реализации?

Застройщик демонстрировал неплохую осведомлённость об азах оперативной работы.

– Думаю, что Геолог заметил что-то такое, чего не заметил никто из нас. Может, ничтожную мелочь, которой никто из нас не придал значения, но которая подорвёт доверие к результатам всей операции.

– А что заставляет Вас так думать?

– Ну, хотя бы то, что он запросто подметил и «сдал» нам несколько процессуальных ошибок – а мог ведь приберечь их «на потом». Однако не приберёт. Значит, не слишком дорожил ими. Да и по всему его поведению чувствовалось, что у него за пазухой имеется более увесистый камень. И не один.

Доводы Майора были не менее увесистыми, чем предполагаемые «камни за пазухой» у Геолога. «По сценарию» Застройщик должен был сейчас задуматься и нервно забарабанить пальцами по столешнице. Однако этого не произошло. Застройщик даже не посчитал нужным выдержать паузу между докладом Майора и своим заключением.

– Возможно, Майор, возможно... Но Вы несколько забегаете вперёд. Сейчас для нас главное – не судебная перспектива, а изоляция этого человека. Для его заключения под стражу есть основания?

Полковник и Майор одновременно кивнули головами.

– Ну, вот пусть сидит. А насчёт суда...

Застройщик начал «выдавливать из себя Мефистофеля».

– Нам он совершенно ни к чему. Особенно – с учётом предположений Майора, которые не кажутся мне такими уж необоснованными. Продумайте вопрос, как не доводить это дело до суда. Я, разумеется, не имею в виду освобождение Геолога.

Полковник немедленно оживился. Понимающе, так, оживился.

– Убийство?

Застройщик рассмеялся: деликатность темы не мешала ему «проявлять человечность». Хотя бы «фрагментарно»: в плане эмоций.

– Какой же Вы буквалист, Полковник! И мышление у Вас – какое-то однонаправленное. Кто говорит об убийстве? Кто? Разве мало других – и при этом, вполне законных – способов... э...э...э... воспитания человека? Создайте товарищу нормальные условия «проживания».

– ???

– Поместите его к туберкулёзникам. И не просто к туберкулёзникам, а к туберкулёзникам «высшей пробы». К «доходягам», то есть. К тем, кто – открытой формы и в последней стадии. Чтобы, в случае чего, все претензии – к туберкулёзной палочке... Хотя, что это я говорю: «в случае чего»? Не в случае чего, а по достижении результата. Запланированного.

По оглашении рекомендации, милиционеры не стали испуганно округлять глаза. Потому, что «работа у нас – такая, забота наша – простая...». Да и не рекомендация эта была. А приказы, как известно, не обсуждаются – и не только в армии. Хотя бы и глазами.

Застройщик оценил понимание «товарищей из органов». Равно как и их правильное отношение к абстрактному гуманизму.

– Ну, вот и договорились, – «договорился» он за всех сразу. – Продумайте механизм. Переговорите с ГУИН. Если у Вас нет выходов на них, то я обеспечу вам его.

Взгляд Застройщика «по дороге» зацепился за Майора – и тот взял слово. Потому, что «дают – бери». Даже, если не хочешь.

– У нас есть выходы. Мы работаем с ними достаточно плотно и в хорошем контакте.

– Значит, покупаете идею?

Взгляд Застройщика уже подключал к диалогу Полковника. Тот поёрзал задом в кресле – скорее, от избытка энтузиазма, а не для того, чтобы отвертеться.

– Покупаем. Товар, не в обиду будь сказано, хоть и не новый, но ходовой. Не залёживается.

Вот теперь Застройщик смог удовлетворённо откинуться в кресле: консенсус был достигнут. Без лишних слов и без «соплей». Последние совсем не исключались: Майор был известным «гуманистом». То есть, систематически нарушая законность, он иногда давал этому правовые оценки. Посредством кислой физиономии. Ещё он жалел людей, предпочитая «окончательному решению вопроса» отправку их на дожитие «в зону». Пусть и по обвинениям, которые не тянули даже на надуманные: им больше подходил жанр «ненаучной фантастики».

– Отлично. Тогда – установка «на посошок»: Геолога следует нагрузить не только туберкулёзными палочками, но и пятном на репутации. То есть, он должен... как это говорится... «остаться в памяти людей»... нереабилитированным обвиняемым, которому повезло не дотянуть до суда.

– Да это не установка, а готовая подсказка!

Полковник восхитился и «прогнулся» «в одном флаконе», даже не вставая с места. И «додал» не хуже качеством:

– Тебя бы к нам – начальником в «область»! А, как думаешь, Майор?

– По поводу начальника?

– Ловко ушёл, – усмехнулся Застройщик. – Ладно. В целом, насколько я понял, возражений нет?

Застройщик понял настолько, насколько его поняли «иждивенцы». А они поняли его так, как и должны были понять. Правильно, то есть. Вот ответа и не последовало. В виду его очевидности.

– Тогда переходим к следующему вопросу повестки дня: массы. Точнее, наши оппоненты – жильцы домов, расположенных вокруг объекта.

Застройщик попытался придать лицу выражение озабоченности. Получилось.

– Как ни прискорбно говорить об этом, но вопрос назрел. Как тот чирей на заднице. Поэтому его надо решать хирургически. Действовать будем по двум направлениям. Силу слова мы уже испробовали – теперь испробуем силу без слова. Короче: завтра же ОМОН должен заняться «баррикадами». Всех оказавших сопротивление – «за рога – и в стойло». Работать – по обстановке. А поскольку она у нас фронтовая, то... сами понимаете. Все грехи я отпускаю заранее: с Господом договорюсь позднее. Неподъёмные грехи я беру на себя. Поэтому особо активных товарищей привлекать не к административной, а к уголовной ответственности. По статье...

Он нетерпеливо защёлкал пальцами – и Полковник немедленно пришёл ему на помощь:

– «Сопротивление работнику милиции, сопряжённое с применением насилия».

– Вот-вот: «сопряжённое» с этим самым. Если сами не захотят «сопрягаться» – «сопрягите»! По паре лет «зоны» «на нос» им вполне хватит для того, чтобы привести своё сознание в соответствие с бытием.

Удачно и к месту использовав один из главных вопросов философии и марксизма-ленинизма, он тут же вернулся в образ несгибаемого борца за торжество идеалов демократии.

– Ещё раз: как говорил персонаж известной кинокомедии, «Бить буду аккуратно, но сильно!» Я понятен?

Полковник кивнул головой.

– Сделаем. А второе направление?

– Ну, этим займётся уже мои люди, – усмехнулся Застройщик. —

Немного поиграем в благотворительность...

– Зачем такие сложности? Давай всех – eintopf? В один котёл, то есть?

«Иллюстрируя» текст, Начальник ГУВД скорчил мину из смеси презрения и удивления.

Застройщик с хрустом потянулся в кресле. Выражение интеллектуального превосходства не замедлило пробиться на его лицо.

– Полковник, Полковник... Учитесь работать творчески, мой друг! Мы должны сочетать в практике своей деятельности все классические методы. То есть, и кнут, и «второе блюдо». Ты спросишь меня, почему? Отвечу: потому, что пренебрежение этим правилом может нехорошо отразиться на состоянии наших задниц.

Застройщик обглодал Полковника взглядом. Умудрённый опытом, тот не оказывал сопротивления. Более того: даже нарочно «подставился аппетитным боком». Застройщик оценил самопожертвование – и не только удовлетворился «порцией», но и снизошёл до пояснений.

– Мои люди пойдут по квартирам в образе, так сказать, «добрых самаритян» «российского разлива».

Не заметив «подвижек» на лицах собеседников, он снисходительно пояснил:

– «Общество добрых самаритян» – это такая благотворительная организация. В США. Воспользуемся их опытом. С поправкой на нашу действительность...

Снисходительность заместила ухмылкой. Кривой – какой ей и полагается быть по причине отсутствия альтернативы.

– Чему?

Поскольку Застройщик ухмылялся в направлении Полковника, тот немедленно истолковал это, как «по адресу». А, истолковав, он тут же произвёл наружный осмотр гульфика. И правильно: естественная реакция мужика. Да и что ещё могло заинтересовать в нём «кормильца»?

– Мне сейчас вспомнилось известное выражение Марка Твена... Писателя, – на всякий случай пояснил Застройщик. – Так вот, тот однажды сказал: «Благотворительность – это когда тебе дают цент, а взамен отбирают доллар». Очень правильные слова. Прямо – о нашем случае: «забота» о бабульках и дедульках обойдётся мне куда дешевле, чем недельный гонорар каждому из вас.

Если Застройщик намеревался задеть этим замечанием милиционеров, то зря старался. Потому, что размер «оклада» каждого из них по своей значимости превышал остроту всех «уколов», вместе взятых. А за это можно и «пострадать» душевно... отсутствующей душой.

– И в заключение...

Застройщик перестал улыбаться: устал. Да и яд с прочими «щелочами» следовало поберечь для более подходящего случая. А тут ещё и другой повод для «выключения улыбки» пришёл на память.

– Мы так и не отследили связи Геолога... С кем он встречался? Кого ещё подключил? Кому передал документы? Какие именно? Чего нам следует ожидать?

Напряжённое молчание было ему ответом. Но, видимо, другого ответа Застройщик и не ждал. Он хотел озадачить «вассалов» – и это ему удалось. Во всех смыслах: и в смысле постановки задачи, и в смысле «дележа интриги». Судя по «чёрно-белым» лицам «товарищей», они основательно пропитались ответственностью за порученное дело. Лишняя доза «оздоравливающего» страха – по поводу «снятия с довольствия» – также была не лишней. Всё это настроило «заказчика-плательщика» на благодушный лад.

– Но... делу – время!

Застройщик выбрался из «председательского» кресла.

– А сейчас – потехи час! Так, что – вперёд! К бане! К пиву! К девочкам! К хорошему настроению!

Глава тринадцатая

После того, как «взяли» Геолога, народ понял, что «шутки кончились». Для него: настал черёд «пошутить» власти. Но, если это и отразилось на решимости людей, то вопреки «расчётным параметрам» Застройщика. Ожидаемое смятения в рядах «бунтовщиков» всё ещё... ожидалось. Дежурства не только не прекратились, но даже интенсифицировались: смена «часовых» производилась теперь уже не как в армии – через каждые четыре часа – а через два. «Оппозиция» явно не испытывала недостатка в кадрах.

Ну, а дальше жильцы повели себя уж совсем «неадекватно»: они приступили к демонстражу здания. «Без согласования» с Застройщиком. На этот «эквивалент» субботника вышли все – «от мала до велика». Прямо, как в старые времена – добрые для участников, и совсем наоборот – для Застройщика. Так как позаимствовать механизмы у строителей не представилось возможным, работал народ вручную. Вручную – но не голыми руками. Правдоискатель Иванов – в прошлом строитель – где-то умудрился раздобыть изрядное количество ломов и кувалд. Ну, а отсутствующую механическую силу людям заменяли «дружеские чувства к Застройщику».

К моменту появления ОМОНа надстройка над фундаментом на треть уже «ушла в прошлое» и в обломки.

– Прекратить! – «возмутился» Полковник при виде такого безобразия. – Немедленно прекратить этот вандализм! Это говорю вам я – Начальник ДВД! Даю три минуты для...

Давно уже несвежий помидор, залепивший помидорного же окраса лицо Полковника, не дал милиционеру закончить оглашение угрозы.

Не удовольствовавшись оскорблением действием, «мятежники» принялись оскорблять важный чин словесно. Слова при этом не выбирались. А, если и выбирались, то самые звучные.

– Холуй буржуйский! Сучара! «Мусор» продажный!

Это были наиболее корректные определения – из числа «прошедших цензуру». Теперь все элементы статьи об оскорблении власти были налицо – и на лице. Тем более что, как и всякий нормальный взяточник и холуй, Начальник ГУВД обладал предельно обострённым чувством собственного достоинства. И неважно было, что все другие никак не могли его разделить. По причине отсутствия к тому должных оснований. Даже – самых минимальных.

– Становись!

Эта команда уже адресовалась ОМОНу. Бойцы в камуфляже, бронежилетах и шлемах с «забралами» выстроились в две шеренги за спиной Начальника ГУВД. Для проведения разъяснительной работы среди населения вооружены они были дубинками и ружьями для стрельбы патронами со слезоточивой «начинкой».

– Последний раз предлагаю разойтись!

Голос Начальника ГУВД дрожал от обиды за оскорблённое достоинство, в котором ему так беспардонно отказали «бунтовщики». Для того чтобы не дрожать от обиды хотя бы голосом, Полковник уже слишком долго «жил» «наверху». И как жил! Поэтому на фоне его персонального достатка недостатки масс были слишком очевидны.

Услышав «последнее стокитайское предупреждение», мужики также уплотнили ряды. И вооружены они были не менее основательно, чем их «оппоненты»: к полудюжине охотничьих «стволов» изрядной добавкой являлись ломы, кувалды и целые горы бетонных и кирпичных обломков. А внушительные куски бетона на обломках стальной арматуры представляли собой оружие не менее грозное, чем резиновые дубинки ОМОНа.

Чувствовалось, что арсенал «оппонентов» весьма смущает омовцев, привыкших к несколько иной форме «сопротивления» масс. Преимущественно – голосом. Посредством

одного-единственного вопроса «За что?», который, разумеется, оставался без ответа. В лучшем случае. В лучшем – для «подателя» вопроса, естественно.

– Эх, сейчас бы водомёты сюда! – на ходу выпалил командир ОМОНа, подбегая к Полковнику.

– Кина насмотрелся? – раздражённо бросил Начальник ДВД – и попал в «обеззабраленное» лицо омовца. – Где я тебе найду водомёты? Начинайте «газификацию»! Живо!

Омовец вернулся к «своим» – и через минуту первые патроны со слезоточивой начинкой разорвались на некотором отдалении от передовых линий «защитников двора». Следующие фонтанчики белого дыма уже прореживали непосредственно толпу. Раздался первый надсадный кашель. Восприняв это как добрый знак, ОМОН двинулся на штурм. Но «стражи порядка» успели сделать лишь несколько шагов: их почти сразу остановил град камней. И, ладно бы – камней: бетона и кирпича.

Полковник наблюдал за этим уже из укрытия и с безопасного расстояния. Но он и видел, и слышал, как треснули несколько пластиковых щитов: они не были рассчитаны на такую форму «приветствия».

Омовцы вынуждены были отступить на исходные позиции. Необходимость замены тактики стала очевидной. Прежняя, традиционная, рассчитанные на вразумление одним залпом, явно не проходила. По «уоки-токи» он вызвал командира.

– Вот, что, капитан. Поливай этих... родной народ, значит, газом до тех пор, пока он не взвоят! Патронов хватает? Если нет, то я сейчас же отправлю человека за добавкой!

– Хватает, товарищ Полковник.

Голос омовца дрожал то ли от возбуждения, то ли от страха. А может, это так связь работала: на то она и связь.

– Ну, а раз хватает: глуши их! Потом доводи их до готовности дубинками! И – по головам, сволочей! По головам! Понял меня?

– Так точно, товарищ Полковник... Только...

– Что «только»?

Омовец ответил не сразу.

– Ну? Чего умолк?

– А вдруг они выставят вперёд детей и прикроются ими, как щитом?

Этого уже Полковник не выдержал.

– Ё... твою мать! Ты, что, кина насмотрелся?! Они что: фашисты? Эсэсовцы они, что ли?!

– Да нет... товарищ Полковник...

Командир ОМОНа почему-то не демонстрировал уставной твёрдости.

– В данном случае упрёк – не по адресу...

– Ты что плетёшь? – взревел Полковник. – Ты, что, гад, плетёшь? Офицерские погоны надоели? Надоело вкусно жрать и сладко пить?

Намёк был... вовсе даже не намёк. Командир ОМОНа относился к числу «штатных» едоков: полезная должность его обязывала к тому «кормильцев». И, проникнувшись чувством ответственности – за своё будущее – капитан благоразумно не стал углубляться в дискуссию, не говоря уже о сантиментах. «Вкусно жрать и сладко пить» ему совсем не надоело.

– Обработка газами – и немедленно вперёд!

Полковник быстро почувствовал перемену в настроении подчинённого. Выражение «товарищ не понимает» уже следовало адресовать какому-нибудь другому «товарищу».

– На всё, про всё – десять минут! И – никаких соплей!

Хлюпнув носом на дорожку, омовец козырнул и убежал. Раздался новый залп. За ним – ещё один. И ещё. Вскоре в клубах дыма уже с трудом можно было различить неясные очертания фигур «повстанцев». Однако, когда омовцы двинулись на штурм, раздались выстрелы.

Теперь – со стороны защитников. Правда, доблестные бойцы даже не успели «опростаться в штаны»: очень быстро выяснилось, что стреляли холостыми. В воздух. Штурм возобновился.

Несмотря на обработку газами, мужики в очередной раз продемонстрировали неготовность к консенсусу. Возмутительную неготовность: они дрались, как черти! (Если, конечно, кто видел, как дерутся черти). Не один омовец получил по шлему или корпусу самодельной дубинкой. С некоторых умудрились даже сорвать шлемы, отобрать «стволы» – и уже их самих заставить истечь слезами. Пока ещё – не кровавыми.

«Увеселительной прогулки» не получилось. А когда в бой вступили задние ряды «оппозиции», Начальник ГУВД «протрубил отход». Самое время было вызывать подмогу.

Нерадостные вести пришлось докладывать Застройщику лично: тот заранее предупредил, что будет сидеть на телефоне. Ради этого он даже отложил важную встречу с очередной подругой. Отложил вместе с подругой. На диван в комнате отдыха.

Тяжело вздохнув, Полковник вынул из кармана кителя мобильник.

– Это я.

– Сколько энтузиазма в голосе! – насмешливо откликнулся абонент на том конце. – Что, Полковник: удовлетворили помимо желания?

Начальник ГУВД тяжело сопел в трубку. «По инструкции».

– Ну, чего молчишь? Выкладывай, всё, как есть!

– Я уже вызвал подмогу.

Полковник решил опустить подробности: незачем было травмировать благодетеля. А для понимания обстановки хватало и наличного голоса.

– Через полчаса люди будут на месте – и мы сметём эту сволочь!

– Как мух! – хмыкнул Застройщик.

– Не понял? – честно не понял Полковник.

– Это – из романа. «Хождение по мукам» графа Алексея Толстого. Ты такие не читаешь... как и все другие... Ладно...

Неизвестно, как сам Застройщик, но его голос уже примирился с фактом.

– Скажи лучше, не замечено там движения?

– Какого?

– Какого-нибудь?

– Не понял?

Начальник ДВД повторялся, но не боялся этого. Не понял он не только потому, что не понял. И не потому, что «повторение – мать учения». Не понял он предусмотрительно и здравомысляще. Во-первых, это позволяло точно уяснить задачу и не ошибиться с исполнением. А, во-вторых, давало возможность кормильцу-поильцу в очередной раз блеснуть на его фоне, что тоже представлялось тактическим выгодным. В присутствии благодетеля иждивенцу не следует злоупотреблять чувством собственного достоинства. В независимости от того, имеется ли оно, или нет.

Застройщик понял, что надо спрямить дорогу: Полковник был сторонником точно сформулированных вопросов и чётко поставленных задач. Как и всякий здравомыслящий подчинённый, независимо от ранга и количества звёзд на погонах.

– Я хотел узнать, не замечено ли там кого-нибудь из вездесущих летописцев?

– Телевидение?

Успокоенный расшифровкой, Полковник снисходительно хмыкнул – предусмотрительно в сторону.

– Ну, ты же знаешь: ТВ у нас – понятливое. С ними у нас – самый тесный контакт. Мы им регулярно даём пищу... духовную: трупы, там, поножовщина... словом, безобидный, добротный материал. А они за это исповедуют объективность... Не суют нос. Избегают коммента-

риев. Критикуют нас только за излишнюю скромность... в описании боевых заслуг... Словом, ведут себя вполне прилично... А что?

– Ты, кажется, забыл об одном человеке...

– ЧиЗ?!

Полковник, если и забыл, то быстро вспомнил. Его голос художественно дрогнул. И не один: «за компанию» с поджилками. Наверняка, это услышал и Застройщик.

– Ты думаешь...

– Полезное занятие: думать! – раздражённо перебил его Застройщик. – Только в данном случае я не думаю: я знаю.

– Что именно?

Полковник вдруг почувствовал, как подмышки его кителя намокли потом. Текст же, напротив, пришлось выдавливать из внезапно пересохшего горла. Так сказать, работать на контрасте с самим собой.

– То, что должен был узнать ты, но не узнал... Не знаю уж, почему: то ли поленился, то ли утратил нюх. Иногда я задаюсь вопросом: за что я тебе плачу такие деньги? Я делаю твою работу – и ещё плачу тебе деньги! Анекдот! Сюжет для фельетона! А ведь всего-то нужно было – пораскинуть мозгами!

– Не понимаю...

– Мог бы этого и не говорить! Почему не отработали связи Геолога? Палец о палец не ударили, чтобы хоть что-то сделать! Вы оба – и ты, и твой Заместитель! А ведь я прямо указывал на это!

В четвёртый раз «не понять» Полковник не рискнул. Потому, что теперь «не поняли» бы уже его. И наверняка – не без последствий. Для него и его кармана. И он предпочёл молчать. Качественно, так. Подавленно. Так, чтобы на том конце смогли ощутить это. Но и увлекаться не стоило. Поэтому, выдержав норматив, Полковник «сменил пластинку». Заодно – «поставил громоотвод» и «перевёл стрелки».

– А что удалось тебе узнать?

– За день до ареста Геолог встречался с ЧиЗом. Люди с телестудии опознали его по фотографии. Как вышли? Очень просто: мозгами пораскинули. Не чужими – и не по асфальту.

Полковник обиженно засопел. Напрасно. Застройщик: а) сказал правду; б) игнорировал обиду.

– О чём они говорили, я не знаю, но догадаться нетрудно. Наверняка, у этого правдолюбца имеются и документы от Геолога. И наверняка он сейчас где-то «на баррикадах». И не один.

– А с кем?

– Мог бы и сам догадаться!

– С камерой?! – рискнул предположить милиционер. Риск оправдался: предположение оказалось догадкой, а догадка – верной. Это и спасло Начальника ГУВД от оргвыводов.

– Разыщи его, Полковник. Не дай уйти. Ну, и... вообще: работай по обстановке... Я понятен?

– Если он здесь, то он умрёт, объевшись плёнки!

Это прозвучало куда внушительней, чем заурядное «Яволь!» Полковник даже сумел почувствованно дрогнуть голосом. И сделал он это качественно и своевременно.

– Ну, вижу, ты «проникся».

«Отход от стандартов» не остался без благодарности: к Застройщику вернулась его обычная ироничность. На счастье Полковника – и всех его «комплекующих».

– Поэтому, давай, закругляйся там – и сразу же ко мне. Жду тебя «со щитом». Переводить не надо?

– Нешто мы – без понятия? – осмелел Полковник. – Мы ж все учились понемногу чему-нибудь, и как-нибудь! Будь спок: уделаем охальников!

– Удачи тебе в этом добром начинании!

Окрылённый доверием и фактом «оставления на довольствии», Полковник выкатил грудь. Точнее – пузо, которое давно уже замещало грудь, или, как минимум, «совмещало обязанности». Как головогрудь у насекомых.

В таком состоянии он и обвёл взглядом окрестности. Пейзаж бодрил: пока он отбивался от «шефа», омовцы не только отбились от жильцов, но и пополнились личным составом. Паритет был восстановлен. Учитывая «некоторую» разницу в вооружении и степени подготовки, теперь можно было рассчитывать «на большее взаимопонимание».

– Давай, капитан!

Полковник – как есть, Наполеон! – махнул носовым платком, которым только что протирал вспотевшую плешину. Сомкнув ряды и стуча дубинками по щитам – больше успокаивая себя, чем пугая жильцов – ОМОН двинулся на «баррикады».

И эта «встреча» была не менее «радушной», чем все предыдущие: бетон, кирпич и арматура. В выборе «аргументов» стороны не стеснялись сами – и не стесняли друг друга. В результате обороняющимся удалось проделать бреши в рядах атакующих. Некоторые даже вышли из строя. В прямом и переносном смысле: и как боевые единицы, и ногами. И даже – на руках товарищей. По причине временной дисфункции опорно-двигательного аппарата.

Но качественное и количественное преимущество есть... качественное и количественное преимущество. Мужество и героизм при отсутствии материально-технической базы ему не конкурент. Данный случай не стал исключением, лишь подтвердив собой принцип «неконкурентоспособности».

Вскоре уже полдюжины «защитников» составляли компанию выведенным из строя омовцам. Помимо составления компании, кое-кто из них уже мог составить и конкуренцию песенному Щорсу. Тому, у которого «голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый вяжется по сырой траве». След «вязался» и у «защитников». В том числе, и потому, что омовцы свято хранили верность принципу. Тому самому: «Падающего подтолкни!». И падающих не только толкали. И не только падающих, но и упавших.

Зато другому принципу – «Лежачего не бьют!» – они на верность не присягали. Поэтому доблестный капитан считал, что имеет все основания для того, чтобы озвучить известный призыв времён Отечественной «Добьём фашистского зверя в его логове!» Логово – в наличии, зверь – тоже. Отсюда – никакие средства и методы воспитания не считались чрезмерными. В том числе – и тяжёлые армейские ботинки. Потому, что «Кровь – за кровь! Смерть – за смерть!» – как опять же самовольно экстраполировал старый лозунг капитан.

Через полчаса сопротивление было подавлено. Вместе с сопротивляющимися: многих из них подавили в буквальном смысле. Постояли на них, то есть. И даже походили.

Полковник оглядел поле боя. Не без чувства глубокого удовлетворения: оно весьма напоминало известную ещё со школьных времён картину Васнецова «После битвы Игоря Святославича с половцами».

По причине итога Полковник «играл» за половцев. Натяжек не требовалось: большая часть защитников находилась в горизонтальном положении. Проще говоря, возлегал на руинах. И – не «в виде» бойцов на привале. Некоторые уже были в наручниках: Полковник велел отобрать самых активных «активистов» для продолжения воспитательной работы уже в казематах... то, есть, в кабинетах следователей и «оперов». С последующим обязательным преданием «избранников» показательному суду. Указания Застройщика о воспитании «трудновоспитуемых» и всех остальных подлежали неукоснительному исполнению.

Но победа досталась омовцам не «малой кровью»: большой. Потому, что жертвовать пришлось не только чужим здоровьем. Да и своим жертвовали не только в плане расхода кало-

рий. В итоге: «нас оставалось только трое из восемнадцати ребят». Претерпели, словом. И, если бы – словом! А то ведь – и морально, и физически. Несколько человек пришлось даже отправить в больницу – и не для создания «картины боя».

Верный закону – в собственном понимании – первым делом Полковник обеспечил задержанным их гражданские права. В части размещения в транспортных средствах: все были обеспечены даже не сидячими – лежащими местами. На полу. Вторым делом он обеспечил охрану завоёванных рубежей – силами ОМОНа по всему периметру объекта. И только после этого – третьим делом – позвонил Застройщику.

– Порядок восстановлен, босс.

– А ЧиЗ?

Начальник ГУВД вздохнул.

– Что?!

Полковник вздохнул ещё раз.

– Ну, ты, как всегда, «оправдал ожидания».

Застройщик не чуждался ни в авгурах, ни в прочих толмачах. Вопрос ЧиЗа занимал его сейчас больше всех остальных вопросов.

– Немедленно прими меры к установлению его местонахождения. Ты понял меня: немедленно! Как понял?

– Понял тебя: немедленно!

Полковник решил, что буквальное воспроизведение команды избавит его от намечающихся оскорблений личного характера. И не ошибся: Застройщик не стал топтаться на этой мозоли и двинулся на поиски другой.

– Кстати, у нашего «общего друга» была так называемая Инициативная Группа. Как её самочувствие?

– Устанавливаем, – мужественно дрогнул голосом Полковник.

Застройщик оценил юмор, но не оценил результат. А по части лаконизма он даже пре-
взошёл милиционера.

– Кто?

– Два Правдоискателя: Иванов и Петров.

Полковник хотел уже добавить текста на тему выпавших испытаний, но вовремя подумал о том, что за эту добавку он вполне может получить другую: по шее и под зад.

– Объявляй их в розыск! Обоих! Как это там, у вас... заочно предъявляй обвинение... в организации массовых беспорядков... или что там у вас есть подходящего...

– Подберём!

– ... Вот... И объявляй в розыск!

– Сделаем, шеф.

– И главное...

Полковник вытянулся с трубкой в руке.

– Кровь из носу, найди ЧиЗа. Материал, как ты сам понимаешь – эксклюзивный. И, моли Бога, если его эксклюзивными зрителями окажемся лишь мы с тобой! Ты меня понял? Пере-
тряси всех его знакомых, переверни весь город, но найди его! Найди его, Полковник! Иначе я «найду» тебя!

Глава четырнадцатая

Да, ЧиЗу пришлось досрочно оставить «баррикады». Но сделал он это не самовольно, а по сигналу Петрова, когда тот понял, что «миссия невыполнима», и скоро придётся держать ответ «за нарушение общественного порядка». В предварительном – и самом болезненном – порядке. Поэтому он вышел из боя, поискал глазами припавшего к видоискателю камеры Чиза – и мужественно скомандовал тому отступить. Повторять команду не потребовалось: ЧиЗ и сам уже мужественно подумывал об отходе. Уходить дворами уже не было возможности: все выходы были перекрыты заранее. Все проходы между домами контролировались ОМОНОм: Полковник не даром «состоял на довольствии».

Правда, и до него не сразу дошло, что надо взять под контроль и развалины. Поэтому ЧиЗ и сумел непоколебленным отсидеться в подвале не только до конца штурма, но до ухода «трофейщиков» Полковника. Наружу он выбрался лишь тогда, когда на чёрном небе зажглись первые звёзды. Омоновцев уже не было – их заменила охрана Застройщика – куда менее многочисленная и квалифицированная. А именно: сторожа, уже начинавшие отходить ко сну – как и положено классическим сторожам.

Где ползком, на брюхе, где короткими перебежками с нырянием в спасительную тень, ЧиЗ преодолел не меньше половины пути. Потом, опять же короткими перебежками, он добрался до стены ближайшего дома, и нырнул за неё. Освещение восстановили ещё не по всему периметру, и тьма была сейчас его союзницей. Дальше путь его лежал по зияющим спасительной чернотой улицам города.

Удалившись от небезопасного места на безопасное расстояние, журналист смог перевести дух. Даже, несмотря на то, что он когда-то достаточно профессионально занимался легкой атлетикой, дался этот кросс ему нелегко. С трудом переведя дыхание, он вытащил из кармана не подлежащих уже восстановлению брюк засыпанный пылью мобильник.

Быстро набрал номер.

– Ну, слава Богу, что ты на месте... Да, finita... Нет, материал – там, где и договорились... Забери, не мешкая... Прямо с утра... Не беспокойся: я звоню не со своего аппарата. Этот я получил от Геолога. Хотя и это – не гарантия: «наши друзья» уже утром будут проверять на узле все входящие и исходящие. Куда сейчас?.. Не знаю. Думаю, что «обо мне уже «тревожатся». Небось, уже и портреты заготовили... Ага: на «Доску почёта»... Нет, к тебе не пойду: зачем же ещё и тебя на стенд?.. Что-нибудь придумаю... Ладно, бывай.

Мужественно отказавшись от предложения крова, ЧиЗ тут же проклял себя за избыток благородства. Ведь идти действительно было некуда: ЧиЗ правильно не сомневался в талантах родной милиции. Пусть даже они и были производными от талантов Застройщика. Это ведь он распорядился определить «постояльцев» на квартиру ЧиЗа, в редакцию – и даже на квартиру его мамы. Но Полковник не ограничился установленным перечнем – и внёс в приказ творческое начало. Только Чиз об этом не знал. Потому, что ему не положено было об этом знать. Потому, что, знай он об этом – сорвал бы всю операцию. И тогда Полковнику влетело бы по первое число. А ведь сегодня было только двадцатое!

Оглядываясь, словно затравленный зверь – как и положено в классическом триллере – ЧиЗ пробирался к дому своей «бывшей». Нет, он не рассчитывал на понимание и остатки израсходованной без остатка любви. Он рассчитывал лишь на то, что собачья будка ещё не занята. Прятаться в гараже он посчитал занятием для дилетантов. Потому, что Бог, как известно, бережёт исключительно бережёных. Не тех, кто прячется «по инструкции».

«Бывшая» жила в доме своих родителей. Добротном старом доме – из числа тех, что на двух хозяев. Не забывая оглядываться по сторонам, перебежками, «по стеночке», стараясь не вылезать «габаритами» за тень, ЧиЗ добрался до плетня. Он уже собрался перемахнуть

на другую сторону, в огород, как вдруг что-то тяжёлое вошло в непосредственный контакт с его головой. Самым злодейским образом: сзади. Полчаса тому назад он мечтал погрузиться в сон – и вот это случилось. Правда, несколько раньше намеченного срока и не совсем так, как задумывалось. Но, как бы там ни было, живописные строки романиста о погружении героя в беспросветный мрак на этот раз соответствовали бы действительности...

– Кажется, приходит в себя, сволочь!

ЧиЗ с трудом разлепил веки. Туман в глазах даже не стоял: лежал всей тушей, уменьшив до минимума чёткость изображения. В том числе, и по этой причине фигура «подателя» голоса смотрелась привидением. ЧиЗ попытался немного приподнять голову – и не смог. И правильно сделал: по сценарию ему должны были помочь. И помогли, вылив на голову полведра воды.

– Как Вы себя чувствуете?

К сочувственному вопросу – а равно, к печёнке ЧиЗа – прилагался и носок ботинка вопрошавшего. Это позволило ускорить процесс возвращения к действительности.

– Ну, давай, поднимайся.

Чи-то крепкие руки «заботливым рывком» поставили его на ноги. Журналист пошатнулся. Его так же «заботливо» поддержали кулаком в спину. Правда, немножко нарушили при этом центровку: ЧиЗ подался вперёд. Во время вынужденного манёвра он успел разглядеть отдельные детали интерьера и кое-что понять.

– Ну, по глазам вижу, что процесс уже пошёл!

Похоже, выражение его лица не укрылось от другого лица. Лица одного из присутствующих: по характеру поддержки Чиз уже понял, что подпирющее его «дружеское плечо» существует не в единственном числе. И всё-таки – для страховки – он обернулся на голос.

– Ты?!

Процесс узнавания определённо не доставил ему удовольствия: перед ним стоял Майор – который Зам по оперативной работе.

– Как видишь, уважаемый «Человек и Закон», «никто не забыт – и ничто не забыто». Выходит, зря ты нас чуть ли не в каждой программе обвинял в непрофессионализме и взяточничестве.

– Ну, во взяточничестве – вряд ли зря...

ЧиЗ решил повременить с падением духом.

– ... коль скоро вы здесь...

Майор ухмыльнулся.

– В своём репертуаре. Вот и не верь после этого поговорке об исправлении горбатого единственным способом... Жаль... Жаль, приятель...

– Чего тебе жаль?

– Жаль, что «с нами – а не наш».

– Мне тоже жаль, – тоже вздохнул ЧиЗ. – Человек, который читал Горького – с теми, кто дальше букваря не пошёл.

И он выразительно покосился на своих «медбратьев»

– Чего это он? – честно не понял один из «оперов». – Причём, тут, горькая?

– Ну, вот: меня сразу поняли, – покривил щекой Чиз. – Что я и говорил.

– Вернёмся на стези!

По причине позднего времени – и лимита оного – Майор решил не углубляться ни в литературу, ни в историю.

– Кстати, в предварительном, так сказать, порядке, ты бы мог и поблагодарить нас.

– За что это?

– За то, что мы тебя, можно сказать, подобрали на улице и доставили прямо на дом. За сострадание и, я бы даже сказал, человеколюбие.

– Да вы – прямо не «мусора» продажные, а добрые самаритяне...

ЧиЗ поскрёб по сусекам – и набрал на усмешку.

– Ну, про самаритян я уже слышал – и не далее, как вчера.

– Не от Хозяина ли?

Взгляды ЧиЗа и Майора встретились. Оба оказались достойными другу друга: никто не уступил дорогу.

– Я не имею в виду Полковника: этот «гуманитарий» вряд ли знаком с такими словами.

Вот теперь Майор счёл возможным прекратить игру «в гляделки». И не потому, что ЧиЗ «переглядел» его. Пора было «выходить на коду».

– Да-а-а... Какие мы могли бы делать дела, будь ты на правильной стороне...

– Я – на правильной стороне, – опять «неправильно сориентировался» ЧиЗ.

Майор укоризненно покачал головой.

– Ну, что ж. Так как идейные платформы сторон решительно не совпали, то, я думаю, не стоит нам ходить вокруг да около.

Он подошёл вплотную к журналисту. На расстояние удара – и не только словом.

– Где кассета? Только не говори, что не понимаешь вопроса.

Не разочаровывай меня.

– А ты очарован мной?

– Да. А если ты проявишь должное понимание, то я тебя возлюблю – и даже откланяюсь с извинениями.

– Нет у меня никакой кассеты.

– А где она? – почти ласково «поинтересовался» милиционер.

Но ЧиЗ оказался настолько невежлив, что игнорировал вопрос. «Позора мелочных обид» не выносят души не только поэтов – и Майор так же не вынес. Прямо кулаком в челюсть визави. Журналист не был былинным богатырём, который, по сюжету, не должен даже качнуться от такого удара – и поэтому упал. Не как подкошенный, но на ногах не устоял: работа по нему была выполнена квалифицированно и даже профессионально.

Ну, а потом души стали «не выносить» одна за другой. Это, естественно, не могло не сказаться на внешности – а также внутренностях – «обидчика». А поскольку руки уже не доставили – ЧиЗ «коварно» упал на пол – «товарищи из органов» вынуждены были подключить ноги. Не со зла, разумеется: в силу естественных причин. Даже производственная необходимость играла тут подчинённую роль. Да и то: какие же мы интеллигенты, если – со зла? Нет: за всё время работы с ЧиЗом ни один оперативник не скатился до оскорблений. Единственный текст, которым сопровождался процесс отработки внешних и внутренних органов ЧиЗа, был вопрос: «Где кассета?» Даже вполне допускаемые обстановкой характеристики «объекта работы» словами типа «сволочь», «сука», «тварь» и тому подобное – и те не были задействованы. Если, уж, это – не благородство, то что тогда благородство?!

Напрасно хитрый ЧиЗ хотел потерять сознание: не для того старались «товарищи». Дело своё они знали – и не позволили журналисту уйти от ответственности за содеянное. Не страданием душой – так страданием телом. Но и в этой ситуации ЧиЗ проявил крайний эгоизм. Он даже не посчитался с тем обстоятельством, что «товарищи» работают сверхурочно. Что дома их ждут жёны, дети и телевизор. Исключительно в силу эгоизма и неуважения к труду ответственных работников – а как ещё иначе расценить его поведение? – он не стал подавать звуковые сигналы и даже не попытался лезть на стену. То есть, по существу, наплевал на «товарищей» и их труд.

Это настолько расстроило оперативных работников, что они, «не употребляющие» на работе, впали в депрессию и поддались мимолётному чувству. И, хоть оно и мимолётное, то есть летящее мимо – но попало в товарищей. Прямо в души. Исключительно в силу этой причины одна из жертв чувства и была отряжена в магазин.

До прояснения ситуации – не в мозгах, так в другом месте – Майор решил не огорчать Застройщика отсутствием информации. Результат был – и даже положительный: в части положения его на пол. Но толку от этого было немного. Ну, разве, что в смысле пресечения антирыночной и даже противоправной деятельности зловердного журналиста.

Гонимый чувством, посыльный оперативник был оперативен. Опергруппа «приняла по сто» на брата – а ЧиЗу пожертвовала целых пол-литра. Из зловердности, он, конечно, не хотел «принимать» – и вот тут уже оперативниками пришлось творить добро насильно. То есть, проще говоря, влить в него эти «полкилограмма». Просто удивительно, как некоторые не ценят доброго к себе отношения!

Алкоголь сделал своё дело: прибавил настроения... оперативникам. И они ещё раз прониклись чувством долга – и ещё раз прошли по всем закоулкам дома. Не для очистки совести: совесть у стражей всегда чиста. «Как чистый лист бумаги, на котором можно написать самые прекрасные иероглифы» – как сказал один товарищ, некогда широко известный. Будто о наших милиционерах сказал. О тех самых, которые искали уже не кассету: хоть что-нибудь. Увы: результат имелся лишь в плане его отсутствия. Впечатлённый результатом, Майор устало бросил:

– Да, трудно искать чёрную кошку в тёмной комнате. Особенно, если её там нет.

Молодые его товарищи в очередной раз подивились умению начальства красочно «паковать» банальность. Обвинить его в заимствовании у Конфуция или хотя бы у одного из героев известного детектива они при всём желании не могли. Ну, вот не знакомы они были ни с тем, ни с другим!

На дорожку решили испить чайку. Вместе с «подшефным». По русско-советской традиции выложили на стол из холодильника традиционную «закуску» к чаю: сыр, колбасу, солёные огурцы. Нарезали ломтями хлеб. Поставили на плиту чайник с водой, включили газ... И тут, то ли собаки загавкали на улице, то ли, что – но обедня была испорчена безнадежно. Ещё толком и не начавшись.

Только по этой причине милиционеры забыли чиркнуть спичкой. Правда, и ЧиЗа в кухне они тоже забыли. Хорошо ещё, что не головой в духовке: прислонили к ней – а он туда и упал. Сам, конечно. Своей волей.

Спасибо Майору: распорядился поместить его в центре композиции. У стола. Из человеколюбия, естественно: невменяемый ЧиЗ «съехал» бы со стула и нанёс себе телесные повреждения. В очередной раз Майор не сдержал в себе гуманиста.

В спешке отхода кто-то из милиционеров ещё и чайник зацепил локтем, пролив воду на конфорку, незажжённую, но включённую.

В результате создалась картина умышленного преступления, замаскированного под несчастный случай. Но к её созданию доблестные работники милиции не имели никакого отношения. Ну, вот – цепь случайностей! Роковых случайностей... для журналиста! А тот, кто подумал бы иначе, просто... чернил бы родную милицию!

– Уходим! – скомандовал Майор, так же в спешке забывший проследить за техникой безопасности. Уже в дверях товарищам послышался запах сероводорода. Но, то ли они решили, что это им показалось, то ли уже некогда было возвращаться... Да и «возвращаться – плохая примета», как сказал поэт...

Глава пятнадцатая

Молча выслушав доклад Майора, Застройщик одобрительно кивнул головой.

– Чисто сработано... То есть, я, конечно, хотел сказать: какое несчастье! Какая утрата для нашего города и всей демократии! Просто – «какое сердце биться перестало...»... ну, и дальше – по тексту. М-да... Кстати, Вам не кажется, что какой-нибудь очернитель захочет представить это дело в ином свете? Какой-нибудь доморощенный Шерлок Холмс, насмотревшийся детективов?

– У нас таких не водится, – успокоил его Майор. – Ни в штате, ни за штатами. Что же до очернителя... тут одной краски мало: нужны доказательства. А налицо....

– А, вот, кстати: что налицо? На лице, то есть?

– Не беспокойтесь: работали профессионалы. Судмедэксперту нечего там делать даже с микроскопом. Да и он – дядя с пониманием. Потому, что «все кушать хотят».

– Слава Богу... то есть, Вам, конечно, Майор.

С выражением облегчения на лице Застройщик откинулся в кресле.

– Вы видите на моём лице чувство удовлетворения, пусть и неглубокого?

Майор пригляделся к чувству – и увидел его, хоть и действительно неглубоким.

– Почему же я не вижу его на Вашем лице? Неужели – рецидивы советского воспитания? В виде остаточной совести? Так сказать, атавизмы тоталитарного прошлого?

Майор и хотел бы принять шутку – да не смог. Хотя в обращении с Застройщиком это действительно рекомендовалось. И не кем-то: самой жизнью. Но Майор смог вывести на лицо лишь некое подобие кислой улыбки. Даже полноценно кислой не получилось. По части упрёков «от лица демократии» Застройщик был прав. И шуткой его слова были отчасти: принципиальный во всём, Застройщик и шутил принципиально. Несмотря на абсолютную беспринципность.

Майор действительно не был сторонником «радикальных методов коррекции асоциального поведения индивидуума». (Столь тактично он определял то, что другие «в лоб» называли «крайними мерами»). Но теоретическое неприятие «служебного радикализма» не могло и не должно было мешать делу. И, существуя лишь на уровне оценочных суждений, оно и не мешало ему. Так, что обвинения в святости Майору не грозили. Потому, что такое обвинение – сродни приказу о неполном служебном соответствии. С перспективами на увольнение «за совершение проступка, порочащего звание сотрудника милиции».

Нет, Майор был настоящим милиционером. То есть – милиционером «практикующим». И, как настоящий и «практикующий», он не мог чураться нормальных методов оперативной работы, в простонародье некорректно именуемых шантажом, фальсификацией доказательств, запугиванием и физическим воздействием. Пусть и не свято, но он «исповедовал» этот традиционный набор оперативного работника. В конце концов, он выполнял важную и благородную задачу: обнаруживал и изобличал преступников. А что до методов... Так за это спрос не с него: с жизни.

Но, вот – эксцессы... К эксцессам он не стремился. В силу двух причин. Первая: это не соответствовало его эстетическим воззрениям. Как ни странно, в милиции тоже водятся эстеты. Правда – исключительно как вымирающий вид и живое ископаемое. Майор был человеком деликатным. Можно даже сказать – ранимым. В глубине души. Очень глубоко. Это, конечно, мешало работе – но ничего поделать с собой он не мог. Хотя и пытался. Практически ежедневно. При «содействии» «добровольцев».

Вторая причина: эксцессы представлялись ему следствием приверженности штампам в работе. Они всегда свидетельствовали либо о собственном непрофессионализме, либо о профессионализме «объекта работы». Первое – значительно чаще. Как человек творческий,

Майор решительно отвергал подобные методы. Исповедуя их, оперативник как бы расписывался в творческой импотенции. Потому, что «оптимизировать» «клиента» может каждый дурак – без погон и диплома.

Правда, «крайние меры» нередко вызывались исключительными обстоятельствами. Чаще всего – дефицитом времени и средств. Это – не в оправдание Майору: как профессионал работы с человеческим материалом, он не нуждался в оправдании.

Но сегодня был, как раз, такой случай, когда «до кучи» собрались все отрицательные нюансы. В результате на одну чашу весов легли перспективы ЧиЗа, а на другую – его собственные. Усматривать здесь выбор не стал бы и дилетант. Вопрос типа «Как быть?» в данном случае являлся бы оскорблением здравого смысла. Хотя бы потому, что ответ имелся ещё до постановки вопроса. И ответ – единственно возможный. Почему и вопрос становился лишним. Наличие мозгов при отсутствии так называемой «души» являлось дополнительным основанием для того, чтобы не только снять вопрос с повестки, но и не включать его в неё.

Здравомыслие не препятствовало минору «снимать угол» в душе. На паритетных началах: минор не препятствовал точному и безукоризненному выполнению приказа. В классической редакции: «Я всего лишь выполнял приказ!» Поэтому «остаться без сладкого» по причине «уксусного лица» Майор не боялся: он знал себе цену. Ту, которую назначил ему Застройщик. И тот не замедлил с положительной оценкой. Буквально. То есть, взял – и положил её перед Майором. Оценку. В конверте.

– Это – тебе. В качестве премии за хорошо выполненную работу.

Дав Майору возможность насладиться зрелищем не каждого дня, Застройщик тут же «извлёк из-за пазухи» традиционную ложку. И – явно не для того, чтобы зачерпывать нею мёд.

– За труды спасибо, конечно, но кассетку – вынь да положь. Откуда хочешь, вынь – а вот сюда положь.

И он шлёпнул ладонью по столу.

– Эксклюзивного характера этой кассеты никто не отменял. Эксклюзивного в плане круга зрителей. Та, пустая кассета, что вы обнаружили в камере ЧиЗа – это для среднестатистического милиционера. ЧиЗ – не из тех журналистов... был... кто экономил ленту. Значит, пустая кассета отработывала за полную. Для предъявления «тупым мусорам». Чтобы «забить Мике баки». И «забили» бы, если бы на месте «стандартного Мики» не оказался ты. Твои-то «орлы» «схавали» за милую душу.

От квалификации действий «среднестатистических милиционеров» Застройщик решительно перешёл к просьбе. А чтобы Майор не подумал, что это ему показалось, Застройщик добавил просительности и во взгляд.

– Найди её, Майор. Ведь... как это: «нам нужна всего одна победа, одна на всех...» Потому, что... ты же знаешь...

Он сделал выразительную паузу – и многозначительно завершил плагиат:

– «... мы за ценой не постоим!» И в этом ты можешь не сомневаться! Подумай: всего одна победа – а мы за ценой не постоим?! Стоит овчинка выделки?

– Стоит, – усмехнулся Майор. – Безусловно, стоит.

– Значит, я могу рассчитывать на тебя?

– Вполне.

– И?

– Сделаем.

– «Сделаем» или есть мысли?

– И «сделаем», и есть мысли.

– Давай их сюда!

– Даю: надо проследить весь маршрут «клиента». От объекта и до места, где мы его взяли. Задача: проверить все возможные места «закладки».

– Гениально! Конгениально! – Застройщик продолжил заимствования уже из другого источника.

– Если он и спрятал кассету, – вдохновлённый поощрением, уже живее продолжил Майор, – то лишь на точке маршрута. Варианты исключены. Это – первое.

– А есть и второе?!

Похоже, Застройщик решил не экономить на дифирамбах: таким «наградным» было его удивление.

– Есть: мобильник.

– При нём был аппарат?

– Нет, но мы уже работаем в этом направлении.

– Нет – но был? – догадался Застройщик.

– Убеждён, – Майор и голосом соответствовал тексту. – ЧиЗ был на задании – а «какой моральный человек» идёт на задание без связи?

– «Пожертвовал городу»?

– После звонка. За ненадобностью и по причине личной «тёртости».

– Благодарю за службу, Майор!

Застройщик не поспешил на лучезарный взгляд.

– Действуй! И без промедления. На всякий случай, я тебя подстрахую: зашлю людей на объект. Чем чёрт шутит: а вдруг она – там?

– Вам бы «опером» работать... – качественно потупившись, не остался в долгу Майор. Он умел работать не только руками и не только по «объекту воспитания», но и по начальству. – Хотя, не дай Бог: мы бы остались без работы.

Вторая порция лести оказалась сродни «контрольному выстрелу». Ведь давно известно: ничто не греет душу «нового русского» так, как простая доступная лесть. Посему душа Застройщика – если она у него, конечно, была, что сомнительно – немедленно согрелась. А, согревшись, выдала на лицо текст. Примерно такого содержания: «Я нравлюсь уже тем, что не стараюсь понравиться. Для этого я слишком горд. А уже для этого – слишком богат, пусть даже и богатства не бывает слишком». Как бы там ни было, Застройщик не остался в долгу. И не только потому, что «кукушка хвалит петуха...» – а петуху, как джентльмену, не пристало быть в должниках.

– Попомни моё слово, Майор: не засидеться тебе в Заместителях! А моё слово, как ты знаешь – вещее! Ну, а пока, извини, тебе не засидеться у меня. За работу! И пусть тебя вдохновляет на подвиги светлый образ... ещё одного конверта! Верю: ждёт нас удача. И помни: «там, где двое или трое собрались во имя Мое – там и я с ними!» Ну, ты понял: я – на связи...

Поняв не только это, но и то, что несколько засиделся – особенно после того, как это дали понять – Майор быстро поднялся со стула.

– Да, кстати, – донеслось ему уже в спину. – Наш бравый Полковник, кажется, вышел на след одного из Правдоискателей. И, кажется, выходит на след второго. Так сказать, «глокая куддра кудланула бокра, и кудрячит бокрѣнка»...

Глава шестнадцатая

Полагающимся ему по должности внутренним чутьём – дополнительно к внешнему – Майор понял, что работу следует начинать не с конца, а с начала. Вопреки классическим рекомендациям. И началом было... начало. Начало предполагаемого маршрута журналиста. Поэтому рассвет ещё не наступил на оперативную группу – а она уже была на объекте. Во главе с Майором.

Руины впечатляли. Особенно – работой в тандеме с прочими рукотворными, а также природными декорациями. Помимо обязательных сумерек – за неимением полноценной темноты – впечатлению старательно подрабатывал тусклый, почти «загробный», свет одиночных ламп накаливания.

– Здесь можно искать до морковкина заговенья, – «оптимистично» констатировал один из членов команды. – Целые горы битого кирпича и бетонных обломков...

– Да, основательно потрудились «товарищи», – вынужден был согласиться Майор. – Уже – по нашим товарищам...

Глаза его – глаза героя классического триллера – начали медленно скользить по объекту, перескакивая с одной кучи мусора на другую.

Скользить можно было до бесконечности: ничто «не цепляло» взгляд. По сюжету, это должно было немедленно угнести присутствующих. После продолжительного надругательства над нервами зрителя, Майора же, напротив, должно было «внезапно осенить». И он не подвёл сюжет.

Конечно, не тотчас по окончании «надругательства над зрителем», а чуть позже. После скрупулёзного анализа обстановки. «Осенение» совместно с «озарением» подвигли его к пониманию того, что тут произошло, и как следует действовать дальше. Проще говоря: он реконструировал события – а события реконструировали его мозги.

Как только обоюдная реконструкция состоялась, Майор сделал шаг вперёд.

– Все мы – не новички в своём деле. И все мы по опыту своему знаем, что чаще всего делает умный преступник.

С раздачей дифирамбов Майор несколько поторопился. Судя по выражению лиц его подчинённых, они не были готовы поделиться знанием о действиях умного преступника. Видя это – и не видя то, что хотел бы увидеть – тактичный Майор не стал топтаться на самолюбии товарищей сверх норматива.

– Умный преступник всегда прячет улики на видном месте. На самом видном месте. На том, на которое, находясь в здравом уме, не обратишь внимания. Расчёт при этом делается на то, что «тупые» сыскари – а других быть не должно – работают по «шаблону». Они обязаны полагать, что самым надёжным местом сокрытия улик являются тайники. Те, которые располагаются в потаённых местах, известных даже любителю детективов.

Оперативники слушали внимательно, но безучастно. Как практики, они были не склонны к теоретизированию. Поэтому слова Майора они принимали за неизбежное вступление, за которым неизбежно же последует ясный и простой приказ.

– Но есть и другая точка зрения на предмет.

«Опера» совсем заскучали: кажется, они не ошиблись в предположениях.

– И она гласит: «Подальше положишь – поближе возьмёшь!» Отсюда – какой вывод?

Попасть вопросом хотя бы в одного товарища по работе Майор не успел: все «рассредоточились». Поэтому на свой вопрос ему пришлось отвечать самому.

– А вывод – такой: иногда «шаблон» – самое оригинальное решение.

Сродни домашней заготовке в роли экспромта. Здесь всё время было слишком людно для того, чтобы спокойно прятать вещь. А уже потом, когда «начались бои», это и вовсе было исключено. Я понятен?

Как и ожидалось, Майор оказался понятен только в части сказанного – и не больше. Подчинённые мужественно хранили молчание, ожидая приказа. Скорбя в душе по поводу извечного неприятия толпой гениев, Майор вздохнул – и решил соответствовать ожиданиям.

– Ладно, слушай боевую задачу. Ищем профессиональную кассету для видеозаписи.

Не понадеявшись на слова, он продемонстрировал народу образец. Образцом работала та самая чистая кассета, которая была обнаружена в камере ЧиЗа.

– В контексте сказанного, начинаем не там, где нам хотелось бы, чтобы он быстро спрятал – а мы быстро нашли. То есть, не с этих куч мусора, а с подвала. С противоположного его конца. Почему, кто скажет?

Напрасно Майор сделал паузу. Потому, что «опера» давно уже решили, кто скажет. Предложение слова оказалось невостребованным – и вернулось к автору.

– Потому, что если наш герой уходил подвалом, то он должен был находиться подальше от «поля боя». Я бы, например, поступил так же.

– Все бы поступили так же! – дружно поддержали его несколько голосов.

– Не в смысле «подальше от поля боя»! – немедленно дистанцировался от подчинённых Майор, чем даже сумел вогнать их в краску. Потому, что склонности к проявлениям героизма в его подчинённых было ещё меньше, чем в нём самом. – Вопросы?

После такого конфуза «вопрос о вопросах» был не актуальным.

– Тогда – за дело!

Нехватку головы на плечах сотрудники, как всегда, компенсировали другими частями тела. Как всегда, при выполнении приказа они не жалели ни рук, ни ног. Но, если раньше они не жалели их при работе с «объектом», то теперь пришлось делать это несколько в ином смысле. Теперь они выполняли несвойственную им работу: искали. И не доказательства у «объекта работы»: лишь в таком плане они и понимали термин «сыскарь».

Но в старательности им нельзя было отказать и сейчас. Искали они упорно и долго. Не меньше двух часов: это только в кино герои демонстрируют чудеса «скорострельности». А в жизни надо «пахать» – и даже рыть. Носом. И не иносказательно. И нередко – вхолостую.

Но сегодня им должно было повезти. И не потому, что «везёт тому, кто везёт», а во исполнение приказа Застройщика, «ретранслированного» Майором. То есть, по куда более серьёзной причине. На исходе второго часа – а, может, и на восходе третьего – раздался торжествующий голос одного из «искателей»:

– Есть!

И действительно, в стене одного из отсеков было обнаружено некое подобие тайника, оборудованного на скорую руку. Это была простейшая ниша, «изготовленная» посредством извлечения из стены кирпича. В нишу была вставлена завёрнутая в носовой платок кассета – и «всё это дело» конспирировалось половинкой другого кирпича...

Юрист – а это ему звонил ЧиЗ по мобильнику – прибыл «на точку», едва рассвело. Но, полагая себя «ранней пташкой», он ошибался в самооценке. Поэтому ему пришлось, от души матеря конкурентов, отдавать им должное, которое он предпочёл бы оставить себе. Хуже того: ему пришлось видеть момент их торжества. По причине этого торжества кассета с бесценной записью была безвозвратно утеряна для торжества справедливости. Справедливости предстояло отныне торжествовать без неё... если – предстояло... и если – торжествовать...

– Вот она, родимая!

Ликуя голосом и лицом, Застройщик потряс в воздухе кассетой. Так, словно это и не кассета была, а шлем Александра Македонского, или, как минимум, Кубок мира ФИФА.

– Молодец, Майор! Готовь подполковничьи погоны!

Майор застенчиво поступился: так полагается в подобных случаях. И – не только по сюжету, но и по причине благоразумия: надо же сделать приятное боссу. Надо же показать, насколько приятна эта неожиданность. Конечно, говорить о том, что «Я не достоин», он не стал. А не то ведь, возьмут – и сочтут недостойным. Не сейчас – так когда-нибудь. По этой же причине он не стал говорить Застройщику и о том, что погоны уже не только заготовлены, но и нашиты на парадный мундир. И уж, тем более, он не собирался говорить о том, что «благодетель» мог бы и поторопиться с благодеянием. Не тянуть до сегодняшнего дня. Хотя бы – по совокупности прест... то есть, заслуг.

– Да-да, дружище!

Кажется, Майор не перестарался с демонстрацией застенчивости: впервые его производили «в дружище». И в демонстрации удовлетворения Застройщик не ограничился словом. За ним последовало и действие. В форме похлопывания Майора по плечу – настолько ощутимого, что это мероприятие правильнее было бы назвать избиением.

– Ты ведь знаешь: моя благодарность не знает границ. В пределах выделенных сумм... Кстати – о суммах.

Застройщик покопался в сейфе – и вскоре Майор был осчастливлен ещё одним конвертом, толщиной не уступавшим тому, первому.

– А представление мы с твоим Начальником послали в Министерство ещё две недели «тому, как».

Наверняка, в эту минуту экс-Майор корил себя за душевную чёрствость и неверие в порядочность начальства. А та, оказывается, иногда и в самом деле имеет место быть.

– Вместе «с нарочным» послали... Час назад Полковник звонил туда.

– ???

– Третьего дня Министр подписал приказ о твоём производстве в чин. Завтра приказ будет в управлении.

Майор – теперь, оказывается, уже Подполковник – быстро сообразил, что сейчас надо растеряться – и даже растрогаться. Что он и сделал без промедления.

– Спасибо.

И в благодарности своей он соответствовал ожиданиям Застройщика. Даже, не столько ожиданиям, сколько представлениям того о форме благодарности. Поэтому он был лаконичен – и где-то даже лапидарен. Всё это подавалось в упаковке из качественно дрогнувшего голоса и вовремя наворачнувшейся слезы. Навернувшейся, конечно, не вполне самостоятельно, но, главное, вовремя.

– Я же тебе говорил: «мы за ценой не постоим». Ведь и ты тоже не постоял.

Застройщик не был бы Застройщиком, если бы не держал за спиной... штатную ложку дёгтя. Не кистень – но тоже мало приятного.

В результате, хорошее настроение с Майора как рукой сняло. А он мог бы ещё поносить его. Ну, как тут было не воскликнуть – хотя бы глазами: «Зачем же – так? Да ещё – в такой момент? Никто же не отрицает факта, но ведь можно было найти другой момент и другую форму!»

Но это было всего лишь начало. И Майору-уже-Подполковнику об этом предстояло узнать немедленно.

– Кстати, вместе с этой приятной вестью Полковник сообщил мне и другую...

Застройщик обрушился всей массой своего взгляда на Майора-уже-Подполковника. Задавленный нею, тот понял всё. И сразу же.

Но Застройщик явно не собирался удовлетворять одним только его пониманием. Тем более, таким скоропостижным. И он явно не был расположен к лаконизму.

– ... Только что оперативно-следственная группа вернулась с одного места происшествия... Звонили, понимаешь, жильцы частного сектора. Сказали, что от одного из домов

дурно пахнет. Приехала «аварийная». Так и есть: от дома номер тринадцать – надо же, какое роковое совпадение! – сильно пахло – даже несло – бытовым газом.

Лицо Застройщика почему-то никак не исполнялось скорби, вроде бы, полагающейся по случаю.

– Вызвали участкового. Тот – местного слесаря. Вскрыли дверь. И как ты думаешь, что обнаружили за ней?

Догадываться было невыносимо для души Майора-уже-Подполковника. Поэтому она вынесла всё это на лицо. Поделилась, так сказать, по братски. В смысле: по-сестрински. Застройщик принял ответ – и «перестал размахивать пистолетом». «Прозвучал выстрел»:

– Тело хозяина, известного тележурналиста, ведущего программы «Человек и закон». «Подпольная кличка»: «ЧиЗ». Тело находилось в бесчувственном состоянии.

Майор-уже-Подполковник мужественно потерял мужество. Но это не спасло его от продолжения экзекуции.

– Вызвали милицию. Ну, и прокуратуру, разумеется.

Застройщик словно задался целью испытывать терпение «столовника». И не по причине склонности к садизму. Причина была другая – и очень даже уважительная: Застройщик хотел быть полностью уверен в своих «иждивенцах». А это можно было гарантировать только одним способом: отсечь пути отступления. Человек, который однажды свернул на сколькую дорожку «рыночных отношений», не должен уже сворачивать никуда больше. И правильно: цепи связывают людей куда сильнее, чем узы. Майор тоже понимал это, но легче ему не становилось. Утаптываемая душа, и без того давно уже работавшая шагреновой кожей, всё ещё подавала признаки жизни.

– Те приехали...

Застройщик сделал театральную паузу.

– Но... было уже поздно. Судебно-медицинский эксперт констатировал летальный исход. То есть, изошёл наш праведник – и улетел. И произошло это историческое событие часа за три до того, как дверь квартиры была взломана. Причину смерти установили быстро: помогли детали интерьера. В виде пустых водочных бутылок и остатков «закуси» на столе. Химики ещё не дали моего... своего заключения, но судмедэксперт «не отклонился от линии». Он «на глаз» прикинул, что содержание алкоголя в крови значительно превышает допустимые полтора-два промилле. Наш доблестный ЧиЗ подстраховался даже «на дорожку». То есть, если бы не было отравления газом, отравление алкоголем компенсировало бы его.

Поскольку Майор «не подавал признаков жизни», что вряд ли тянуло на соответствие призыву «храните гордое терпенье», Застройщик пришёл ему на помощь. В качестве филантропа от эвтаназии – того, который со шприцем в руках.

– Что случилось? Да ничего интересного: обыкновенная бытовая история. Никакой политики. Никаких криминальных разборок. Всё просто, как табурет: ЧиЗ недавно развёлся с женой. Сильно переживал по этому поводу. А тут ещё у него начались творческие разногласия с редактором по поводу верности демократии в программе.

Он почти скорбно вздохнул – как «продул шприц» перед инъекцией: «рукав объекта филантропии был уже закатан».

– А чем русский человек лечит горе? Станный вопрос! Вот и соседям, и коллегам ЧиЗа – таким же русским людям, как и он сам – вопрос тоже показался странным. Всё это, вместе взятое, и довело мужика до такого печального конца. Кстати, прокуратура считала так с самого начала. Ещё до выезда на место происшествия. Так что, сразу же по получению акта экспертизы будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Застройщик с видом неисправимого заговорщика прильнул губами к уху испытуемого.

– Скажу тебе больше: постановление уже готово. Мне только что звонил Прокурор: они не нашли признаков состава преступления – только пустые водочные бутылки... В общем,

брат, не только мы с прокурором оценили твой профессионализм, но и комар – тот, которому надо теперь точить нос где-нибудь в другом месте. Ты не зря получил свои погоны. И ещё...

В какой-то момент – момент крайнего неснесения пыток – Майор-уже-Подполковник мысленно сорвал погоны с плеч со словами: «Да подавись ты ими!» Но уже в другой момент, в тех же самых мыслях, он обеими руками хватался за плечи, ощущая на них приятную тяжесть пары дополнительных «звёзд». Душа в эфир так и не вышла. «Давиться» свежесобранными погонями милиционер предпочёл лично.

Убедившись в необратимости перемен, Застройщик «плеснул» на визави «елеем».

– Скоро – уже в следующем месяце – господин Полковник «уходят наверх», в область – замом Начальника департамента внутренних дел. Так вот, освободившееся место Начальника Департамента Внутренних Дел города...

Застройщик дешифровал совсем не требующую этого аббревиатуру торжественным голосом, как на параде: «К торжественному маршу... побатальонно... на одного линейного дистанции... равнение – направо, управление – прямо...».

– ... – твоё, господин Подполковник!

Экс-Майор вздрогнул от неожиданности: приложение к эполетам оказалось неожиданным.

– Пока – Подполковник. А через год-полтора – если наше сотрудничество будет столь же успешным, как и теперь – сделаем тебя Полковником.

В этот момент несчастный ЧиЗ приказал долго жить вторично. Уже – как светлый образ, который ушёл в спасительную для милиционера тень. Там ему и надлежало пребывать отныне и до скончания века... Майора-уже-Подполковника-будущего Полковника.

– Что скажешь?

– А что тут скажешь? – порозовел «предбудущий» Начальник ДВД. – Только одно: «Ваня, я – Ваша навеки!»

Румянец полностью овладел щеками Подполковника: жизнь продолжается, а доверие окрыляет. Не зря на Руси говорят: «Время лечит». Особенно – если и лечить нечего.

– И ещё одна новость на посошок...

Заинтриговав гостя, уже изготовившегося покинуть кресло, «Ваня» – он же Застройщик – немедленно соорудил из себя монумент. Этаким «комбинированным образ» пламенного революционера и скорбящего по товарищу бойца. Текст, разумеется, шёл в патетическом варианте, в сопровождении крепко сжатых кулаков. И правильно: оригинальный вариант с заламыванием рук присущ, скорее, мелодраме, чем патетике. «Не из той оперы».

– Вот ведь, в какие страшные времена мы живём! Дух наживы убил в человеке всё человеческое! Ты представляешь: какие-то подонки среди бела дня напали на беззащитного старика, который только что получил свою жалкую пенсию! Напали – и подвергли знакомству! И, ладно бы – с собой: со стальной арматурой! Ну, той, что применяется в строительстве...

Физиономия только что присягнувшего на верность Подполковника благоразумно «исполнилась кирпичом»: намёк на источник «подручных средств» был слишком прозрачным. Впечатлял и «невинный» тон Застройщика.

– ... И «знакомились» -то, как, мерзавцы: исключительно по голове! Профессионально «знакомились»! В ближайшем же проходном дворе, куда эти изверги «пригласили» несчастного старика!

Скорбь так и хлестала из Застройщика – ну, как кровь из раны.

– И? – постарался соответствовать моменту Подполковник, выдав на лицо все резервы обывательского равнодушия.

– И бригада «скорой помощи», этой нашей черепахи, которая, как известно, не летает, констатировала то, что и должна была констатировать. Ну, правильно: не летать – так, хоть

констатировать хоть что-нибудь «летательное»... Словом, был дед – и нет. И пенсию забрали. И – с концами... Никаких зацепок... Хорошо, личность потерпевшего удалось ещё установить.

Что тут было хорошего, свежееиспеченный Подполковник давно уже уразумел.

– Думаю, что сделать это не составит труда и для меня: Правдоискатель Иванов?

– Быть тебе полковником! – ткнув в него пальцем, воскликнул Застройщик. – «В самую центру попал»!

«Монумент» уже давно осыпался – и в глазах Застройщика всюду плясали чертенята. Он и «в мирное время» был не охотником до лирических отступлений, а сейчас – тем более, и только в случаях острой производственной необходимости.

– К слову: Полковник лично осмотрел вещи убитого и обнаружил несколько ценных... и даже бесценных – бумажек...

– ... которые выведут нас на след Правдоискателя Петрова, – закончил вместо него Подполковник, изо всех сил давя из себя мажор. Уже – в соответствии с новой «оперативной ситуацией».

– Ну, брат: не зря я тебя рекомендовал на должность, – совсем уже перестал «скорбеть» Застройщик. – Не зря. Не сочти за лесть – я подчинённым не лъщу принципиально – но ты выше Полковника. В Полковнике я ценю его связи. Но работу ты знаешь лучше. Да и думаете вы из разных источников: он – инстинктом самосохранения, ты – головой. Он – «тварь дрожащая», всего лишь пытающаяся «иметь право». А ты его имеешь, и не дрожа. И опыта у тебя больше. Не холуйского – здесь ты ему не конкурент: опыта практической работы. И идеи у тебя – всегда под рукой. И, потом...

Он перестал давать чувство – и дал усмешку.

– Ты только не обижайся... но ты ещё не окончательно потерянный человек. А в нашем деле этот совковый атавизм совсем не лишний... временами... Потому что это – последнее, что соединяет нас с народом, из которого мы когда-то вышли, и куда уже никогда не вернёмся. В оперативном отношении – качество, равное дедуктивным способностям... почти. За это – спасибо тебе, человеческий, ты, наш... от лица всех бесчеловечных!

Комплимент смутил. Но не в обычном порядке. Непонятно было, что это: упрёк, похвала или насмешка? Или – «три в одном»?

– Но, как гуманист – гуманисту...

Это было действительно смешно – и Подполковник рассмеялся. Ну, вот, не сдержался. Но его извиняло одно обстоятельство: когда шутить «изволят» начальник, смеётся даже тот, кто не смеётся с рождения.

– ... ты мне очень даже симпатичен, потому, что я и сам – такой. Симпатичный. И как одна творческая личность – другую, я тебя понимаю. Но для пользы дела я скажу тебе о том, о чём сегодня нужно думать.

– О Петрове?

– Нет: о себе! Всё остальное – это лишь материал, из которого мы лепим собственное благополучие... Поэтому, слушай приказ: думать о себе... и обо мне! Потому, что «ваши успехи – наши успехи». Потому, что твоё – это моё. Я понятен?

Разумеется, Подполковник не замедлил с демонстрацией понимания. Сантименты, которые сорняками прорастали в душе, приходилось рвать с корнями. А что делать? Когда даже розы не нюхают – можно ли думать о сорняках? Надо быть последовательным – как в верности новому, так и в отказе старому.

И потом: задача обретения себя – первейшая из задач человека. А для этого нужно искать себя. Нужно идти к себе. В данном конкретном случае, entschuldigen, Sie, bitte, не разбирая дороги. Тут, уж – как доведётся. В том числе – и по головам. Опять же: а, что делать? Самоотречься – так по полной форме! До полного самоотречения! Так сказать, «отряхнём

его прах с наших ног!»! Это – в смысле атавизмов коммунистического воспитания. Человек того будущего не мог состояться человеком этого настоящего.

А найти себя можно только одним способом: верностью принципам. Ну, вот один житель Багдада из самых низов прошёл в визири, твердя, вопреки очевидному: «В Багдаде всё спокойно!» И Подполковнику не следовало изобретать велосипед: «Начальство всё знает – и знает лучше нас!» Единственное, что требовалось, помимо демонстрации верности принципу: творческая инициатива. В русле следования принципу. То есть, «горение», «боление» и прочие «души прекрасные порывы». Даже, если они – совсем не прекрасные. И даже, если и души не наблюдается. В крайнем случае, всё это следовало замещать качественной имитацией.

– Ну, а сейчас отдыхай, Подполковник.

Застройщик оценил демонстрацию «иждивенцем» верности долгу в новой редакции.

– В контору можешь не заезжать. Как уже сказано – и не мной: «Всему своё время...»

А подвиги от нас никуда не денутся...

Глава семнадцатая

– Шеф, Вам звонят из областной администрации.

Молоденькая красавица-секретарша, совмещающая в конторе несколько должностей – и не только по приказу – заглянула в кабинет. Ввиду неоднократно оказанных Застройщику «услуг дополнительного характера» – из числа не предусмотренных должностной инструкцией – она считала себя вправе иногда отважиться на подобную вольность.

– Давай его сюда!..

– ...Слушаю тебя, Губернатор... Да, ничего. Как говорится, твоими молитвами... У тебя другие сведения?.. Если не секрет?.. Ах, вот оно, что...

По лицу Застройщика пробежала тень. Нахально, без санкции на пробежку.

– И сколько там подписей?.. Могу я получить копию?.. Очень хорошо. Нет, ты не волнуйся: я со всем этим разберусь. Сам. И в кратчайшие сроки... Так что, ответ граждане получат вовремя. С бесплатным приложением... Значит, я подсылаю к тебе человечка?.. Ну, кого: ЗЗ, конечно... Бывай.

Положив трубку, Застройщик врезал по кнопке селектора – или, как с недавних пор стали называть это устройство: «офисная мини-АТС».

– Зайди ко мне.

Кабинет ЗЗ был напротив кабинета Застройщика – поэтому уже спустя десять секунд фигура Заместителя выросла на пороге. Но выросла как та карликовая берёза на Севере: стволом во все стороны. В основном – сверху вниз. Потому что инстинкт самосохранения – не привилегия растительного мира. Словом, вырос правильно – хоть и неправильно.

Выказав «правильный» рост, ЗЗ благоговейно миновал порог – и почтительно замер у двери. Не своим хотением, но Застройщиковым соизволением: предложения стула не последовало.

– Поезжай в областную администрацию, – без предисловий распорядился Застройщик. – Возьмёшь у его референта копию одного документа.

– Какого именно?

– Жалобы на нас с тобой. Коллективной. К сожалению, не той, которой грозился персонаж комедии, а самой настоящей. От жильцов известных тебе домов.

ЗЗ начал стремительно группироваться. Ну, так как это рекомендуют делать в самолёте при аварийной посадке. Он уже понял, что сейчас неизбежно последует извержение и «где-то даже» матопад. Он был бы рад ошибиться, но Застройщик не дал ему ни единого шанса.

– Я ведь тебя просил! Я ведь тебе ещё три дня тому назад поручил отработать жильцов! И что в итоге? Ни хрена не сделано! Более того: массы «протекли» в администрацию! Да ещё с угрозой, что, дескать, если вопрос не решится на месте, то они обратятся в Администрацию Президента!

За извержением слов последовали огненные сполохи. Из глаз Застройщика – прямо в лицо ЗЗ. Но, умело сгруппировавшись, тот удачно сократил площадь обстрела. Сейчас, глядя на ЗЗ, не один конструктор летательных аппаратов позавидовал бы его обтекаемым формам. Но, и группируясь, ЗЗ предусмотрительно не забывал демонстрировать замешательство. Для того чтобы доставить приятное начальству. Начальство ведь у нас любит смятение подчинённых. Любит, когда разнос – не вхолостую.

– Мы уже практически закончили подготовку, шеф, – «ссыпав с себя окалину», доложил ЗЗ. – Ты же сам поручил сначала выяснить подноготную активистов.

– И?

– Выяснили, конечно.

– И?

– Косметический ремонт подъездов. Ремонт канализации. Замена труб отопления. Ну, и тому подобное... Короче, по мелочам. Смету расходов мы уже составили: копейки. Для самых горластых припасён «убойный» довод в виде погашения долгов коммунальщикам и устройства модных пластиковых окон. С коммунальщиками я уже договорился: за ними, как ты знаешь – должок. Уже перед нами. И немаленький.

– И они пошли навстречу консенсусу?

– Не то слово: побежали.

«Артобстрел» закончился. Для порядка Застройщик хотел ещё немножко похмуриться, но «кончился завод».

– Ну, это – другое дело. Когда думаешь начать?

ЗЗ рискнул улыбнуться.

– Уже начали, шеф.

Он посмотрел на часы.

– Час тому назад. Мои люди уже доложили о прибытии на место.

– А когда думаешь закончить?

– К концу недели.

Застройщик нервно забарабанил пальцами по столу.

– Но ты понимаешь, что теперь эта работа – не на упреждение, а вдогонку!

Он задумчиво уставился в окно. Увы, не для того, чтобы кто-то в этот момент восхитился по его адресу старорежимным «... И вдаль глядел...». Ну, вот, не то было настроение. Не философское.

– Опередил нас Геолог...

ЗЗ не был бы ЗЗ, если бы немедленно не «извлёк из заначки припасённый бальзам».

– Ну, не принимай близко к сердцу, босс. Не о чем сожалеть.

Публика, по информации наших людей – не только кондиционная, но даже очень кондиционная.

Застройщик «вернулся» в кабинет.

– Ладно, поезжай... И имей в виду, что теперь придётся отбирать у жильцов заявление об отказе от подписи. Кстати, продумай текст и заготовь «болванки». Потому, что «ковать железо» придётся по месту жительства.

ЗЗ послушно кивнул головой и поспешно удалился. А Застройщик подпёр рукой подбородок и покосился на телефон. Но, как оказалось, телефон покосился на него ещё раньше.

– Слушаю... А, ты, Подполковник. Рад тебя слышать... Да, сию на стуле...

Застройщик иронически хмыкнул.

– А, что: новость – из разряда сногшибательных?.. Не бойся, «сшибай»: я бы упал – да некуда... Что?

Застройщик в раздражении отдернул ухо от трубки.

– Ни хрена не слышно! Что за связь!

Он переключился на «спикерфон».

– Повтори ещё раз!

– С телефона журналиста, зарегистрированного на его имя, звонков в интересующий нас промежуток времени сделано не было... Я говорил тебе, что он мог выбросить аппарат за ненужностью?

– Ну, говорил, не тяни резину.

– Его мобильник мы не обнаружили ни при нём, ни у него дома.

«Освежая» память Застройщика, Подполковник ещё немного «потянул резину».

– Мы искали не то: я ошибся.

– Взыщу!

– Вернее, он поступил иначе...

– Отменяю взыскание. А «иначе» – это как? Позаимствовал аппарат «у дяденьки»?

– Да.

– И кто у нас «дяденька»?

– Геолог.

– Жаль: неоригинально, – не удивился Застройщик. – Как ты дошёл?

На том конце хмыкнули.

– Мы с тобой исходили из того, что кассету он с собой нести не мог. Значит, где-то спрятал. Но возвращаться за ней лично он не собирался: дураков нет.

– Ну, это – само собой.

– Значит, должен был кому-то позвонить и дать координаты. Но, если не было зарегистрировано звонков с его мобильного – значит, воспользовался чужим. Поэтому я решил проверить все звонки, сделанные в интересующий нас промежуток времени.

– Ра – бо – та! – медленно протянул Застройщик. Иногда он мог оценить не только результат, но и объём. – Это ж, сколько информации надо перелопатить!

– Ошибаешься, брат! – хмыкнул в трубку Подполковник. Впервые он отважился на такую фамильярность. Объяснение – простое: совместное прошлое, «отягощённое» производством в чин, выводило их отношения на более высокую ступень доверительности. То есть, опускаясь до Застройщика, он поднимался до него. Рос, так сказать. Над собой – пусть и вниз. Никаких парадоксов: жизнь.

– Мы ведь исходили из того, что звонок он сделал, уже находясь в пути?

– Ну?

– Взяли мы его у дома. Поэтому нам оставалось только рассчитать время в пути от объекта до дома плюс-минус пятнадцать-двадцать минут. То есть, объём проверки сокращался до минимума: сорок пять-пятьдесят минут «эфирного времени». Согласись, что это не так уж и много. Вот, если бы мы начали «отрабатывать» весь тот день – тогда другое дело... Тогда я тебе сейчас бы ещё не звонил.

– Молодец, Подполковник. Кстати, ты ещё не «обмывал» свои погоны?

– Нет. Пока не до этого было.

– Ну, вот и давай нацелимся на эту субботу.

– Да я...

– Не суетись, Подполковник.

Застройщик понимающе усмехнулся, верно истолковав заминку «на том конце провода».

– Всю организационную сторону я беру на себя. От тебя требуется лишь доставить на место глотку и брюхо.

– Будет доставлено, босс, – смущённо хмыкнул Подполковник.

– Но, я до сих пор не упал со стула...

– Ну, тогда держись крепче – и обеими руками. Готов?

– Готов!

– Мы установили не только текст сообщения, но и получателя.

– И?

Пауза. – Ну?!

– ЗЗ.

Паузу от Подполковника Застройщик дополнил второй – от себя.

В трубке «послышалось» молчание. И – куда менее оптимистичное, чем «не слышны в саду даже шорохи». Не «шуршал» Застройщик чисто «по технической причине»: у него отвисла челюсть. Жизнь научила его не изумляться самым невероятным вещам, но сейчас он «не устоял перед соблазном». Потому что эта «вещь» была самой невероятной из тех, что ему предлагали к изумлению.

– А ошибка?

Застройщик по традиции «ухватился за соломинку».

– Увы...

«Соломинка» не выдержала испытания и обломилась. Честно говоря, Застройщик и сам не верил в прочность этой «конструкции», и «хватался» исключительно «для порядка».

– Проверили и перепроверили: аппарат зарегистрирован на имя ЗЗ.

Правда...

– Что?

– ... несколько смутило то обстоятельство, что перерыв между этим звонком и предшествующим составляет несколько часов. Но потом я вспомнил, что у твоего ЗЗ – два мобильного. Он мог пользоваться только одним – вторым: села батарейка... забыл где-нибудь... или ещё что-нибудь в этом роде...

Застройщик долго молчал. Настолько долго, что Подполковник вынужден был «выйти в эфир» вне очереди.

– Ты не допускаешь мысли, что...

– Нет, не допускаю! Не допускаю! То есть, я допускаю, но только то, что ЗЗ мог переметнуться на сторону более состоятельного хозяина.

В этом отношении он – одного с нами поля... Такая же сволочь...

В былое время Подполковник возмутился бы отнесением себя к разряду «сволочей». Даже – за компанию с Застройщиком. Но сейчас промолчал: к тому уже имелись основания.

– ... Но чтобы он перешёл на сторону «идейных врагов»?! Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда! Текст – не мой, Чехова, но это – тот редкий случай, когда я согласен с другим... э...э...э... гением... Да, и потом: у ЗЗ нет никаких идей, а в нашей области нет более состоятельного хозяина, чем я.

Застройщик сознался в собственной значимости на удивление рядовым голосом. В рабочем порядке он не кичился ни миллионами, ни возможностями.

– Ну, я не настолько хорошо знаю твоего Заместителя, – «уклонился» Подполковник. – Здесь, как говорится, «тебе – и плети в руки». А я своё «петушиное дело» сделал: «прокукарекал»...

Опять наступила пауза: Застройщик явно обдумывал последствия «кукареканья».

– Ладно, спасибо... Ты действительно своё дело сделал: «прокукарекал»... Ну, а вопросом «наступления рассвета» займусь я сам...

ЗЗ вернулся через час, и сразу же, даже не заходя в свой кабинет, проследовал к Застройщику.

– Разреши?

– Докладывай!

– Докладываю: бумагу получил, людей сориентировал, работа идёт в соответствии с планом.

– Садись.

Хозяин кабинета мрачно кивнул головой на кресло.

– Такие, значит, дела...

Веселье моментально смыло – и смылось (сбежало) – с лица ЗЗ. Он пока ничего не понимал – кроме того, что ничего хорошего это вступление ему не сулит.

– Хреновые дела...

Застройщик то ли собирался с мыслями, то ли подбирал выражения, то ли доводил ЗЗ «до готовности».

– Что случилось? – не выдержал ЗЗ, по обыкновению относя все приготовления на свой счёт. Точнее, на счёт своей задницы.

– «Что случилось»?

Застройщик красиво повёл бровью. В манере незабвенного Леонида Ильича.

– Это я хотел бы узнать от тебя.

– От меня?!

ЗЗ, сам мастер притворства, был непритворно удивлён – и даже растерян. Он действительно не понимал, что происходит. Впервые за всё время их знакомства шеф позволял себе в его адрес какие-то странные намёки. Раньше всё было проще и понятней: обвинения – в лоб, вместе с матерками и взысканием. Иногда даже в ручной форме. Как говорится, «получи – и распишись в получении!»

– Н-не понимаю...

ЗЗ качественно дрогнул голосом – и даже художественно заикнулся.

– А я объясню тебе всё – если ты объяснишь мне кое-что.

– ???

– Где твой мобильник?

Застройщик едва ли не участливо смотрел на ЗЗ. Тот удивился искренне, не наигрывая.

– Мобильник? Вот!

И он извлёк из внутреннего кармана пиджака маленькую трубку.

– А был ведь ещё и второй?

– Второй?

– Да, второй? У тебя ведь их, согласно оперативным данным – два?

Ссылка на оперативные данные «подкосила» ноги ЗЗ даже на стуле.

– Второй...

Дрожащими руками он охлопал себя по карманам.

– Тьфу ты!.. Щас!

И с этими словами ЗЗ сорвался с места, даже не спросив разрешения. Через полминуты он вернулся, потрясая зажатой в руке трубкой. Даже, не столько потрясая, сколько дрожа рукой.

– Вот!

Трубка легла на стол перед Застройщиком. Мягко, вежливо и почтительно. Так, как и полагается трубке подчинённого.

– Позавчера села батарейка.. Ну, и я оставил её в кабинете. А сам пользовался только вот этим...

Он хлопнул рукой по карману, в котором лежала вторая трубка.

Застройщик повертел в руках аппарат и попытался набрать номер.

На дисплее появилась надпись, извещающая о невозможности сделать это.

– Странно... Кто присутствовал при этом?

Он пока не спешил расставаться с недоверием. И правильно: даже, если оно и не подтвердится, лучшего мобилизующего средства для подчинённого и не найти.

– При чём?

– Ну, при том, что ты обнаружил, что батарейки разряжены?

ЗЗ на мгновение забылся – и скорчил уморительную рожу. А должен был корчить совсем другую, более соответствующую обстановке.

– А я помню? Скажешь, тоже... Ты же знаешь, что мой кабинет – это проходной двор: меньше трёх человек одновременно в нём не бывает! Так что видеть мог, кто угодно – в том числе, и ты!

Это было неслыханно! В том смысле, что прежде Застройщик такого от ЗЗ не слыхивал. Но взыскивать за дерзость не по чину он передумал: Заместитель был прав. На такой вопрос и сам он вряд ли ответил бы иначе. Но вопрос-то оставался! Без ответа!

– Не мог кто-нибудь воспользоваться твоей «трубой»?

– Зачем?!

Удивление ЗЗ было искренним: другой реакции подобный вопрос в их среде и не заслуживал.

– У каждого из наших с тобой знакомых есть свои аппараты. И «покруче» наших. И не в единственном числе. Зачем им неработающий мобильник – тем более, «такой»?

– Логично.

Тяжёлый сердцем, Застройщик и ладонь на стол опустил тяжело. Оставалось одно: «гвоздить» ЗЗ «открытым текстом» – и «прямо в темечко».

– Но дело в том, что на твой мобильник был сделан последний звонок от журналиста.

ЗЗ не сразу переварил намёк. И челюсть у него отвешивалась слишком медленно для того, чтобы он тут же вышел с текстом. Ответная реплика не состоялась – и, спасая диалог, Застройщик вынужден был снова взять слово:

– В нём содержалась просьба забрать кассету. И именно там, где её и нашёл Подполковник. Что скажешь на это?

В отличие от предыдущей информации, это уже был вопрос. И на него следовало отвечать. Поэтому ЗЗ не оставалось ничего другого, как взять себя в руки. В противном случае его могли взять в руки другие.

«В процессе» он не забыл укорить Хозяина – и не только взглядом:

– И ты решил, что я – в сговоре с журналистом?!

Никакой – и ничей – взгляд не мог смутить Застройщика.

– Это не я так решил, а Подполковник... И не решил, а всего лишь предположил. В порядке рабочей версии. И у него были все основания для этого. А что он мог ещё подумать?

– Подполковник?..

ЗЗ часто-часто задышал. От обиды. Поэтому и оказался неоригинален. В духе «Сам дурак!»

– А не ему ли звонил ЧиЗ? А что тут такого: он в эти дни тоже появлялся в моём кабинете! Запросто и без приглашения! Мог даже зайти и без меня! А?

– А потом устроил своему другу проводы «в страну вечной охоты»? Это – вместо того, чтобы сымитировать побег, а самому остаться «со следами насилия на лице, так же, как и жертва нападения неизвестных»?

Застройщик приоткрыл веки – и мрачная ирония хлестнула из его глаз. Это возымело действие: обличительный пафос ЗЗ моментально иссяк.

– Ну, хорошо, хорошо... Я погорячился... Не он... Но и не я... Мне-то какой резон от этого альтруизма? Ладно бы, кто-то предложил разом взять хороший куш – такой, что мне и не снился...

– И ты бы взял?

– И я бы взял, – ничуть не смутился ЗЗ.

– И продал бы меня?

– Ну, зачем такие слова? – корректно усмехнулся ЗЗ. По минимуму. – Ты же знаешь: в нашем мире присягают на верность только одному товарищу: деньгам. Смена реквизитов владельца не меняет текста присяги. Следовательно – никакого клятвопреступления.

– Вот теперь я вижу, что это – действительно не ты!

Застройщик очевидно успокоился.

– Только потому, что таких денег тебе никто не предложит: я уже предложил их тебе. И предложил «с запасом»!.. Но ведь кто-то воспользовался твоим аппаратом! А всё – эта твоя «совковая» разболтанность! Всё – твоя привычка бросать вещи, где попало! И не только мобильник, но и ежедневник, и документы! И двери кабинета ты никогда не запираешь на ключ! И сейф твой... На нём не хватает лишь транспаранта «Добро пожаловать!»

– Да я...

– А наши недруги за некоторые бумажки с твоего стола... ну, не отдали бы полжизни – тут я с Жегловым не согласен – но заплатили бы, не скупясь!

Подвергаться «артобстрелу» из глаз Застройщика было уже нестерпимо – и ЗЗ открыл гнездо для батареек. Для того чтобы «спрятаться там» и хоть чем-то занять дрожащие пальцы.

– Моя... Старая... Нерабочая... Я тогда поленился выбросить... Значит, кто-то поставил новую, позвонил, затем вернул на место вот эту – и опять подбросил мне трубку? Зачем такие сложности? Кому это понадобилось?.. Прямо – шпионский детектив какой-то...

Застройщик огорчённо покачал головой.

– Шпионский, не шпионский, но у нас в конторе работает враг...

Ну, не работает, так бывает. И ещё ясно, что он вхож в твой кабинет. Хотя – кто только не вхож в твой кабинет! Не кабинет, а проходной двор! Деревенская завалинка – подходи и устраивайся!

ЗЗ сконфуженно потупился: в таких случаях целесообразнее всего переждать момент «высочайшего гнева».

– Кто он? Кто?

После безуспешной попытки «угрызть» взглядом ЗЗ, Застройщик раздражённо забарабанил пальцами по столешнице. Сгруппировавшись по максимуму, ЗЗ терпеливо ждал окончания процедуры. И дождался. Отведя душу – в формате «а ля рюсс» – Застройщик, как штыком, «приколол» взглядом ЗЗ.

– Немедленно, прямо сейчас, подготовь мне список всех, с кем ты имел дело в последние три дня. Подними все дела, какими ты занимался за это время. Просмотри календарь, ежедневник, электронного помощника, подключи секретаршу, но дай мне список! И список «не для отмазки»: мне «туфта» не нужна!

Как ни хотелось ЗЗ делать этого, но он не посмел увернуться от «огнедышащего» взгляда Застройщика. Потому, что это требовалось обстановкой и должностной инструкцией. Потому, что именно сейчас ему нужно было заверить босса в готовности душу положить... заложить ещё раз, и закладывать её впредь столько раз, сколько потребует благодетелю. И поэтому он не только мужественно выдержал «испытание огнём», но и «вышел из него закалённым».

– Я – уже за столом, шеф...

Глава восемнадцатая

– Бабушка, а пенсия-то у Вас – большая?

Бабушка протекла глазами: в старости слёзы льются, как вода из крана. Для того, что вызвать их истечение, не требуется усилий. Да и репертуар был традиционный.

– Какая, там, пенсия, внученька?! С голоду не умереть – и тоне хватит! Экономлю на всём! Хлеба вдосталь не ем! Молочко уже и забыла, когда в последний раз покупала: жизнь-то – вон, какая, пошла... А тут ещё – долги за квартиру... Как рассчитываться – ума не приложу...

– А что же Ваши соседи?

Бабушка обречённо махнула рукой.

– Они сами едва концы с концами сводят – куда, уж, тут, ещё кому-то помогать...

– А эта Ваша... Инициативная группа... Что она?

Девушка задала вопрос, словно невзначай. Так – между прочим. Но глаз её при этом явно «находился на задании».

– Или они только говорить – мастера?

– Точно!

Слёзы на морщинистом лице моментально высохли: тоже – отличительная черта старости.

– Подбили людей, бросили их под дубинки – а сами в кусты!

– Абсолютно с Вами согласна, бабушка. Ну, а как же это?

Девушка извлекла из сумочки лист бумаги и медленно, как в кино, развернула его.

– Что это, внучка? Не вижу?

Старушка одним наитием уже почуяла интерес к своей персоне, «грозящий» неясным пока вспомоществованием. Поэтому она моментально оживилась при виде невзрачного клочка бумаги.

– Заявление в администрацию области.

Серые глаза девушки уже не так очевидно лучились добротой и лаской. Излучению мешало присутствие «инородных включений» – типа укора и «где-то даже» льда.

– Губернатору. Тут и Ваша подпись имеется.

– Где?

– А вот!

Гостья поднесла бумагу вплотную к подслеповатым глазам старушки.

– Да, моя...

Старушка растерялась: лицедействовать за всю свою долгую жизнь она так и не научилась. Тем более, лицедействовать квалифицированно.

В отличие от той, кто сейчас задавала ей вопросы. Да и как было не растеряться: старушка вдруг поняла, что надежды на вспомоществование могут остаться всего лишь надеждами.

– Когда же это я её поставила, дай, Бог, памяти?

– Да, наверно, тогда, когда к Вам пришёл кто-нибудь из Инициативной Группы.

– Точно!

Старуха радостно всплеснула руками: может, всё-таки, ещё не всё потеряно?

– Учителка бывшая приходила. Которая всегда – заодно с этим... с Геологом...

Девушка ласково погладила её по руке.

– Вот скажите мне, бабушка – только честно: какая Вам от всего этого выгода? Вам лично? Ну, «учителка», как вы говорите, и этот Геолог решают какие-то свои вопросы...

– Точно! – вклинилась бабулька: вспомоществования уже вполне зримо маячили на горизонте.

– А Вам-то, Вам – простой русской женщине – какое до всего этого дело? Вы, что, за это миллионы огребёте?

Девушка-«агитатор» своё дело знала. Да и «включившаяся» старушка неплохо стала подрабатывать ей.

– Куда там, милая! Какие миллионы? Что ты?! На смерть бы набрать – и то уже, слава Богу...

– Так чего ж Вы за них держитесь? Они напаскудили – и в кусты! А Вам за них отдуваться?! Так, что ли?

Не в первый уже раз в истории человечества петух не успел трижды прокричать.

– Сволочи!

Бабулька решительно отреклась от вчерашних представлений о добре и зле, навязанных ей, разумеется, злокозненными «инициаторами», которые «преследовали исключительно свой интерес».

– Внушенька, милая, а что же теперь делать? Затаскают ведь?

– Могут и затаскать, – охотно подтвердила гостя, добавив «энтузиазму» хозяйке. Потом она на мгновение «задумалась». Даже обхватила подбородок рукой – так, как всегда полагается по сценарию подобных случаев.

– Кажется, я знаю, как Вам помочь...

– Помогите мне, милая! – взмолилась старушка. – Помогите, красавица!

«Красавица» – ну, красавица – не красавица, а девка, безусловно, симпатичная – ещё раз «поработала факиром», извлекла из сумочки пачку бумаги и отделила от неё несколько листов.

– Это – квитанции об оплате коммунальных услуг. Вот это – за отопление, электроэнергию и горячую воду. Это – за холодную и канализацию. Это – за газ. А это – за вывоз мусора. Здесь – вся Ваша задолженность за год. И платежи за текущий месяц – тоже.

– Да не может быть...

Молитвенно сложив руки на груди, старушка недоверчиво затрясла головой. Она не верила счастью: неужели не перевелись на Руси дураки?!

– Можете сами убедиться.

Девушка улыбнулась.

– Вот – суммы. Вот печати. Вот – подписи. Разве ваша Инициативная Группа способна на такое?

– Да куда, там!

«Отречение от старого мира» состоялось – и «соблазнительнице» можно было «выходить на коду».

– А ведь всё это сделал тот, против которого Геолог пытался настроить людей: товарищ Застройщик!

Хорошо ещё, что Застройщик не слышал, как тут его обозвали, не то с ним непременно случился бы приступ.

– У, мерзавец!

Старуха подкрепила отречение потрясанием кулачками и плевком в собственный пол. В её, «очищенном от предрассудков» сознании, Геолог уже не являлся «товарищем». В качестве такового его заместил «благодетель» Застройщик.

– Тогда подпишите это.

И девушка протянула старушке половинку листа с коротким текстом.

– Что это такое, внучка?

– Встречное заявление в администрацию, в котором Вы отказываетесь от своей подписи в прежнем заявлении. У Вас ведь обманом выудили эту подпись?

– Конечно! – не моргнув глазом, соврала бабулька. И даже трижды перекрестилась: на Руси почему-то от века наиболее искренним и впечатляющим крестное знамение получается у лгунов и клятвопреступников.

– Тогда подпишите!

Радостно щерясь беззубым ртом, старушка аккуратно вывела свои каракули в указанном «агитатором» месте. После чего состоялся обмен «верительными грамотами» – к удовлетворению обеих сторон...

В большинстве квартир «бунташного» дома повторился тот же самый сценарий. С небольшими вариациями, в зависимости от характера «агитаторов» и хозяев квартир. Так как в большинстве своём хозяева исправно платили налоги и исправно же оплачивали коммунальные услуги, то к такому «человеческому материалу» применялись другие «меры воздействия»: от установки модных пластиковых окон до косметического ремонта подъездов.

И то, и другое делалось «не абы, как», а с соответствующим документальным оформлением! Народ должен был видеть, что всё это – не традиционное русское облапошивание «на предвыборный манер», а честная сделка по типу: «ты мне – я тебе». Люди у нас любят, когда с ними играют в открытую, даже если это – игра «закрытого типа». Народ у нас – простой. Он у нас завсегда боится обидеть кого-то отказом. И поэтому ему очень тяжело отбиться от всего, что суют в руки, да ещё денег за это не просят...

Квитанции об оплате коммунальных услуг выдавались в обмен на встречные заявления сразу – и взаимоотношения с этой категорией лиц исчерпывались полностью. Что же касается остальных, то установка окон и штукатурно-малярные работы в подъездах начались уже на следующий день после обхода.

– Да, какой хороший человек этот Застройщик! – уважительно кивали головами «жертвы благотворительности». – Дал слово – и держит его. Теперь можно не сомневаться, что он и двор приведёт в порядок!

И снова петух не успел прокукарекать...

Но были и те, кого «облагодетельствовать» не удалось. Народ ведь у нас – разный. В том числе – и неправильно разный. Встречаются такие «отдельные представители». Но, после изучения их досье Застройщик и не стал настаивать. По идейным соображениям: он был убеждённым противником добра через силу. Что тут же, иронически усмехаясь, продемонстрировал ЗЗ

– Знаешь, мне сейчас вспомнилась сказка Шварца «Тень». Там есть сценка, когда Первый министр и Министр финансов обсуждают, что делать с Учёным. Министр финансов говорит: «Его надо или «ку», или «у»!» А Первый министр тут же отвечает: «У»! Лучше «у»!» – «У» – так «у»! – соглашается Министр финансов.

ЗЗ рассмеялся.

– Как раз – наш случай. Всех, кого можно было «ку», мы уже «ку». Кстати, ты отвёз встречные заявления «в область»?

– Так точно! Губернатор полностью удовлетворён результатами проделанной работы.

– Вот. Остались только «неподдающиеся», к которым применима одна лишь мера: «у». А что поделать: диалектика бытия вынуждает нас к этому. В тандеме с отдельными несознательными «элементами», разумеется. Итак, кто у нас остался «неотработанным»?

Он нырнул взглядом в список – и лицо его моментально набралось хмари.

– Опять этот Петров! Ведь просил же Полковника разобраться с ним! Как человека просил!

Он быстро потыкал кнопки телефонного аппарата.

– Здорово, братан! Слушай, мы с моим Заом изучаем сейчас...

Да не с твоим, а с моим! Как ты боишься, что тебя подсилят! И кой хрен тебе бояться, когда ты не сегодня-завтра уйдёшь в область? Ну, вот. Тогда слушай молча! Мы сейчас просматриваем список «неотработанных» лиц. Слушай, что за х... ня? Почему до сих пор в этом

списке находится фамилия Петрова?.. То есть, как это исчез? Как это исчез? Ты, б... дь, УВД или не УВД?... Ну – ДВД!.. Так вот, если ты – ДВД, то чтобы нашёл мне его живым или мёртвым... Да, правильно: второе – предпочтительней... Срок? Вчера ещё!.. Ладно – неделя. Но ни днём больше!

Трубка упала на рычаги, сопровождаемая заковыристой аттестацией недавнего абонента.
– Работнички, ё... вашу мать!

Отведя душу, Застройщик скосил глаза на список.

– Ну, это вообще, как говорится, «ни в п... ду, ни в Красную Армию!»! «Баба Маня из квартиры сорок девять!» Да неужели же нельзя было решить этот вопрос самим? Неужели я во всё должен влезать лично сам? Даже в разборки с «божьими одуванчиками»?! Да что же это такое?!

– Извини, шеф.

ЗЗ быстро обвёл фломастером цифру напротив «реквизитов» бабы Мани.

– Тут уже всё практически готово. Завтра «отработаем» старушку.

Застройщик посопел ещё немного – и вернулся к списку.

– Так: Правдоискатель Сидоров. Соседка №15...

К списку были приложены краткие характеристики, составленные людьми Полковника. Застройщик прочитал их – и не выказал энтузиазма.

– Да-а, – протянул он. – Это тебе – не баба Маня... Тут уже возиться придётся основательно...

– Кто там?

– Из собеса, Марь Иванна!

За дверью долго возились с непослушным замком, прежде чем он, наконец, поддался «уговорам». В образовавшуюся щель – шире открыться не позволила стальная цепочка – просунулось морщинистое старушечье личико.

– А я Вас не знаю...

Перед личиком тут же мелькнула красная корочка с золотым тиснением. Вполне обоснованно сомневаясь в объёме внушения, корочка выдала и своё нутро – с фотографией и синей печатью. Это безотказно подействовало на хозяйку квартиры: цепочка «отстегнулась» – и дверь «пошла навстречу» гостье.

– Проходите. Только прошу извинить за беспорядок: приболела я...

– Искренне вам сочувствую...

– А Вы по какому вопросу? – прокряхтела хозяйка, похоже, и в самом деле чувствующая себя далеко не лучшим образом. Что было вполне естественно для её возраста и материального положения. – С чем, как говорится, пожаловали: с добром аль с худом?

Предваряя ответ, гостья старательно отвела взгляд от старушки.

– Вы бы сели, Марь Иванна...

Старушка так и обмерла. В отличие от гостьи, для этого ей не пришлось даже стараться.

– А что такое?

Гостья протяжно вздохнула.

– Прямо не знаю, как и сказать...

– Да, говорите же!

Старушка грузно опустилась на стул и схватилась рукой за сердце.

– Боюсь, что я к Вам – с неприятной вестью...

Представительница умела давать информацию. Неприятность шла мелкими порциями, словно для лучшего усвоения. «Экзекуция» сопровождалась качественной мелодраматической жестикуляцией.

– Мы недавно провели сверку данных наших пенсионеров... Плановую сверку... И вот, к огромному нашему сожалению... выяснилось... что в Ваши данные закралась ошибка... если это, конечно, просто ошибка... о стаже работы...

Старушка широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на гостью, будучи не в силах вымолвить хотя бы слово. Она только беззвучно разевала рот.

– Мы подняли архивные документы... К сожалению, часть Вашего трудового стажа не подтвердилась... Более того: имеющиеся у нас данные противоречат тем сведениям, которые Вы в своё время предоставили... Вам, увы, не полагалась не только льготная пенсия, но и даже обычная полная. Для её начисления не хватает стажа... Поэтому Вы могли рассчитывать только на пенсию с неполным стажем... Вот... Так что, незаконно полученные Вами деньги, увы, придётся удерживать из последующих выплат. Вы... Марь Иванна, что с Вами?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.